

ПИОНЕР

ИЮНЬ

6

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1967 г.

КАНИКУЛЫ!

Рисунок А. Елсева и М. Скобелева.

**ВЫ УЖЕ ОТКРЫЛИ НОМЕР?
ТОГДА НАЧНЕМ!**

● Рассказ Марины Бондарюк «Венская чашечка». Загадочно? Да. Но об этом ни слова. Разгадка ждет вас прямо в номере.

Марина
БОНДАРЮК.

● Константину Георгиевичу Паустовскому исполнилось 75 лет. Мы поздравляем его и печатаем о нем интересную статью М. Бременера.

● ВНИМАНИЕ! В ЖУРНАЛЕ ОТКРЫВАЕТСЯ НЕОБЫЧНЫЙ ПОЧТАМТ.

● «Когда-то давно по древнему языческому обычаю выходили люди в ночь на Ивана Купала искать счастья...» Так у нас начинается рассказ о народном поэте Белоруссии Янке Купале. Есть и его стихи у нас в номере. Прочтите их!

● Новая! Новая глава из книги «Мэри Поппинс»!

● Александр Крестинский, поэт из Ленинграда, прислал два стихотворения. Мы нарисовали к ним картинки и — вот они, стихи и картинки, перед вами!

● Рассказ В. Драгунского. КОНЕЧНО ЖЕ, СМЕШНОЙ.

● Что за грохот здесь и тут, тут и там — по оврагам, по полям, по лесам? Не волнуйтесь, это летний выпуск пионерской игры «Там-Там».

● Хотите на Северный полюс? Тогда прочтите рассказ писателя Андрея Некрасова.

● Интересно — очень! Красиво — очень! Да еще удивительно и необычайно! В номере выставка театральных декораций.

● На обложке тоже театр, волшебный, сказочный, придуманный нашей художницей Н. Доброхотовой. А на сцене его две куклы, они играли на самом деле — в спектакле «Золушка» (художница Пертале), и Маг из спектакля «Маскарад» (художник А. Головин).

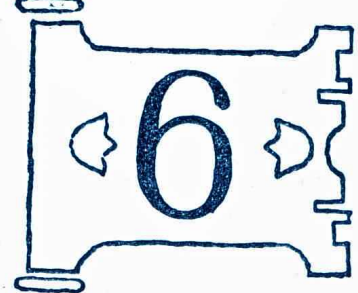
А это герои
рассказа М. Бондарюк
«Венская чашечка».

ТАМ-ТАМ
зовет ребят
на 74-ю страницу.

Александр
КРЕСТИНСКИЙ.

ВЕНСКАЯ ЧАШЕЧКА

РАССКАЗ

Марина БОНДАРЮК

Рисунки Ю. Черепанова.

Мы с мамой пообедали и собрались пить чай с суфле, полученным по карточкам, когда раздался звонок и в дверь ввалились Саша Мартынова из второго подъезда и Витька, дворничихин сын.

— Здравствуйте,— сказала Саша Мартынова.

— Здравствуйте,— сказала мама,— проходите, пожалуйста.

— Спасибо,— сказала Саша и вошла в комнату.

Витька же продолжал топтаться в дверях.

— Мы пришли по поручению совета домоуправления,— сказала Саша значительно. Ей было тринадцать лет, она любила задаваться. Саша обвела комнату глазами, посмотрела на стол.

«Ишь ты,— подумала я,— увидела суфлетки».

— Совет домоуправления устраивает утренник в пользу детдомовцев нашей школы.— Саша сделала паузу.

Витька, покраснев, пробасил от дверей:

— Им подарки к первому сентября будут делать.

— Понятно,— сказала мама,— по сколько вы собираете?

— Мы не собираем,— сказала Саша.— Нина Денисовна будет перед утренником продавать билеты, а мы пришли по другому делу.

Мама смутилась. Саша снова обвела комнату глазами и посмотрела на стол.

«Сейчас мама, чего доброго, пригласит их пить чай»,— подумала я.

— На утреннике будут показаны сцены из «Золушки» и разные другие номера.

— Вот как? — сказала мама.— Молодцы какие!

— Вот,— продолжала Саша,— мы ходим по квартирам, собираем декорации. Что вы могли бы нам дать?

— Что я могу дать? — спросила мама.— Я не знаю, что вам нужно.

— Мы уже много насобирали,— сказала Саша.—

Мама Светы Ермолаевой нам дала ковер, в двенадцатой квартире нам дали вазы и ширму. А теперь нам нужны еще красивые стулья.

Она нахально смотрела на наши два стула у стены. Стулья были обиты красным плюшем, их спинки оканчивались хорошенькими деревянными шишечками.

— Можно мы возьмем ваши стулья? — спросила Саша.

— Ну, конечно,— сказала мама.

Саша поманила Витьку, он схватил по стулу в каждую руку и пошел к двери.

А Саша подозрительно уставилась на стеклянную горку. «Сейчас еще чего-нибудь попросит»,— подумала я. Мама грустно смотрела на ребят. «Жалко ей стульев, конечно...»— думала я.

— Знаете, ребята,— сказала мама,— давайте чаю попьем, а потом пойдете.

Саша оторвалась от горки.

— Подожди,— сказала она Витьке.

Витька поставил стулья и покачал головой.

— Я не хочу,— сказал он.

— Спасибо,— сказала Саша и с достоинством села за стол, словно перед ней было красное сукно и она вела собрание учкома.

— Иди сюда, Витя,— ласково сказала мама,— выпей чаю.

Витька подошел, как-то сбывчившись, оттопырив толстые губы, и, сев, стал разглядывать свои руки под столом.

Мама разлила чай и подвинула ребятам вазочку с суфле. Но я, опередив всех, схватила две суфлетки и положила рядом со своей чашкой.

— Маша!— сказала мама и нахмурилась. Она нарезала хлеб и дала по куску, намазанному маслом, Саше и Витьке.— Ешьте, ребятки. Золушки вы мои!

— Почему это золушки?— сказал Витька.— Я буду играть, например, принца.

— Принца?— Я засмеялась. Толстогубый лохматый Витька будет играть принца!

Витька исподлобья посмотрел на меня, утер рукавом нос и отвернулся от стола.

— Маша!— строго сказала мама.— А ты кем будешь?— спросила она у Саши.

— Я— Золушка.— Саша улыбнулась.— А Роза Левина— мачеха, а Светлана Ермолаева будет басню читать, а Алик Фридкин и вот Витька будут акробатический этюд показывать.

— Витя еще и акробат!— сказала мама и потрепала Витю по плечу.— Ты пей чай, Витя.

Саша громко пила чай из блюдечка и надкусывала шоколадные края суфле. Я все с большей неприязнью смотрела на нее: меня грызла зависть. Конечно, Саша красивая, и ей пойдет играть Золушку, не то что Витьке— принца. И теперь воображать она будет еще больше...

Выпив чай, Саша встает из-за стола и снова подходит к горке.

— Тетя Лена,— говорит она,— какие у вас хорошенькие чашечки!

«Хорошенькие,— думаю я,— а тебе-то что?»

— Можно посмотреть?

Мама открывает горку и достает маленькую чашечку, которую папа привез из Вены. Это фарфоровая чашечка на узенькой, как у рюмки, ножке. И на ее доньшке нарисован прекрасный город: крошечные дворцы и деревья.

«Мама,— хочу крикнуть я,— ведь она ее сейчас попросит!»— но боюсь, что мама рассердится.

— Тетя Лена,— говорит Саша,— нам очень нужна такая чашечка. Мы ее не разобьем, честное слово! Пожалуйста, дайте...

— Мама,— говорю я, возмущенная Сашкиным нахальством,— мама!

Но мама как будто не слышит.

— Только не разбейте,— говорит она.

— Ну, что вы, что вы!— визгливо от восторга говорит проклятая Сашка.— Мы вам завтра же вечером принесем и не разобьем ни колечко...

— Мама!— кричу я.— Они же разобьют, разобьют!..— Слезы закипают у меня на глазах.

— Не разобьем,— говорит Сашка и презрительно смотрит на меня.

— Как это некрасиво, Маша!— говорит мама и пожимает плечами.

Саша бережно укутывает чашку в грязный носовой платок, Витька берет стулья, и они идут к двери.

— Большое спасибо,— говорит Саша у двери,— приходите к нам на утренник.

— Как я тобой недовольна! — говорит мама, когда они выходят в коридор.

Но я, не в силах побороть свои чувства, бегу за ними и кричу:

— Не разбейте чашечку-то!

Саша презрительно молчит, а Витька говорит:

— Не бойся, в сохранности будет твоя чашечка.

Мама на утренник не пошла, а мне вплела в косу красную ленту и дала два рубля. В подвале домоуправления толпились ребята со всего двора. Нина Денисовна, управдом, сидя за конторским столом, продавала бумажные квадратики, на которых фиолетовыми чернилами было написано: «Билет на самодеятельный концерт дома № 18». Я протянула ей два рубля, но откуда-то вынырнула Саша Мартынова и сказала:

— Нина Денисовна, это ее чашечка и два стула.

Тут я впервые познала вкус привилегий и под завистливые взгляды других ребят прошла без билета в большую комнату без окон, где стояли рядами стулья и лав-

ки, а посреди дощатой стены растянулась старая ширма.

Но я все еще была зла на Сашу и, не поблагодарив, села во втором ряду. За ширмой возились и разговаривали громким шепотом.

Комната заполнилась ребятами. Рядом со мной сел Валька Прутиков, шестиклассник из 20-го подъезда.

— Давай начинай! — крикнул он, поерзав на стуле.

— А я прошла без билета,— сказала я.

— Да ну!

— Я дала для декорации чашечку и два стула.

— Да? — сказал он и отвернулся.

Саша Мартынова промчалась с распущенными косами по комнате и нырнула за ширму.

— Эй, начинайте! — снова крикнул Валька Прутиков. Потом он что-то шепнул мальчишке, который сидел рядом с ним, и они засмеялись.

— А Золушку будет играть Мартышка,— сказал мальчишка, корчась от смеха и толкая в бок Вальку.

— Ну и что? — сказал Валька.— Мартышка красивая.

Перед ширмой вырос Алик Фридкин. Он тряхнул головой, откинув прядь черных волос со лба.

— Внимание! — оглушительно громко крикнул он.— Начинаем наш концерт.

В углу комнаты засмеялись.

— Хи-хи-хи,— сказал Алик и грозно посмотрел в угол.— Первым номером нашей программы — сцены из спектакля «Золушка». Роли исполняют: Золушка — Саша Мартынова, принц — Виктор Белкин, мачеха — Роза Левина, дочери — Светлана Ермолаева и Галя Иванова, сказочник — Алик Фридкин, то бишь я.— Алик комически подмигнул в зал.

Он подошел к ширме и сдвинул ее на край сцены. На сцене за столом сидели мачеха и дочери и черпали ложками в пустых тарелках. На низкой лавочке возле метлы примостилась Саша Мартынова в старом платье и длинном фартуке. Она с преувеличенно скорбным лицом грызла сухарь и очень громко вздыхала, когда мачеха и дочери говорили о предстоящем бале во дворце принца и о том, как они там будут веселиться.

Я искала глазами свою чашечку. Вдруг разбили? Я страшно обрадовалась, когда Саша достала из сундучка три чашки, в том числе и мою — фарфоровую, на тоненькой ножке — и подала их на стол. Я посмотрела на Вальку Прутикова и хотела показать мою чашечку, но тот только отмахнулся. Тогда я повернулась к тете Любе, лифтерше, которая сидела с другой стороны, и сказала:

— А вон ту чашечку я дала.

— Какую?.. — спросила тетя Люба.—

Хорошенькая. Смотри, как разобьют, что мамке скажешь?..

Чашечку держала Светлана Ермолаева, она громко отдувалась, глотая воображаемый чай. Суевливая, неряшливая Светланка всегда что-нибудь опрокидывала. Как такому человеку могли доверить хрупкую чашечку? Она так неловко держала ее за тоненькую ножку, что у меня сжималось сердце.

«Эй,— хотелось крикнуть мне,— поосторожней, ее знаешь, как легко разбить?»

Но я, конечно, ничего не кричала, а только напряженно следила за Светкой. Поймав ее взгляд, я стала жестами показывать, чтобы она покрепче держала чашечку или поставила ее в конце концов на стол. Светка не обращала на мою жестикуляцию никакого внимания. Тогда я высунула язык и одновременно погрозила ей кулаком. Светлана вытаращила глаза и исподтишка тоже показала мне кулак. Тут на нее грозно цыкнула Золушка. Кругом засмеялись, а действие продолжало развиваться своим чередом.

— Что ты дурочку валяешь? — сказал Валька — Тебя для чего сюда пустили?

— Ни для чего,— сказала я и отвернулась.

Мачеха с дочками уехала на бал, Золушка пригорюнилась на лавочке. И тут вышел Алик Фридкин в шапочке с петушиным пером, раздвинул ширму и сказал:

— А в это время к Золушке прилетела добрая фея, взмахнула палочкой, и по мановению волшебной палочки лохмотья Золушки превратились в наряд принцессы, большая тыкva — в карету, черные мыши — в прекрасных коней. «Езжай, Золушка, на бал, веселись, — сказала фея, — но знай, что в двенадцать часов ночи все волшебство...»

Алик мог бы ничего такого не говорить, все знали сказку про Золушку, но он уж очень старался, и голос его был протяжен; в комнате было тихо: его внимательно слушали.

Во втором действии на полу сцены лежал ковер, по краям стояли большие вазы, в глубине — наши стулья с красной плюшевой обивкой. За сценой патефон играл вальс. В объятиях принца кружилась Золушка в белом платье и с волосами, распущенными по плечам. Боже, но что случилось с губошлепом Витькой? Я не верила своим глазам. Он выглядел почти настоящим принцем, бледный, синеглазый, с волосами, красиво завитыми, в бархатной курточке, в черных чулках и с игрушечным кортиком у пояса. Он был в десять раз красивей Золушки, хотя та была нарумянена и на платье у нее были нашиты золотые бумажные звезды. Вальс кончился. Витька взял Золушку за руку, подвел к краю сцены и сказал:

— Вы очаровательны!

Мне же очаровательным казался сам Витька. Я не могла оторвать от него глаз.

— Кто вы? Откройтесь, — сказал Витька и вдруг встал на одно колено перед Сашей Мартыновой.

У меня защемило сердце, я смотрела на сцену не дыша. Витька склонил голову к Сашиной руке и застыл.

Мне вдруг безумно захотелось быть на месте Саши.

В это время за сценой раздались удары: «Раз, два, три...» Золушка заметалась по сцене, обежала вокруг стульев и исчезла за ширмой. Бедный принц бросился было за ней, но махнул рукой и что-то подобрал у стола. Он прижал к груди маленькую желтую туфельку. Он так растерянно и печально смотрел в зал, что мне на минуту показалось, что он правда переживает исчезновение Саши. Но он, конечно, знал, что Саша никуда не убежала, а сидит сейчас за ширмой, и он может подойти к ней в любую минуту. Так что это просто была игра.

Все остальное время я чувствовала себя

смятенно и грустно. Я только немного развеселилась, когда дочери стали примерять туфельку. Светлана Ермолаева краснела от натуги и ужасно дергала ногой, напяливая туфельку, чуть с лавки не свалилась. Ужасно комично играла.

После спектакля вышли Алик Фридкин и Витька в трусиках и майках, снова растелили ковер и стали кувыркаться, делать стойки и сальто-мортале. Я смотрела на Витьку, и, может, оттого, что его волосы были все еще завиты, он был похож на принца.

Потом выступала Светлана Ермолаева. Она читала басню про змею и кролика. Прорекламировав первую строчку «Змея под камень поползла...», Светлана стала всем телом показывать, как змея ползла под камень. Все восхищенно замерли — так старательно выгибалась Светлана и даже открывала рот, словно ей трудно было дышать. Но вот прошла минута, а Светлана все не произносила второй строчки. Движения ее стали походить на судороги. Она попросту забыла стихотворение и выгадывала время. Вот, наконец, она вспомнила несколько строк и прочла скороговоркой, а когда снова забыла, опять начала представлять в лицах. И так все время. Она совсем плохо знала басню. Как только Светлана закатывала глаза или дрожала, словно она кролик, увидевший змею, все дружно покатывались со смеху. Опять забыла! Но мне все-таки было грустно, я смеялась меньше всех.

После представления я вместе с ребятами вышла во двор.

Было тепло и пасмурно. Многие ребята разошлись по домам, но несколько человек осталось. Кто-то вынес мячик, и решили играть в штандр. Я тоже хотела играть в штандр, но вспомнила, что мама ждет обедать. Из подъезда вышла Саша Мартынова с чемоданчиком в руках, за ней шел Валька Прутиков. Я слышала, как он ей говорил:

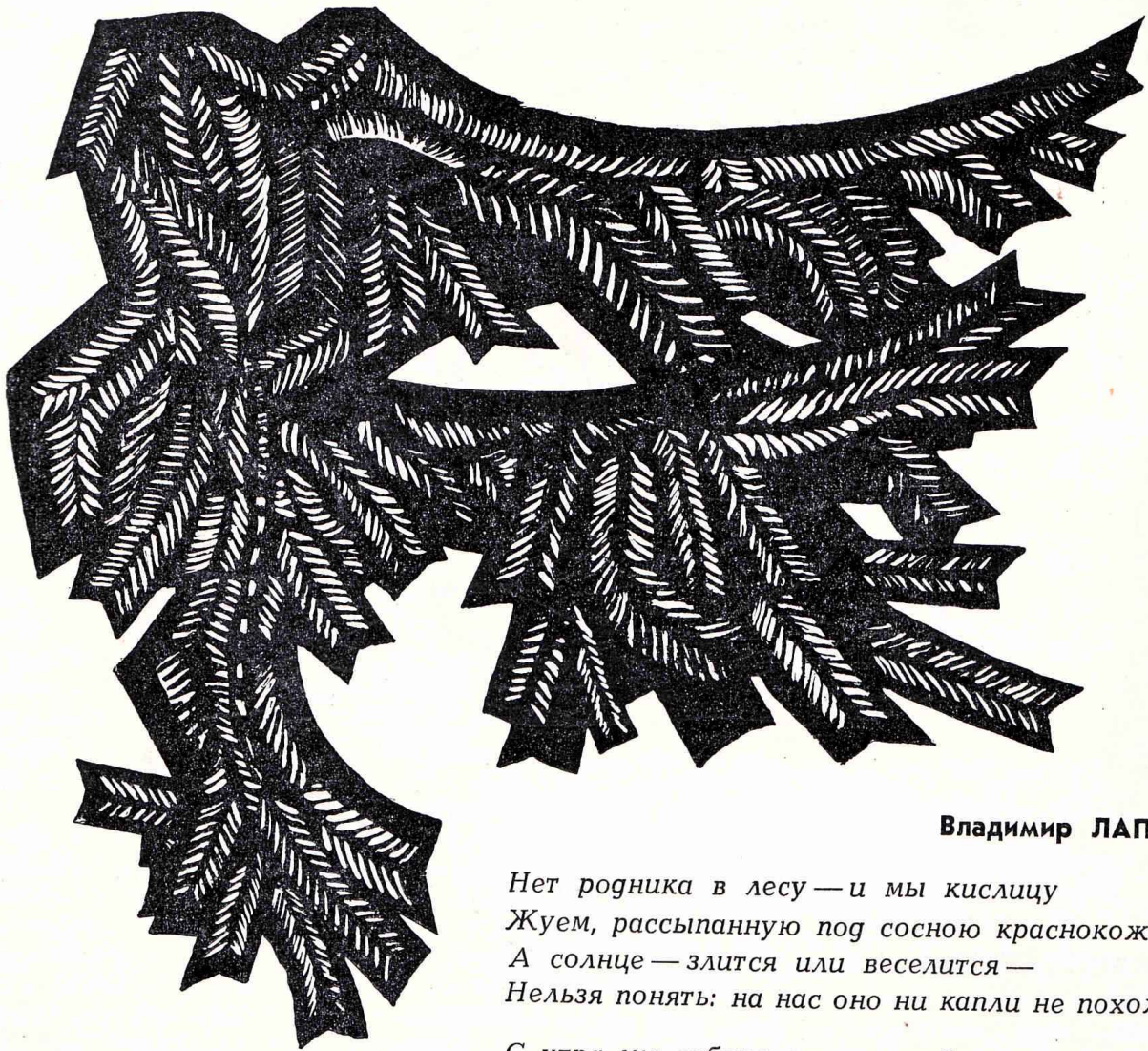
— Ты здорово играла.

«Ну да, — подумала я, — Витька играл лучше всех».

Я пошла домой. У подъезда меня кто-то тронул за плечо. Я обернулась. Это был Витька.

— Вот, — сказал он, протягивая мне газетный сверток, — видишь, не разбилась.

Я кивнула. Мне стыдно было смотреть ему в глаза.

Владимир ЛАПИН

*Нет родника в лесу — и мы кислицу
Жуем, рассыпанную под сосною краснокожей;
А солнце — злится или веселится —
Нельзя понять: на нас оно ни капли не похоже.*

*С утра мы собирались за грибами,
Но видим, что пора грибов еще не наступила.
Давай возьмем нарост березовый на память
Об этом дне, о жаркой силе солнечного пыла.*

*Потом пойдем на шум, неясный, гальный,
И выйдем на шоссе, где движутся автомобили,
Где дышит камень лампою паяльной.
И снова в лес свернем, но вовсе не туда, где
были.*

Рисунки
П. ПРОРОКОВА.

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Владислав КРАПИВИН

Рисунки
Е. МЕДВЕДЕВА.

Глава шестая

Владик просыпается рано. После шести уже не поспишь. Как ни задергивай шторы, солнце все равно просочится в какую-нибудь щелку.

Владик прищуривает глаз. На кончиках ресниц загораются радужные шары. Разноцветные капли, звезды и кольца кружатся в этих шарах. Вот какое чудо случается, если близко-близко рассматривать солнечные искры.

Владик распахивает ресницы. В комнате такой свет, будто сейчас не утро, а яркий полдень. Это потому, что стены покрашены в цвет слоновой кости.

Слоновую кость и самих слонов нико-

гда Владик не видел. Только на картинках. Но картинки были даже не цветные. А посмотреть бы их живых — громадных, серых, добродушных. И тонких жирафов и желтых львов... И верблюдов...

Владик перестает улыбаться. В беззаботные мысли его вползает воспоминание и начинает мешать им, как тревожный тонкий звон. Верблюды, и львы, и попугаи... На желтых и оранжевых вагонах. Это придумал человек, который погиб. А если человек умер, самая веселая история покажется грустной.

Владик медленно тянет с себя простыню и спускает ноги. Отец, конечно, еще спит. Ему хорошо на диване, за книжным шкафом. Солнце царапает лучами по стеклянным дверцам, а до дивана добраться не

может. Владик видит только папин затылок. Жесткие короткие волосы. Среди них есть несколько белых. На полу у дивана пепельница с раздавленными окурками. Один, два... пять. До которого же часа он не спал? Ну и ну...

На столе — краски и дольки ватманского листа. С вечера остались. Убирать было лень, до того спать захотелось, что чуть хватило сил раздеться.

Осторожно подходит Владик к столу и разглядывает рисунок. Чепуха! Мазня какая-то. Краски непослушны, карандаш — тоже. Очень хотелось нарисовать громадные лесные цветы и маленького волшебника среди них. А получились наляпанные пятна. Краска растеклась и смешалась. Волшебник похож на лягушку в красных штанах.

Надо, чтобы рисунок был яркий, краски веселые и ясные. А они сливаются и мажутся. Попробовать еще? А что рисовать? Трудно придумать. Что-то крутится в голове: то ли забытый сегодняшней сон, то ли давняя сказка... Что-то синее, вечернее и немножко таинственное. Но это никак не нарисуешь.

С недавних пор временами приходит к Владiku непонятное беспокойство. Совсем недавно все казалось простым и праздничным: смотри и радуйся. А теперь он не может просто смотреть. Увидит мелкий цветок в гуще травы, птицу какую-нибудь или облако, и хочется нарисовать что-то такое же или лучше. Или что-нибудь еще сделать — хотя бы стихи сочинить. Да ничего не получается. Только один раз стихи немного получились. В поезде.

Солнце, большое и расплющенное, упало за лесную полосу. Навстречу вагону летели мелкие деревца, и верхушки их были растрепаны ветром. И вдруг из-за бугра с локатором выполз и развернулся плоский аэродром с узкими, темными самолетами. И было такое чувство, словно сейчас случится какое-то приключение. Владик досидел до темноты в коридоре вагона. И за это время колеса выстукивали ему такие строчки:

В чистом поле, за бугром,
Видел я аэродром...
Но все там было незнакомо:
И направления ветров
И солнце красное, как кровь,
За полосой аэродрома.
И только теплый запах трав
Такой же был, как дома...

Этот запах влетал в открытые окна и носился по вагону вместе с ветром и шумом тополей...

Стихи понравились Владiku. Сначала. А потом — нет. Они хорошо читались под стук колес, а после показались глупыми и неуклюжими.

Еще позавчера Владик хотел сочинить другие стихи. Про старого отважного петуха, который не боится даже овчарок: «Красный гребень солнцем просвечен, крылья рыжие, как огонь...» Дальше Владик не придумал и придумывать не будет. Потому что Шурик показал ему Яшкино сочинение, которое переписал, разбив на строчки.

Начинается ветер,
И большие деревья
Шумно встряхивают плечами,
Прогоняют последний сон.
А простыни на веревках
Громко хлопают и полощут.
Кажется им, что они паруса.
Я подумал, что хорошо бы
Сделать парус из этих простынь
И поставить его на лодку.
Только мне не дадут.
Взрослые думают,
Что без паруса жить можно,
А без простынь нельзя никак...

— В конце, конечно, все сбито, — сказал Шурик виновато, будто он сам это сочинял. — Но теперь уж не исправить.

Ну и что же, что сбито! Зато сразу чувствуешь, как с размаху налетает настоящий ветер, и качает старые заборы, и устраивает кутерьму в вершинах тополей. Такая сила! И всякие петухи после этого кажутся сплошной глупостью.

Владик не помнит Яшку. Встречался с ним всего раза три и теперь даже голос его забыл. Говорят, что временами Воробей был довольно вреден. А кто не бывает вреден? Временами. И вот Яшки нет, а остались только строчки о ветре.

И в этих строчках есть что-то похожее на сон, который Владик забыл. Обидно, что забыл. Приснилось что-то интересное...

А может быть, нарисовать веселый Яшкин поезд? Желтое и оранжевое с черным — это будет ярко и красиво. Стремительный такой поезд, летящий сквозь африканские ветры...

Жаль, краски неважные, неровно ложатся.

Владик потянул к себе коробку. Она скользнула на пол, и разноцветные кирпичики красок с треском рассыпались на половицах.

И проснулся отец.

Он повернулся на спину, несколько секунд молча смотрел на Владика, потом заметил:

— Все хорошие люди спят хотя бы до семи часов утра и не мешают другим.

— И не курят по ночам,— сказал Владик.

— Гхм...— обеспокоенно произнес отец и покосился на пепельницу.

— По пять папирос по крайней мере не курят,— уничтожающе добавил Владик.

— Это клевета. Четыре я выкурил в кухне. Только одну в кровати.

— И все окурки принес в комнату?

— Это совершенно случайно. По забывчивости.

— А на работу ты окурки не носишь? По забывчивости?

— Я больше не буду,— жалобно сказал папа.

Владик вздохнул:

— Будешь. Ты уже сто раз обещал.

— Скверный у тебя отец...

— Недисциплинированный...

— Я перевоспитаюсь.

— Посмотрим.

— А почему ты не спишь?

— Солнце...

Такие разговоры с шутливыми перепалками случались каждое утро. После этого отец отворачивался и засыпал до семи. А Владик включал чайник и садился листать учебники.

Но сегодня было не так.

— Владик, послушай-ка. Это серьезно. Я еще вчера хотел сказать... Мама письмом прислала. Мне на завод. Хочет приехать. Просит...

То, что было в раннем детстве, до того страшного случая на бревнах, Владик не помнит. Ни комнат, где жил, ни улиц, ни деревьев, ни людей. Но одно все-таки запомнилось. Всего несколько минут из жизни. Он стоит в пальтишке, в шапке и варежках, а мама завязывает шарф. Сейчас они пойдут гулять. Владика хочется скорей на улицу, но шарф не желает завязываться. Мама дергает его концы, Владик чуть не падает. «Стой как следует»,— говорит мама. Владик рад бы стоять как следует, но ему жарко. Мама одевает его рядом с горячей печкой. За чугунной дверцей голландской печи басовито гудит

огонь. Горячо светится продолговатый глазок поддувала. Оно похоже на золотое яичко Курочки Рябы...

«Не вертись же ты!..»

Видимо, уже вечер. В комнате плотные синие тени, только лицо у мамы светлое. Огонь из золотого глазка освещает его. Лицо совсем не сердитое, только голос сердитый.

«Господи, мученье, а не ребенок...»

А он совсем не мученье. Очень жарко, и воротник трет шею. А печка так и пышет. И поддувало совсем не похоже на золотое яичко. Оно как глаз Змея Горыныча. И пламя воеет злорадно и глухо. Ух ты, зверь! Владик рвется из маминых рук и валенком бьет по дверце. На поддувало с лязгом падает круглая заслонка. Мамино лицо гаснет в синей темноте. Гаснет воспоминание...

А если оно появляется снова, Владик опять ударяет ногой по воображаемой дверце. Чтобы упала железная заслонка...

— Так как же?— осторожно напомнил папа.

Надо было отвечать. Владик старательно и медленно стал подбирать слова:

— Она же не маленькая... Кто ей может запретить приехать? Только где она остановится? Ты же говорил, что в гостиницах трудно устраиваться. А тетя Надя не любит посторонних...

— Ага,— сказал папа.— Ну, хорошо... Я, пожалуй, еще посплю. Ты поставишь чайник?

— Конечно.

Отец опять отвернулся к стене.

Владик зажмурился. Синяя комната, оранжевые блики огня... Сейчас это слишком долго не забывалось. Владик с размаху ударил босой ногой по ножке стола. И, словно в ответ на удар, в коридоре совсем не по-утреннему взревел звонок. Держась за ушибленные пальцы, Владик на одной ноге запрыгал к двери.

Кто мог явиться в такую рань? Конечно, Илька. Он возник на пороге, слегка взъерошенный и озабоченный.

— Ты уже не спишь? Хорошо...

— Папа, между прочим, спит,— ядовито заметил Владик.— Вернее, спал, пока ты не затрезвонил, как на пожаре.

— Я осторожненько нажал,— притихшим голосом объяснил Илька.

— Осторожненько... Звонку ведь все равно.

Отец крикнул из комнаты:

— Владик, что там? Телеграмма?

— Илька.

— А! Тащи его в комнату!

— Тащу.

В свете солнечной комнаты Илька предстал во всей своей красе.

— Вот пижон! — сказал Иван Сереевич с оттенком восхищения.

Илькин костюм был легок и живописен. Все те же серенькие штаны, сандалии на босую ногу и желтая косынка с черными горошинами, повязанная, как галстук. За ремень был засунут крупный молоток, а из кармана торчала ручка отвертки или стамески. Вот и все. Если не считать четырех царапин, идущих наискосок через весь живот. Слово чья-то большая лапа цапнула Ильку. Царапины были красные и припухшие.

— Судя по всему, Тамара Васильевна сегодня на дежурстве? — полувопросительно заметил Иван Сергеевич. — Сын ее ведет самостоятельную и бурную жизнь.

— Веду, — со вздохом согласился Илька.

— Но даже при такой жизни следует завтракать. Этим мы сейчас и займемся.

Илька незаметно облизнулся. Но, видимо, мысли о завтраке занимали его не очень сильно. Когда Иван Сергеевич удалился на кухню, Илька деловито сообщил:

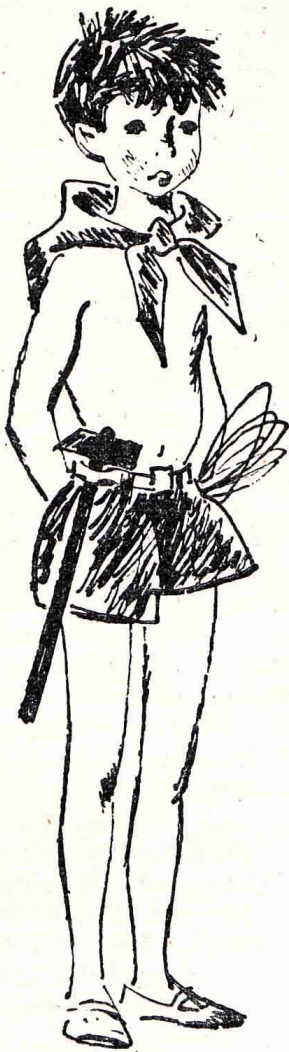
— Нужна веревка.

— Может быть, скажешь зачем? — поинтересовался Владик.

— Ага... Сейчас. — Он наморщил лоб, подбирая нужные слова. Потом сел перед Владиком на стул, подтянул колена, почесал о него подбородок. Глянул исподлобья.

«Что он задумал?» — уже забеспокоился Владик.

— На мысе есть такой гладкий... — Илька поводит в воздухе ладонью, — ну, скос,

что ли... Как стенка каменная. На обрыве, у самого верха. Его отовсюду видать. И с того берега и снизу. И даже сверху видно, если отойдешь чуть-чуть по берегу... Буквы бы на этом месте выбить...

— Какие буквы?

— Яшкино имя.

Он смотрел в лицо Владiku не отрываясь. В его глазах была отчаянная боязнь насмешки и готовность моментально огрызнуться.

Владик молчал, вспоминая, как в прошлый раз Илька закачался на каменном карнизе.

— Если бы он просто так утонул... — тихо сказал Илька. — А он же не просто так. Он же спасал. А никто не знает. У него даже могилы нет с именем. Это справедливо, а?

— А второго гладкого камня там нет? — очень серьезно спросил Владик.

— Зачем?

— Для тебя. Если тоже сорвешься.

— Я не сорвусь. Я сегодня пробовал. Там как раз выступ. Только неудобно держаться. А если сверху веревку спустить, будет хорошо.

— Будет хорошо... — повторил Владик, разглядывая в упор царапины на Илькином животе. — Веревку я дам. Когда Генка придет. Этой веревкой мы тебя выдерем, а потом привяжем, чтобы не лазил на обрыв. Тебе Генка что говорил?

— А мне наплевать! — надменно сказал Илька. И вдруг заморгал и отвернулся. — Трус твой Генка. И ты...

— Дурак, — растерянно сказал Владик. У Ильки дрогнуло плечо.

— Ну, послушай, — немного виновато начал Владик. — Ты ведь там один крутишься...

— Я не один. Там Юрка и Валерик.

— Ой, да брось ты! Помогут они, что ли... Когда Яшка сорвался, они тоже были?..

— Не было! Он их сам прогнал!

— Ну, не было. Все равно, какой от них толк?

— Они за веревкой следить будут. С ней совсем не опасно. А с реки еще ветер дует... Прижимает к камню...

Прижимает...

«Начинается ветер...»

И большие деревья шумно встряхивают плечами...»

— Там же гранит, — сказал Владик. — Сколько времени надо, чтобы выбить все буквы? Все лето.

— Можно все лето. По утрам, пока народу мало.

— Камень серый, и буквы серые. Будет незаметно.

Илька торопливо повернулся и замахал влажными ресницами.

— А как, чтобы заметно?

— Подожди,— сказал Владик.

Если с веревкой, то, наверно, можно. Илька ведь все равно не успокоится. И если привязаться как следует...

Владик вспомнил отвесный борт «Адмирала Нахимова», маленькую люльку на веревке, матроса с длинной кистью. Он крашивал желтые подтеки и казался дилипутиком по сравнению с громадиной корабля... Потом представился Владиду другой корабль, тоже громадный, серый, как гранит, с красными буквами на борту: «Яшка Воробьев». На всех, кто гибнет, не хватает кораблей. Но камень-то на обрыве есть...

— Есть такая краска,— сказал Владик.— Корабельная. Сохнет моментально. Ею днища пароходов красят. Может быть, папа достанет. Мы тогда вместе все сделаем.

— Генка, наверно, не захочет,— засомневался Илька.— Ругаться станет.

— Почему?

— Ну, так... Я знаю. Потом согласится, а сперва станет ругаться.

Была в Илькиных словах какая-то правда.

— Ладно,— сказал Владик.— Если так, то вдвоем тоже можно.

Илька заулыбался.

— Так даже лучше.

В кухне затрещало масло.

— Котлеты?— с опаской спросил Илька.

— Сиди, не прыгай. Яичница,— сказал Владик. Он думал о краске. Мысль о пунцовых буквах на граните уже нравилась ему самому. Было что-то справедливое в этом красном имени на камне. Было утверждение, что Яшка погиб не зря.

— Те, кто умылся, могут завтракать,— сообщил из кухни Иван Сергеевич.

— Илька, идем!

Все было здорово! Все было весело! Они брызгались в ванной, а потом мокрые влетели в кухню. За столом голодный Илька уронил себе в колени кусок горячей глазуньи и по-кошачьи взвыл. Владик долго не мог разогнуться от смеха.

Но сквозь этот смех и веселье почему-то продолжали стучать размеренные слова: «Я подумал, что хорошо бы сделать парус из этих простынь...»

— Папа,— сказал Владик.— Ты ведь, кажется, кораблестроитель.

— Кажется, да. Авторитетные товарищи именно так говорят.

— Помоги построить лодку.

Илька перестал болтать ногами и положил вилку.

— Мы нашли одну лодку,— продолжал Владик.— На берегу. Но она гнилая, ее не починить. Но ведь можно построить новую. С парусом...

— Новое дело!— сказал отец, глядя в тарелку.— Зачем это?

— Чтобы плавать, конечно.

— Вот именно. Чтобы плавать. А потом потонуть. Ты даже на воде не умеешь держаться.

— Я научусь. Ты же разрешил купаться с Генкой.

— Он научится,— поспешно пообещал Илька.— Генка научит.

— Да-да... И с чего это такая фантазия пришла?

— С парусом бы...— тихо сказал Владик.

— С парусом... А мне на работе опять ни минуты покоя не будет? Только о вас и думать.

— Раньше ты так не боялся,— обиженно сказал Владик.— Велосипед был опаснее.

— Дурень. Много ты знаешь.

— Мы бы не стали часто кататься. Можно было бы только с тобой.

— Пока не научимся сами,— добавил Илька.

— Ну, папа... Скажи хоть что-нибудь.

— А что сказать? Я инженер, но не плотник. И досок нет. Ну, посмотрим...

— А что посмотрим?— оживился Владик. В отцовском голосе ясно слышалась уступка.

— Поговорю я... У нас на строительстве нового цеха прораб есть, рыбак. Говорил, что новую лодку купил. Спрошу, что со старой будет делать.

— Ура,— шепотом сказал Илька.

— Не очень-то «ура». Старая лодка — это дыра на дыре. Можете с ремонтом все лето провозиться. А плавать когда?

— Можно и осенью, пока не застынет,— сказал Владик.

— Можно,— подтвердил Илька.

— Может быть, и можно,— нерешительно согласился Иван Сергеевич.— Если на озера ее перебросить... Там такие места, под Ново-Каменской. Кругом озера, а между ними протоки. Я прошлой осенью был. Вода черная, а в ней желтые листья... Но,

если только в самом деле лодка будет, дурака не валять. Ясно?

— Ясно! — гаркнул Илька.

Владик помолчал, думая о желтых листьях на черной воде. Ему даже показалось, что слышен запах осеннего леса.

«По черной воде в золотых берегах плывет наш фрегат, раздвигая упавшие листья...»

И вдруг Владик вспомнил свой сон, хотя сон этот был не про осень, а про летний вечер.

Глава седьмая

Они работали уже четвертый день. Очилили, отскребли лодку, проконопатили щели. Осталось заделать небольшую дыру в борту, а потом браться за покраску.

Банки с белилами, черной краской и суриком стояли здесь же. За ними пришлось идти на завод, потому что Иван Сергеевич брать на себя это дело не захотел.

— Значит, я должен краску под полкой

через проходную тащить? Чему вы меня учите? Нет уж, дудки! Идите к директору и просите сами. В порядке дружеской помощи.

Правда, к директору он пошел вместе с ребятами.

В кабинете вся компания от робости застряла у порога, а Иван Сергеевич прошел к столу.

— Вот, Владимир Леонидович, привел весь пиратский экипаж.

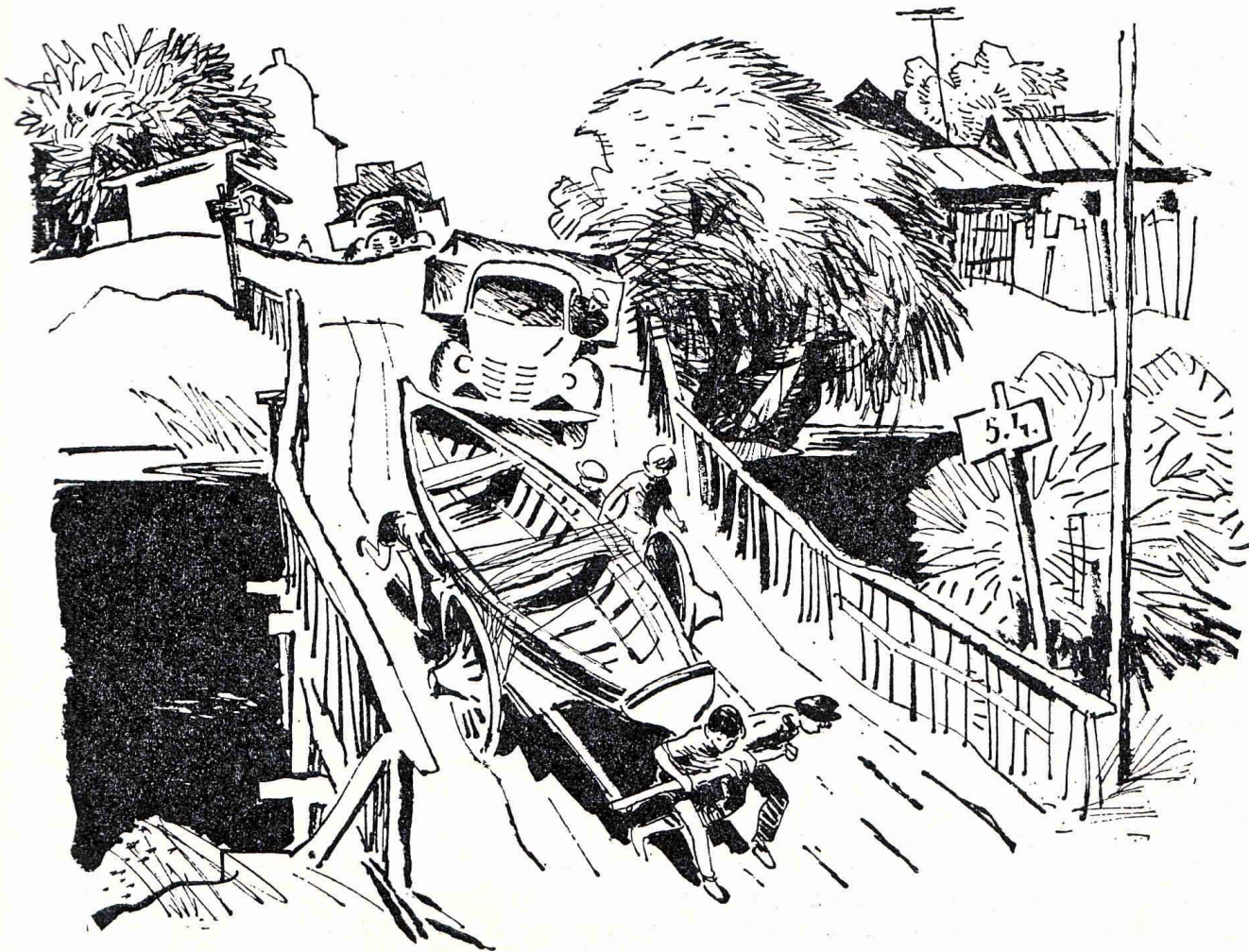
Директор поднял от бумаг лицо, и Генка заморгал. От неожиданности он, кажется, даже снова сказал «здравствуйте».

— Здравствуйте, — вежливо откликнулся Владимир Леонидович. — Неожиданная встреча. Ну, как тот вредный автомат? По-прежнему глотает монеты?

— Я больше не звонил, — сказал Генка.

— Мы вместе однажды телефонную аппаратуру осваивали, — объяснил директор Ивану Сергеевичу. — Ну, так... Значит, надо вам свой фрегат ремонтировать?

Он сказал, что краску, так и быть, даст. Потом позвонил на склад и в проходную.

У проходной они встретили маленького, лысого прораба Павла Романовича, бывшего хозяина лодки. Павел Романович был чудесный человек. Когда он отдавал лодку, то отказался от всяких денег. Только намекнул, что не прочь ради такого дела распить с Иваном Сергеевичем четвертиночку. Владик со смехом рассказывал, что они распили не одну, а две четвертиночки и потом долго вспоминали детские годы и удивительные случаи в истории кораблестроения.

— Довезли свой крейсер? — поинтересовался Павел Романович. — Не растрясли по досочкам?

— Целенький, — сказал Генка.

Лодку пришлось везти из-за реки, через мост. Скрипучая двухколесная тележка подло заваливалась на правый борт, а за спиной ругательски гудели грузовики. Но все это было теперь позади.

А впереди — работа. Красить, руль делать, мачту ставить, парус шить.

Мачту Иван Сергеевич поможет сделать. Руль тоже скотят все вместе. Парус Шурка сошьет, он на машинке, как портниха, строчит. И выкройку для паруса уже сделал: гафельный грот. Работает у него голова.

Сначала хотели парус из старых мешков кроить, а потом вышел из дому Генкин отец, постоял у лодки, посмотрел, как они шели конопатят, и сказал:

— Чего уж с мешковиной-то плавать... Смех один. Присмотрите в магазине, какую нужно материю...

Они, конечно, присмотрели. Плотная, широкая бязь. Парус будет что надо. Отец, правда, крикнул, когда услышал про цену, однако от своих слов не отказался.

Он вообще эти дни ходил очень добрый и веселый. В доме опять стали появляться шумные люди с въедливым, совсем не южным загаром на лицах. Из Москвы пришло письмо, которое отец очень ждал. Генке он сказал, что «проект в принципе одобрен и даже очень». А потом, видимо, на радостях, взялся объяснять, какой это проект и для чего он нужен. Генка ничего не понял. Вернее, понимал кое-что, пока слушал, но почти сразу забыл. Запомнилось только, что вся эта штука связана с лесохимическим комбинатом.

А вскоре выяснилось, что для дальнейшей работы над проектом отец должен оставить работу в городе и, как выражалась бабушка, «бежать в леса». Мать, когда услышала такие новости, сказала:

— На хвосте мочала — начинай сначала... Я в твоём рюкзаке картошку держу. С чем поедешь?

— Я уже новый купил, — сказал отец.

Пробоину заделали. Изнутри и снаружи. Зачистили, просмолили заплаты. Вытянули лодку на солнце, чтобы смола просыхала скорее.

— С кормы уже красить можно, — сказал Генка. — Чего зря время тянуть.

Как ее красить, давно было решено. Днище они покроют суриком, так же как у настоящих кораблей. Верх сделают черным с тонкой белой полосой по бортам. Внутри лодка будет белой — чистой и светлой, ни единого пятнышка.

Илька вдруг спросил:

— А буквы какие будут? Красные?

— Буквы? — удивился Генка. Он не думал об этом. Лодка есть лодка. Названия бывают у пароходов. Да и не все ли равно? Лишь бы ходила как следует.

Он так и сказал. Но тут с ним никто не согласился. Даже Шурка, который вообще-то не любил спорить. Он сказал как о самой ясной вещи:

— Что ты! Название, конечно, необходимо.

— Ну, ладно. А какое?

Он увидел, как Владик смущенно отвел взгляд. Будто ему стало неловко за Генку. Илька смотрел как-то полуобиженно-полувопросительно. Он-то уж не отведет глаза. Но в чем же дело? Словно всем все ясно, только он, Генка, чего-то не понимает.

— Я вчера в школе был, — беззаботным тоном сообщил Шурик. — Там ремонт, дым коромыслом. Все доски из классов в коридор выставлены, стоят рядами. Я мел подобрал и написал на каждой: «Яшка Воробьев». Потом — когда родился и когда утонул. И еще внизу: «Погиб, спасая двух человек...» Если наша историчка увидит, будет великий шум.

Яшка... Ну, так бы и сказали. Генка и сам про это думал, да потом показалось, что не надо. Вроде бы неловко называть человеческим именем небольшую лодку. А по правде говоря, даже не в этом дело. Не хотелось Генке лишнего напоминания о смерти. Он невольно старался меньше думать о таких вещах. Но раз все решили...

— Значит, имя и фамилию писать на бортах? Полностью? — спросил он.

— Можно просто имя, — быстро сказал Илька.

— С фамилией лучше,— возразил Владик.— А то непонятно: какой Яшка?

— Ребята, — озабоченно сказал Шурик.— Что-то не так получается. Я только сейчас подумал. Нехорошо как-то: «Яшка». Это же не на улице кричать.

Генка уже вскинулся, чтобы заспорить, но не стал. Кажется, Шурка был прав.

Владик незаметно пожал плечами. Наверно, он не считал, что «Яшка» звучит плохо.

Илька не без ехидства напомнил:

— А сам на досках писал: «Яшка Воробьев».

— Не подумал, — откликнулся Шурик.— Но доски — это пустяк. С них тут же все сотрут.

— А как же писать? — спросил Генка.— Его иначе, как Яшка, никто и не звал.

В самом деле, не писать же «Яша Воробьев». Какой же он Яша — маленький, остроносый, растрепанный Воробей? Он сам удивился бы до заикания, если бы услышал, что его так зовут.

— Тогда «Воробей», — с усмешкой сказал Шурик.

— Фрегат «Воробышек», — отозвался Генка.

Все понимали, что это несерьезный разговор. Шутили, хотя шутить не очень хотелось.

— Какой же фрегат? — возразил вдруг Шурик.— Фрегат — это громадина с кучей парусов.

— А пусть. Все равно,— тихо и упрямо сказал Илька.— Маленький фрегат. Жалко, что ли?

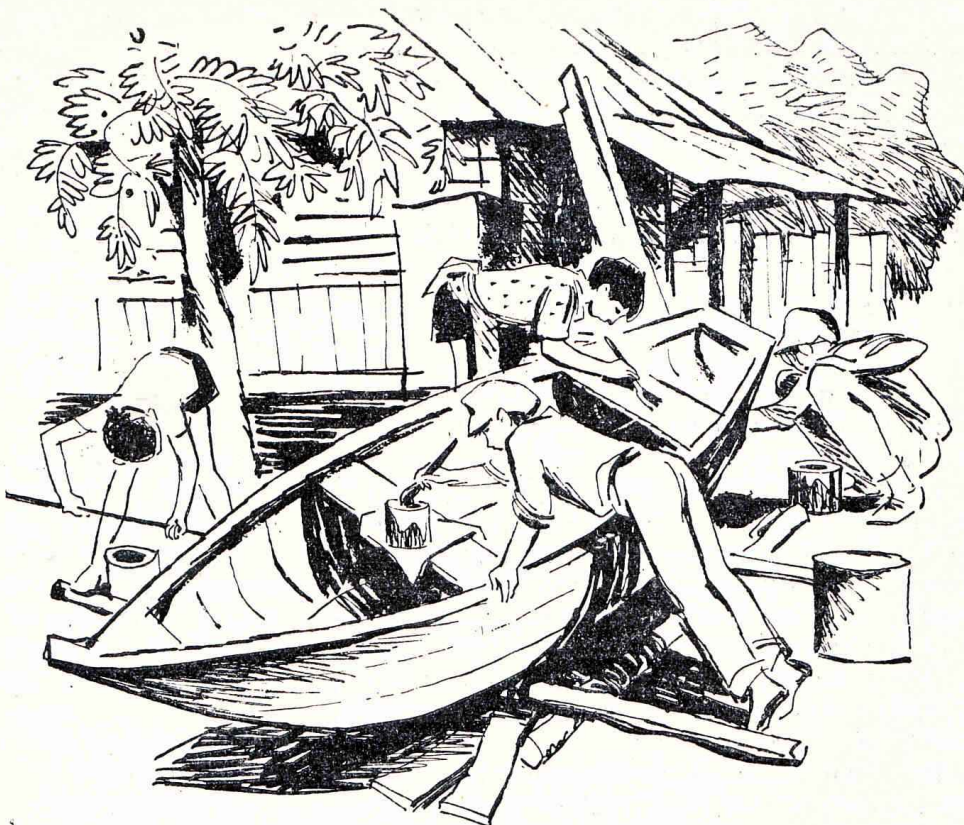
— Не жалко... Но уж тогда не «Воробышек».

— Африка... — вдруг сказал Илька.

— Что?

— Название такое: «Африка» — повторил Илька и насупилсь.— А что? Яшка любил все про Африку...

— Да ну... — недовольно начал Генка и

замолчал. Почувствовал, что название это — единственное и что оно намертво прикипает к лодке.

— Африка... — снова сказал Илька. Он будто на ладошке покачивал это слово.

— Ай да Илька! — заметил Шурик.

— Оранжевыми буквами, — предложил Владик.— Давайте, а? Оранжевое на черном будет огнем гореть.

— Нет оранжевой краски...

— У нас дома желтая есть. С красной смешаем. Принести?

«Сейчас Илька увяжется», — почему-то с неудовольствием подумал Генка.

— Я с тобой, — тут же подскочил Илька. Он оперся ладонью о днище, прыгнул через лодку к Владиду. И прежде чем оторвать руку от шероховатых досок, он незаметно и ласково погладил их.

Илька теперь любил эту лодку, как живую.

Он думал о ней все время. Думал о том, как ветер приподнимет и натянет парус, как желтая вода забормочет у черных бортов, как острый лодочный нос, качнувшись, приподнимется на пологой волне.

Карту со зверями он изрисовал силуэтами лодок и пароходов.

По ночам ему снились реки с заросшими берегами. Мачта цеплялась за сплетения веток, разгоняя оранжевых попугаев. Вы-

сокие пароходы осторожно выползли из-за мохнатых от зелени мысов и обрадованно трубили, выбравшись на широкую солнечную воду. Львы неторопливо выходили из джунглей и провожали спокойными взглядами маленький парус.

На мелководье, как громадные цветы, стояли на розовых ногах фламинго...

Глава восьмая

Смола и краска въелись в Генкины ладони. Руки пахли лодкой. У лодки был запах праздника, солнца и путешествий.

Генка приходил вечером в дом, падал в постель и засыпал, сунув ладони под щеку. Летучие сны, которых он не помнил, тоже пахли краской, смолой и мокрым песком отмелей. На этих отмелях Генка, Илка и Владик купались после работы.

Просыпался Генка словно от веселого, дружеского толчка: вставай, вспомни, сколько всего впереди!

Впереди ждала радость нового дня. Вернее, много радостей. И самой главной была не лодка, не ожидание первого плавания и не свобода летних дней. Главной Генкиной радостью был Владик.

Не сразу Генка понял, что радость редко бывает без тревог. Тревога впервые кольнула его, когда Владик вдруг отложил стамеску, сел на чурбак, отвернулся и не ответил на какой-то вопрос. Генка не умел расспрашивать. Он молча драил наждачной бумагой оструганную мачту, а мысли его были о другом: неужели он, сам того не заметив, чем-то обидел Владьку?

Он понял вдруг, что без Владьки жить спокойно не сможет. И ни при чем тут прошлый год, и летучие «конверты», которые запускали вместе, и тот проклятый провод на крыше. Если бы Генка встретил Владика сейчас, было бы то же самое. Так по крайней мере казалось.

Владик был нужен Генке. А нужен ли он, Генка, Владику так же сильно?

Впрочем, тревога была тогда недолгой. Владик обернулся, и на лице его Генка не увидел никакой обиды.

— К тете Наде ходил вчера, — сказал Владик устало, будто тетя Надя жила километров за сорок. — Не к ней самой, а на чердак... Приборы хотел взять для лодки.

— Ну и как? Все разломано, да?

— Все цело, — тоскливо сказал Владик. — Только я туда больше не пойду. И брать

не буду... Я без этого чердака раньше жить не мог. Ну, понимаешь, он для меня самым главным был. А сегодня посмотрел — грязь да паутина. Железки ржавые. Компас — просто склянка с водой. И темно...

— Можно ведь все поправить, вычистить. Или тетка не разрешит?

— Не знаю... Разрешит. Только я не хочу. Там и раньше так было, просто я не видел... А сейчас как-то страшно там даже.

Он отвел взгляд и опустил плечи. Генка снова почувствовал: самый большой Владькин страх — это страх перед новой слепотой. И темные углы помогают страху ожидать.

Генка решил спросить:

— Владь!.. А как же тогда? Помнишь, ты говорил про метеорологов.

— Помню, — твердо ответил Владик. — Не хочу. Тогда хотел, а сейчас не хочу. Думаешь, струсил?

Генка пожал плечами. Думать так было бы глупо.

— А чего хочешь? — спросил он.

— Не знаю, — тихо сказал Владик. — Я хочу чего-нибудь очень хотеть. И делать что хочется. Чтобы получалось. Но я не знаю. За что ни возьмусь, ничего не выходит. Даже рисовать не могу, только красками мажу.

А недавно вечером, когда сидели у лодки вдвоем, Владик рассказал свой сон.

— Знаешь, Гена, это будто и не сон вообще... Все так ясно запомнилось. Будто я в наш город из пионерского лагеря при-

ехал... Смешно, верно? Я ведь в лагере никогда не был, а тут будто приехал. Ну, город такой же, все такое же, только дома какие-то немного странные. Улица заросшая, полынью пахнет. И вечер уже... Знаешь, такой вечер, когда все синее и чуть-чуть коричневое...

Генка не очень понимал, откуда в сумерках вечера возьмутся коричневые краски, даже чуть заметные. Но дело было не в этом. Главное — то, что Владик рассказывал о чем-то важном. Не просто сон. Генка это чувствовал.

— И вот я вышел к реке, — продолжал Владик. — На обрыв. А река будто совсем не такая. Даже не река, потому что другого берега не видно. Только огоньки у горизонта. То ли пароходы, то ли маяки. Знаешь, искрят такие звездочки, далеко-далеко... А к воде сверху лестница идет. Даже не одна лестница, а много, но они вплотную друг к другу, без перил. А ступеньки у них разные. И теплые...

Генка вдруг, как наяву, услышал запах нагретого камня, полыни и речного воздуха. И ясно представил гранитную лавину ступеней среди темных береговых круч. А заодно желтую половинку месяца над кромкой обрыва...

— А на лестницах пушки, — сказал Владик. — Одни стволы только, старинные, из бронзы. На каменных подставках. Такие громадные кубики из камня торчат среди ступеней, а на них эти стволы лежат.

«Наверно, тоже теплые. Днем нагрелись», — подумал Генка.

— А дальше? — напомнил он, потому что Владик замолчал, сдвинув брови.

— Сейчас... Я стою и ничего понять не могу. Не очень удивляюсь, но как-то странно все. Думаю: откуда это? А какой-то мальчик, вроде того маленького Валерки, говорит, будто в ответ: «На севере перемычку рванули. Океан теперь подходит к городу». Я спрашиваю: «А пушки?» «А пушки старые. С казачьих кораблей, которые открыли эти места...» Я постоял и к воде пошел. Вот и все. Дальше все перепуталось.

— Наверно, одесская лестница тебе вспомнилась, — помолчав, сказал Генка.

— Не знаю... Может быть, другое. Помнишь, папа с твоим отцом спорил о гидростанции?

Генка это помнил. Иван Сергеевич и отец, встретившись у лодки, заговорили о проекте новой ГЭС. Отец доказывал, что строить станцию не надо, потому что водо-

хранилище зальет массу лесов. А Ивана Сергеевича леса не так беспокоили. Зато, говорил он, можно будет наладить наконец нормальное судоходство в этом районе. По крайней мере капитаны не будут трепать нервы, когда теплоходы пробираются к здешним пристаням, царапая днища. Иначе получается смешная вещь: завод строит суда, которые с трудом разворачиваются у своей пристани. Они спешат уйти вниз и могут возвращаться в родные места только при подъеме воды...

— Мой отец из-за леса может круглые сутки спорить, — сказал Генка. — У него работа такая.

— Он уехал?

— Вчера.

— Я про лестницу думаю, — смущаясь, признался Владик. — В нашем городе построить бы такую!.. Такая красота была бы!

— Здорово было бы, — сказал Генка, скрывая радость. А радовался тому, что Владик, как и раньше, говорит с ним доверчиво и откровенно.

Стояла веселая, вихревая погода. В небе на разной высоте и с разной скоростью летели желтые и серые облака. Они лохматились и рвались, обгоняя друг друга. Но их косматое кипение не закрывало синевы

и солнца. Небо в эти дни казалось особенно высоким и звонким, а солнце ловко увертывалось от облачных стай и жарило мальчишкам плечи.

Как всадники, налетали удалые ветры. Гнули у заборов репейники, прижимали лопухи. Иногда вместе с ними, барабаны и звеня, приносились короткие озорные дожди. Солнце во всех краях неба строило и рассыпало горбатые радуги.

Генка рано вышел на крыльцо. Босиком. Доски крыльца были теплые и влажные после очередного дождика. Земля еще не высохла.

Генка обогнул дом и не спеша зашагал к навесу.

Перед лодкой на корточках сидел Илька. Кончиками пальцев Илька осторожно проводил по форштевню. Сначала Генка решил, что он проверяет, высохла ли краска. Но сделал еще два осторожных шага и услышал, как Илька говорит:

— Маленький мой!.. Фрегатик хороший!..

Генка нагнулся и шумно захопал по штанине, будто стряхивал пыль. Краем глаза он заметил, как Илька вскочил, смущенный и готовый огрызнуться.

— Не сохнет? — спросил Генка.

Илька растопырил ладонь со следами белил.

— Что за белила! — начал возмущаться Генка. — Вся краска давно сухая, а они липнут и липнут. Еще не меньше трех дней ждать придется, а то штаны от скамеек не отдерем потом.

— Лопнуть можно, — уныло откликнулся Илька.

— За три дня не лопнешь.

— Шурика жалко. Уедет, так и не поплавает с нами.

— Что ты мелешь?

— Точно. Он вечером мне сказал... Вот он идет. Спроси.

— Уезжаешь, что ли? — хмуро поинтересовался Генка.

Шурик присел на чурбак, подпернул на коленях отутюженные брюки. Он был в новой рубашке и сверхмодных сандалетах цвета кофе с молоком. Довольно скучным голосом Шурик сообщил:

— Совершенно фантастическая история. У отца объявились родственники в Подмосковье. Двоюродный брат и его жена. Пожилая пара, у которой нет детей... Узнали, что имеется у них племянник, то есть я, и пожелали видеть этого племянника в гостях у себя.

— А племянник желает их видеть? — спросил Генка.

— Племяннику выбирать не приходится. После той истории в школе ему объявили, что он не созрел еще для самостоятельных решений. В тисках держат.

— Да-а... — произнес Генка, не разжимая зубов.

— Переживу, — сказал Шурик. — Будут кормить вареньями. Пляж, река... Велосипед с мотором. Бесплатное кино: тетушка — администратор кинотеатра. Лес рядом...

— ...и тоска зеленая, — заключил Генка.

— Есть такая опасность, — согласился Шурик. — Но у меня одно соображение появилось. Они в Дубне живут, и возможно, мой двоюродный дядя имеет отношение к этой круглой штуке, которая называется синхро-фазо-трон. Вот если бы попасть туда!..

— Так тебя и пустят! — хмыкнул Илька. — Там атомы разгоняют.

— Не атомы, а частицы... Может быть, не пустят, а может быть, и повезет. Попробовать стоит, по-моему.

— Разваливается наш экипаж, — сказал Генка. — Еще лодку не спустили на воду, а команда разбегается.

Он не то что огорчился Шуркиным отъездом, скорее чувствовал себя виноватым перед Шуриком: работал человек, парус шил, а плавать не будет.

— Я ведь не на все лето, — объяснил Шурик. — К августу вернусь. Как раз когда Владик уедет. Иначе все равно экипаж наш в лодку не влезет, если с Иваном Сергеевичем.

— Влезли бы... — сказал Генка. Напоминание об отъезде Владика еще сильнее расстроило его.

Илька не то в шутку, не то всерьез надул губы.

— Все уезжают... Я тоже хочу.

— Можешь хотеть, — сказал Генка.

— Захочу и поеду!

— Валяй.

— В Африку, — прищурясь, сказал Илька.

— Лучше в Бразилию, на Амазонку, — предложил Шурик.

— Хочу в Африку! — дурачась, настаивал Илька.

— В Африке акулы, — напомнил Генка. — В Африке гориллы... В Африке большие, злые крокодилы...

— В Африке расисты, — серьезно сказал Шурик. — Южно-Африканская Республи-

ка. Португальцы в Анголе. И всякие другие гады. Это вам не крокодилы. С крокодилами еще можно договориться, а как ты договоришься с такими скотами, которые отрезают детям головы и насаживают на штыки?

— Разве с ними надо договариваться? — спросил Генка.

— Все равно. Там и свободные страны есть, — упрямо сказал Илька.

— Есть, — согласился Шурик. — И свободные страны. И рабство. И партизаны. И львы с крокодилами, и пальмы с пирамидами. И много-много туристов.

— Я не к туристам. Я к партизанам сбегу, — пообещал Илька.

— Ой-ой! — сказал Генка.

Илька глянул на него зло и быстро.

— А что скажет мама? — спросил Генка.

— Не дразнись, — вмешался Шурик. — Что за радость довести человека до слез?

— Я не дразнюсь, — серьезно сказал Генка. — Я вспомнил Яшкину мать.

Илька подошел к лодке и поцарапал краску на буквах.

— Не лапай! Сколько раз говорить? — прикрикнул Генка.

— Яшкина мама Владика свитер отдала, — вдруг сказал Илька. — Для Яшки вязала, да не успела. Владика в самый раз. Синий с белыми кубиками.

— Владик взял? — спросил Генка и пожегил, как от холодка.

— Ага... Сначала я примерил, но он большой для меня.

— Когда это вы успели?

— А вчера. Когда с мыса вернулись. Шли мимо и зашли...

— Зачем вас к мысу носило? — настороженно спросил Генка.

— Лодку размалевали. Помнишь ту, старую? Глаза нарисовали, пасть. Будто чудовище появилось на берегу. Еще чешую нарисовать бы.

— Забавно, — заметил Шурик.

— Допрыгаются они, — сказал Генка.

— Не допрыгаемся, — сказал Илька и прыгнул через лодку.

В середине дня, не заслоня солнца, опять прошумел пятиминутный ливень. Последние капли еще бились о стекло, а из Соснового тупика уже летел шум футбольного побоища. Генка отодвинул книгу и лениво прислушался. Идти к футболистам без Владика, без Ильки и Шурика не хотелось. Книжка тоже была так себе. Генка зевнул.

Впервые среди суматохи последних дней выдался свободный час, и вот скучно.

Капли перестали стучать, и вместо них послышался стук в дверь. Торопливый, нервный какой-то. «Нет, не заскучаешь», — машинально подумал Генка и пошел в коридор.

Он очень удивился, когда увидел на пороге Илькину мать. Вместе с ней пришел Иван Сергеевич, но это было не так странно: он заходил и раньше. А Тамара Васильевна пришла впервые.

— Гена, — встревоженно сказала она, — ребята у тебя?

— Илька? Давно уже ушел. И Владик тоже, — сказал Генка, взглянув на Ивана Сергеевича.

— Куда? — спросил тот.

— Я думал, домой, обедать. Делать пока нечего, лодка сохнет.

— Ну что за отвратительный мальчишка! — с беспомощной досадой сказала Тамара Васильевна. — Я же ему говорила: в час будь дома. Уже без четверти три. Такой дождь, а он даже без рубашки.

— Рубашка в такой дождь как раз ни к чему, — заметил Иван Сергеевич. — Интересно другое: где их черти носят? Ты не знаешь, Гена?

— Не знаю, — сдержанно ответил Генка, и стало как-то неуютно от знакомого предчувствия близкой опасности. Потому что он знал. По крайней мере догадывался.

— Может, в кино ушли? — спросил он как можно спокойнее.

— Денег у них нет, — возразила Тамара Васильевна. — Я очень боюсь, что они пошли купаться.

— Не бойтесь, — твердо сказал Генка, — Владик без меня купаться не будет и не даст Ильке.

— Где же они тогда?

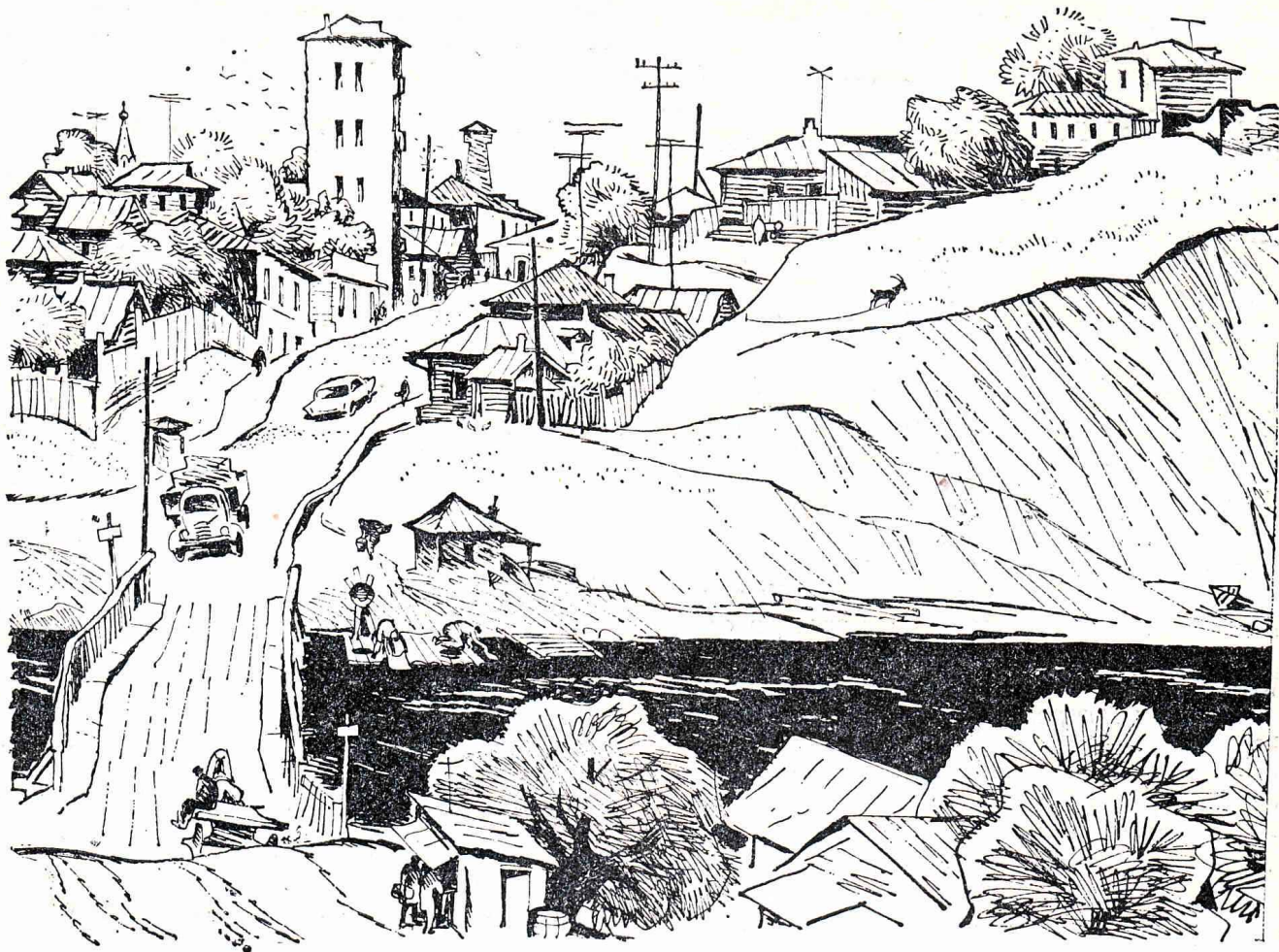
— Они срочно нужны? — спросил Генка.

— Честно говоря, не очень, — сказал Иван Сергеевич. — Просто нервы не на месте. Ты ведь знаешь...

— Я могу поискать...

— Если не трудно, Гена, пожалуйста! — заговорила Тамара Васильевна. — И если найдешь, пусть оба ко мне идут. Я Ивану Сергеевичу позвоню на работу.

Прежде чем выйти на улицу, Генка взглянул под навес. В углу среди инструментов и красок он не нашел банки с суриком. Сомнений почти не осталось, Генка по-

мнил Илькин рассказ про размалеванную лодку.

Он выскочил за калитку и торопливо зашагал к реке.

Генка выбрал самую короткую дорогу. Он вышел на обрыв левее мыса и, скользя по глинистой тропинке, почти кубарем скатился к воде.

Мыс закрывал от него лодку. Прижимаясь грудью к камням, Генка по выступам и карнизам обошел мыс над самой водой.

Лодка лежала, устрашающе глядя на Генку круглыми нарисованными глазами величиной с тарелку. Красная пасть лодки-чудовища была насмешливо оскалена.

Один борт оказался приподнят и опирался на обрубок бревна. Из-под лодки торчала Илькина нога, перемазанная глиной и краской. Генка сначала увидел эту шевелящуюся ногу, а потом услышал, что под лодкой идет негромкий разговор.

От радости, что ничего не случилось, Генка позабыл разозлиться на беглецов.

Прыгнул к лодке, кулаком забарабанил по днищу.

— Эй вы, в тереме! Медведя дожидаетесь?

Илькина нога поспешно втянулась, и появилось его лицо. На лице были разводы краски и нерешительная улыбка.

— Ой, Гена!..

Рядом с Илькой высунул голову Владик.

— Гена! А мы здесь... дождь пережидали.

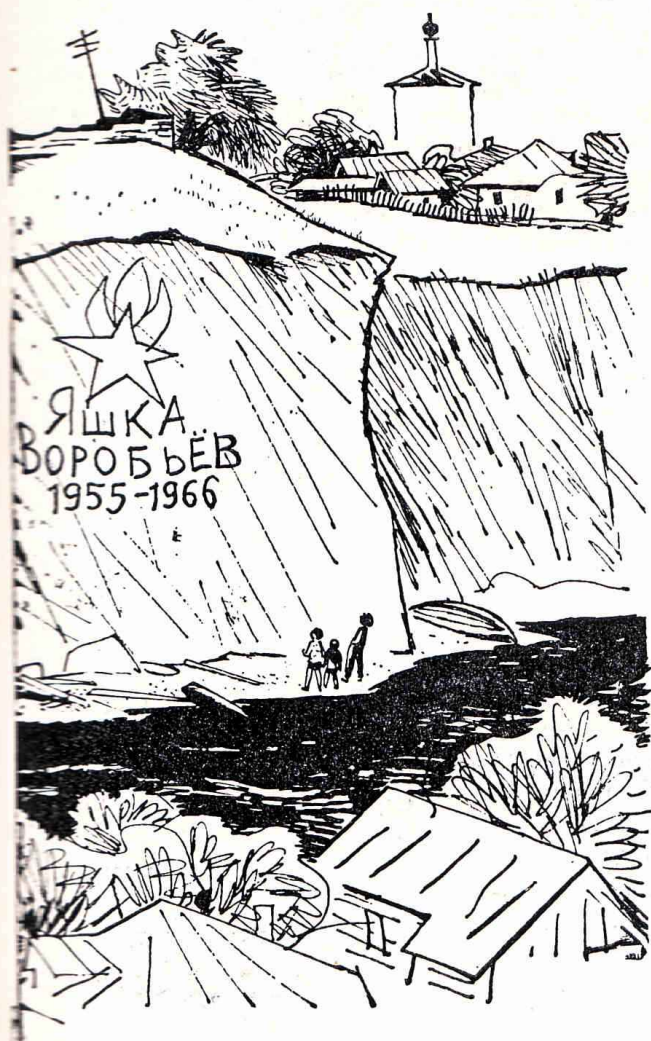
— Пора перестать,— сказал Генка.— Дождя давно нет.

— Мы здесь сказки рассказывали,— объяснил Илька.

— Сказки будете родителям рассказывать,— мрачней, заметил Генка.— Они вас по всему городу ищут.

— Ох!..— вполголоса сказал Владик и торопливо выбрался из своего укрытия. За ним — Илька.

Генка с усмешкой оглядел перемазанных друзей.

— Ну и хороши вы!.. Как вы сумели так извоститься?

Они не ответили. Молчали и смотрели куда-то вверх. Генку слегка обидело и рассердило это загадочное молчание. Он отвернулся и зашагал к тропинке.

Не посмотрел вверх и не заметил на плоском гранитном выступе красную надпись, видную издали. Там, под звездой с тремя языками огня, были слова:

ЯШКА ВОРОБЬЕВ

1955—1966

Нахлобучки не было. Тамара Васильевна лишь печально посмотрела на Ильку и сказала:

— Совести у тебя нет ни капельки.— И отвернулась.

Илька засопел.

Владик стоял за ним и переступал босыми ногами. Раскисшие тапочки он бросил в коридоре.

Генка тоже чувствовал себя неловко. Словно виноват был он, а не Илька и Владик.

— Ну, мам...— сипло сказал Илька.

— Не желаю я с тобой разговаривать.

Илька горестно вздохнул и начал оттирать с живота краску.

Тамара Васильевна обернулась.

— Ну, скажи, пожалуйста! Прилично ли ходить по улицам в таком жутком виде?

— Я вымоюсь,— поспешно пообещал Илька.

— Воображаю! Нет уж, ласточка, на этот раз за тебя я сама возьмусь. Здесь нужен бензин и железная терка... Боже мой, Владик! И ты? У вас было соревнование по прыжкам в краску? Или в лужу? Кто победитель?

— Понимаете, Тамара Васильевна,— нерешительно произнес Владик,— такой дождь...

— Понимаю,— сказала Илькина мама.— Дождь из масляной краски и глины.— Она приняла решительный вид.— Оба в ванну! Сию же минуту и без всяких разговоров. Быстро, быстро!

— Ну, ма...— воспротивился Илька и растопырил локти.

— Никаких «ма». Владик...

Владик вздохнул, ухватил Ильку за плечо и легким подзатыльником направил к ванной. Потом, у двери, виновато улыбнулся Генке: «Что поделаешь...»

«Ничего,— глазами ответил Генка.— Терпи, раз влип». И сказал в закрывающуюся дверь:

— До завтра. Я пошел.

Он шагал к дому и думал о непонятном: почему Владик так легко и безропотно подчиняется Илькиной матери? Даже отцу он всегда готов сказать свое резкое «я сам», а при Тамаре Васильевне делается маленьким и послушным...

Эти размышления занимали Генку довольно долго. И потому другие мысли, тревожные и невеселые, пришли к нему позже.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Прекрасное право поэта

Ф. СОЛЯНОВ

По древнему народному поверью, в ночь на праздник Ивана Купалы расцветает папоротник, и тот, кто найдет этот цветок, найдет и свое счастье. В эту ночь выходили из дому молодые и старые, шли по лесам и болотам, хоронясь друг от друга, надеясь найти заветный волшебный цветок. Шел вместе со всеми и мальчик Иван Луцевич, будущий поэт, родившийся как нарочно в купальскую ночь. Отсюда, верно, и поэтическое его имя — Янка Купала.

Цветок счастья! Искали этот цветок белорусы веками и не находили. Веками жил народ в беспросветной нужде и горе. Печальные его сказания запомнились мальчику навсегда.

Можно было отобрать у человека землю и выгнать его из собственного дома, как сделал это князь Радзивилл с дедом Янки Купалы. Можно было отобрать у людей последние крохи хлеба, запретить белорусу читать книги на родном языке, бросить ни в чем не повинного человека в тюрьму, но нельзя, невозможно бросить в тюрьму сказки или уничтожить песни народа. Не так, так этак, но

песня все равно вырвется на волю.

С детства Янка Купала любил и сам знал наизусть песни белорусских цимбалистов, лирников и дударей. Не раз он для нищей, поющей братии таскал из дому сало, хлеб и блины, чтобы нищие певцы ему спели. Потом он расскажет обо всем этом стихами.

И голос народной песни, душа народной сказки присутствуют в каждом стихе Янки Купалы, в стихе прозрачном, чистом и простом. Таким же простым, как народная песня.

Сыну безземельного бедняка так и не пришлось учиться в школе, и, прежде чем взяться за перо и бумагу, Янка Купала должен был читать, по его собственным словам, «грустную книгу помещицкой пашни и писать печальную повесть своего горя сохой да косой». Грамоту он одолел самоучкой. Ночью, при свете коптящей лучины или костра в «ночном», а реже при свете керосиновой лампы (керосин был слишком дорог) Янка мог читать свои любимые книги: Некрасова, Лермонтова, Кольцова, Пушкина.

Писать стихи Янка Купала на-

чал на двадцать втором году жизни. В это время он был чернорабочим на винокуренном заводе. Записывать поэтические строки нередко приходилось ему, стоя у перегонного аппарата, следя за тем, чтобы регулярно поступал спирт.

Первый поэтический сборник Янки Купалы вышел в 1908 году. Назывался он «Жалейка». А первым перевел его стихи на русский язык Максим Горький. Назывались они «А кто там идет?».

А кто там идет по болотам
и лесам

Огромной такою толпой?

— Белорусы.

А что они несут на худых
плечах,

Что подняли они на худых
руках?

— Свою кривду.

А куда они несут эту кривду
всю,

А кому они несут напоказ
свою?

— На свет божий...

Цензура привычно расправлялась с литературой белорусского

Заклятый цветок

Янка КУПАЛА

Лишь праздник Ивана Купалы
Приблизится с ночью своей,
Цветка заповедного жало
Чарует несчастных людей...

С надеждой, и верой, и силой
Из мира, где песни и труд,
По чащам, долинам, могилам
За цветом бегут и бегут...

Сова пропоет о разлуке,
Лопочет крылами кожан...
Бессчетные тянутся руки,
Где дремлет купальский
курган.

Тех радостно очи смеются,
Тем кровью зрачки залило,
Толкаются, корчатся, бьются,
Мешаются правда и зло.

И ветки хотят наклониться,
И вереск трещит под ногой;
Вот-вот за цветок ухватиться
Готовишься слабой рукой...

Ан нет! Гаснут звездные
светы,
Откликнулся кочет в селе...
Ни ночи купальской, ни цвета,
Все сгибло, пропало во мгле.

Песня

Вспыхнет песня, словно
искра,
Словно ключ, она полетится,
Тут и там — далеко, близко —
Звонким эхом отзовется.

Сердце с сердцем крепко
сдружит,
Засверкает, загорится.
Вот уж в хате, вот снаружи —
Молодица молодежи.

Прыгнет к солнцу, захохочет,
Расцелуется счастливо,
Ясну месяцу средь ночи
Поглядит в глаза тоскливо.

Встретит зорьку-заряницу,
Прослезится с ней росой,
На поля слетит, как птица,
Ляжет шелковой травой.

Вместе с ветром выйдет
разом,
Заиграет в хороводе,
Вместе с бором грозным
сказом
За шумит о непогоде.

Пробежит по листьям в чаще,
С птицей птицею засвищет,
Мимоходом весть о счастье
Бросит в чье-нибудь жилище.

Так летает да летает
Эта песня в белом свете,
Ни преград, ни пут не знает
От столетья до столетья.

Перевод
М. Исаковского.

Поезжане

Разлетелась по просторам
Снежным пухом, тайным
вором...

Дым, поземка, завируха,
Злого духа злобедуха.

В поле дымно и тревожно,
Беспокойно, бездорожно...
Ни ночлега, ни путины,
Грозен сумрак домовины.

Как по морю, в пене снега,
Без костра и без ночлега,
В замороженном тумане
Едут, едут поезжане.

Едут, едут, след развеян...
Глуше, тише и темнее...
Ни надежды, ни просвета,
Только вьюга, только ветер.

И колдунья-завируха
Что-то шепчет, шепчет в ухо
О рожке, что в ночь взывает,
О пшеничном каравае.

Дразнит снеговым ночлегом,
Задыхается от смеха,
Лезет в сердце, лезет в очи,
Машет пугалом из ночи...

Молодого к молодой,
Свата к сватье-посидухе
Страх друг к другу
прижимает,
Свищет, розвальни качает.

Прижимаются, как дети,
Как голубки на рассвете.
Нету свету, нету следу...
И все едут, едут, едут...

А над ними завируха,
Поползунья, злобедуха
Раскачнулась снежной вехой,
Задыхается от смеха...

Перевод
Э. Багрицкого.

Виктор Драгунский

СЛОНИ РАДИО

РАССКАЗ

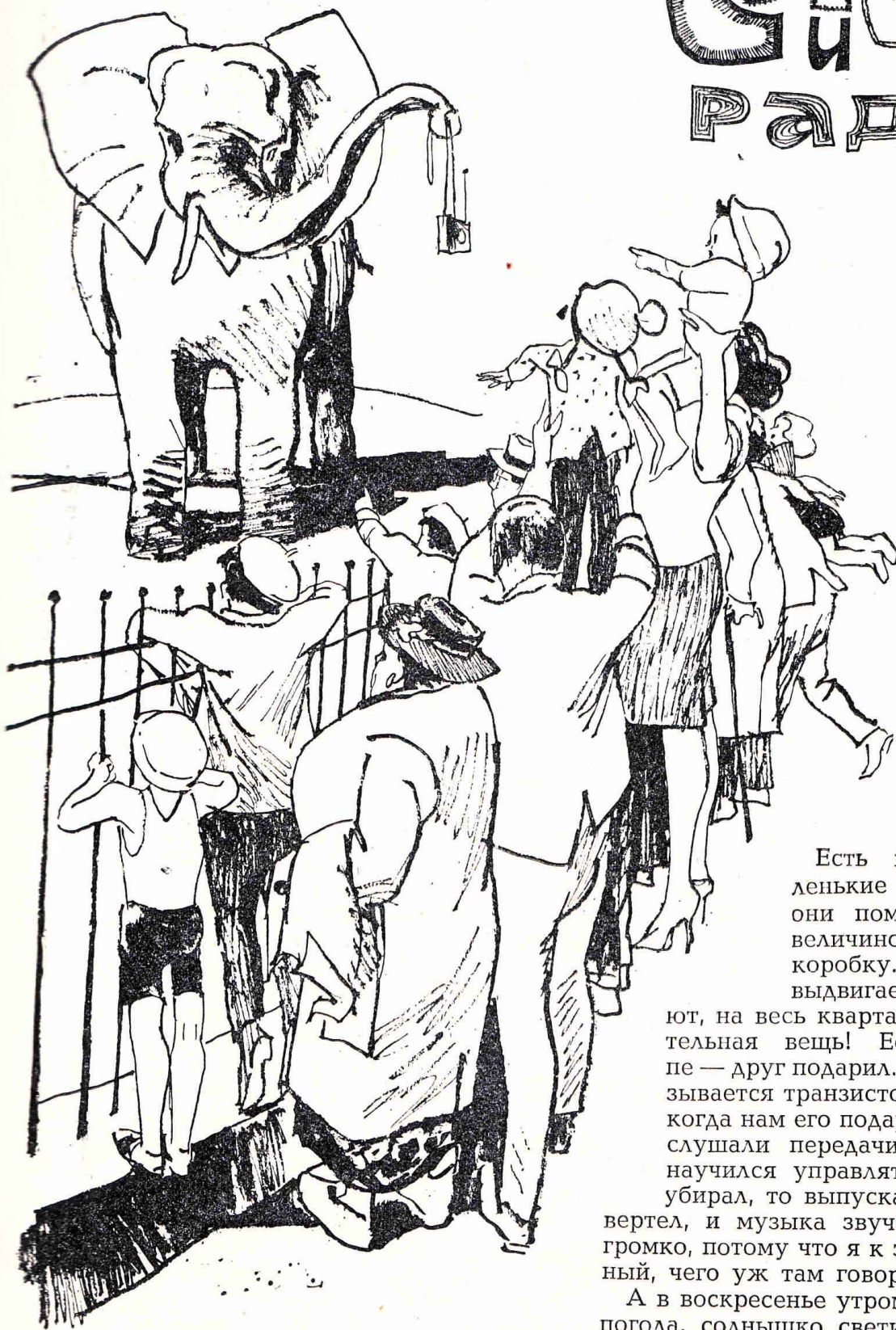

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

Есть на свете такие маленькие радиоприемнички, они поменьше настоящих, величиной с папиросную коробку. И антенна у них выдвигается, ох, сильно дают, на весь квартал слышно. Замечательная вещь! Ее ему — моему папе — друг подарил. Этот приемник называется транзисторным. В тот вечер, когда нам его подарили, мы все время слушали передачи. Я с ним здорово научился управляться и антенну то убирал, то выпускал, и все колесики вертел, и музыка звучала непрерывно и громко, потому что я к этому делу способный, чего уж там говорить.

А в воскресенье утром была прозрачная погода, солнышко светило вовсю, и папа сказал прямо с утра:

— Давай ешь побыстрее, и махнем с тобой в зоопарк. Давно что-то не были, одичали совсем.

От этих слов мне и вовсе весело стало жить, и я быстро собрался. Ах, люблю я ходить в зоопарк, люблю смотреть на маленькую ламочку и представлять, что ее можно взять на руки и гладить. И у нее по-сумасшедшему стучит сердце, и она взбрыкивает стройными, ловкими ножками. И кажется, что сейчас больно ударит. Но ничего, дело как-то обходится.

Или тигренок. Тоже хорошо бы взять на руки! А он смотрит на тебя ужаснувшимися глазами. Душа в пятки ушла. Бойтся дурачок, наверное, думает, вот, мол, мой смертный час пришел.

А еще хорошо в зоопарке стоять перед загоном зубробизона и думать про него, что это ожившая гора, на которой высечено лицо задумчивого старика, а ты стоишь перед этой горой и вешишь всего-то двадцать пять кило и рост только девяносто восемь сантиметров. И пока мы шли, я всю дорогу думал разные разности про зоологический сад и шел смиренно, не скакал, потому что в руках у меня был транзисторный радиоприемник, в нем журчала музыка. Я переводил его с одной станции на другую, и настроение у меня было самое распрекрасное. А когда мы пришли, папа сказал: «К слону», — потому что слон был у папы самый любимый во всем зоопарке. Папа всегда ходил к нему к первому, как к царю. Поздоровается со слоном, а уж потом отправляется куда глаза глядят. И на этот раз мы поступили так же. Слон стоял как войдешь с правой стороны, в отдельном уголке, на небольшом пригорке, уже издалека было видно его громадное тело, похожее на африканскую хижину, стоящую на четырех подпорках.

Огромная толпа народа стояла у его загородки и любовалась слоном. Было видно его симпатичное, как бы улыбающееся лицо, он шамкал треугольной губой, покачивал шишковатой головой, шевелил ушами. Я сейчас же быстро протолкался сквозь толпу к нашему Шанго (его звали Шанго, он был сыном индийского слона Махмуда — так было написано на специальной дощечке возле его загородки).

Папа протиснулся вперед и крикнул:

— Доброе утро, Шанго Махмудович!

И слон оглянулся и обрадованно закивал головой. Мол, здравствуйте, здравствуйте, где это вы пропадали?

И окружающие посмотрели на папу

с улыбкой и с завистью. И мне тоже, честно говоря, стало здорово завидно, что вот слон ответил папе. И мне тут же захотелось, чтобы Шанго и меня одарил своим вниманием, и я громко закричал:

— Шанго Махмудович, привет! Смотрите, какая у меня вещь!

И я поднял высоко над собой папин транзисторный радиоприемник. А из приемника текла музыка, он играл разные советские песни, и Шанго Махмудович повернулся и стал слушать эту музыку. И вдруг он высоко задрал свой хобот, протянул его ко мне и неожиданно и ловко выдернул у меня из рук эту несчастную машинку.

Я прямо остолбенел, да и папа тоже. И вся толпа остолбенела. Наверное, думали, что будет дальше: отдаст? Трахнет оземь? Растопчет ногами? А Шанго Махмудович, видимо, просто хотел музыку послушать. Он не стал ни бить приемник, ни отдавать. Он держал приемник и все! Он слушал музыку. Но тут как назло музыка замолкла, наверное, у них там был перерыв, не знаю. Но Шанго Махмудович продолжал прислушиваться. Вид у него был такой, что вот он ждет, когда же приемник заиграет. Но ждать, видно, нужно было долго, потому что приемник молчал. И тут, вероятно, Шанго Махмудович подумал так: что за бесполезную штуку я держу целую вечность в хоботе? Какого черта она не играет! Ну интересно, какая она окажется на вкус?

И, не долго думая, этот бедовый слон сунул мой шикарный приемник прямо себе под хобот в свой обросший войлоком рот, да не прожевал, а просто положил, как в сундук, и будьте здоровы, слопал!

Толпа дружно ахнула и оцепенела. А слон оглядел эту потрясенную толпу с довольно-таки нахальной улыбкой и вдруг сказал придушенным голосом:

— Начинаем производственную зарядку! И!..

И из него зазвучала какая-то бурная музыка. Тут все сразу покатались с хохоту, просто животики надрывали, стонали от смеха, из-за этого дикого шума уже не слышно было никаких звуков.

Слон стоял совершенно спокойно. Только в глазах его горело плутоватое выражение.

А когда все стали потихоньку затихать, из слоновьего рта снова раздался чуть приглушенный, но отчетливый голос:

— Быстрые подскоки на одном месте, раз-два, три-четыре.

А в толпе, между прочим, было очень много мальчишек и девчонок, и когда они слышали про подскоки, так прямо завизжали от радости. И, не откладывая в долгий ящик, с ходу включились в это дело: раз-два-три-четыре. Они здорово скакали. И визжали, и орали, и выкидывали разные коленца. Еще бы! Кому же не охота поскакать под слоновью команду. Тут всякий заскачет. Лично я заскакал в ту же секунду. Хотя я прекрасно понимал, что кому-то, а мне тут меньше всех надо скакать и радоваться. Мне скорее всего надо было плакать. Но вместо этого я, знаете, подскакивал, как мячик: раз-два-три-четыре! И получается, что у меня же стянули радиоприемник и я же от этого удовольствие получаю. А между тем занятия все время продолжались. И слон перешел к следующему упражнению.

— Руки сжать в кулаки, махательные и толкательные движения. Раз-два-три!

Ну, конечно, тут началось светопреставление. Просто чемпионат Европы по боксу. Некоторые мальчишки и девчонки совершенно серьезно вошли в аппетит и давай так друг друга валтузить, что только перья полетели. А одна проходящая бабушка спросила у какого-то старика:

— Что здесь происходит? Что за драка?

И он ответил ей шутливо:

— Обыкновенное дело. Слон физзарядку проводит с населением.

Она только рот раскрыла.

Но тут Шанго Махмудович вдруг замолчал, и я понял, что мой приемник все-таки сломался в его животе. Конечно, попал в какую-нибудь слепую кишку и — прощай навек. В эту же секунду слон посмотрел на меня и, грустно покачивая головой, но с большим намеком, пропел:

— Помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье?

Я прямо чуть не заплакал от горя. Помню ли я! Еще бы! Еще секунду, и я бросился бы на этого бродягу с кулаками. Но тут возле него появился человек в синем халате. В руках у него были веники, штук пять-десять или больше, и он сказал слону:

— Ну-ка, ну-ка, покажи-ка, что у тебя играет? Но только тихонько, тихонько, а я вот тебе веничков принес, на-ка покушай.

И он разбросал веники перед слоном.

Шанго Махмудович очень осторожно положил у ног человека мой радиоприемник.

Я крикнул:

— Ура!

Остальные кричали:

— Бис!

А слон отвернулся и стал жевать веники. Служитель молча подал мне радиоприемник, он был теплый и заснувший.

Мы с папой поставили его дома на полку, и теперь включаем каждый вечер. Как звучит! Просто чудо! Приходите слушать!

Наполеон

Трубка марки Камбье очень мой стол украшает:

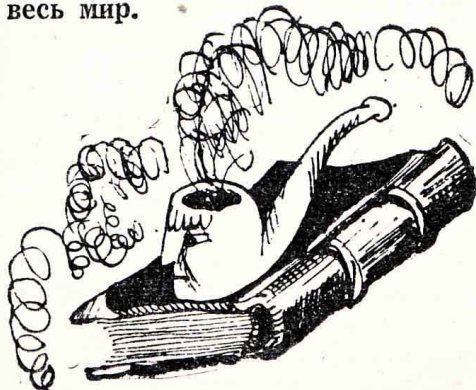
Голову Наполеона чашечка изображает.

Башку табаком начиняем:

— Доброе утро, сир!

Выкуривать начинаем

Ваш бред — покорить
весь мир.

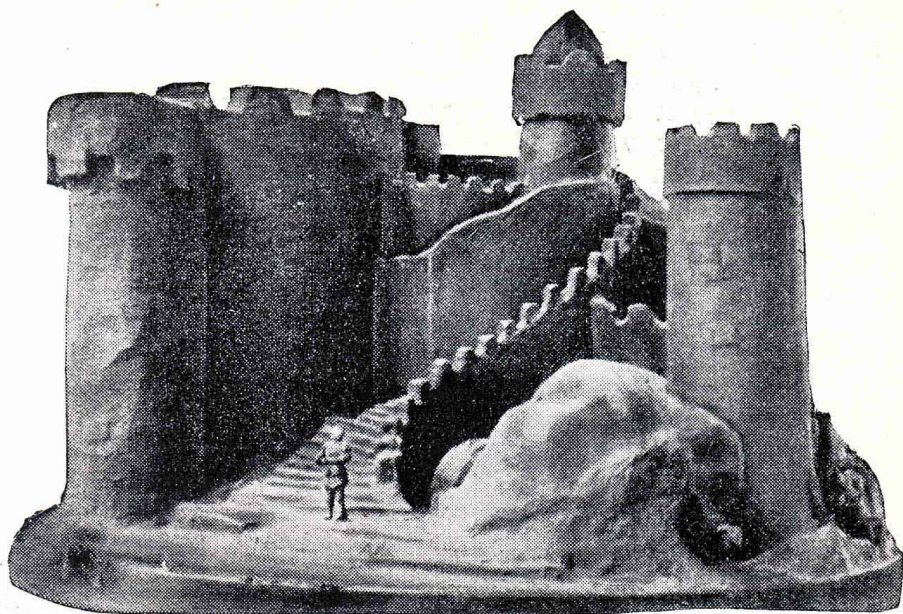
Ярослав СЕЙФЕРТ

Электрическая лампочка

Неустанно пляски бабочек
Вокруг электрических лампочек...
Господин Эдисон, отрываясь от книги,
Улыбается мошкаре:
Сколько он хорошеет от призрачных
Спас от гибели на костре!

Перевел с чешского Леон ТООМ.

И. УВАРОВА

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТЕАТРАЛЬНОГО

Когда в театре собираются ставить спектакль, художник рисует особую картину, на которой изображено место, где произойдут события, описанные в пьесе: лес, город или комнату. Эта картина называется эскизом. Весной в Москве открыли выставку, на которой были собраны лучшие эскизы наших театральных художников за пятьдесят лет.

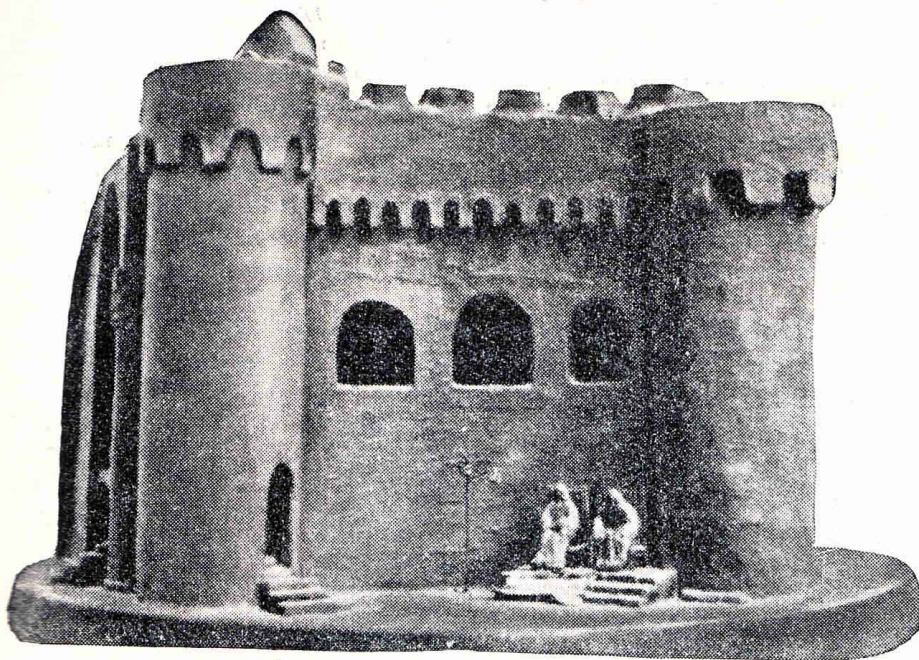
За половину века эскизов, даже только лучших, собралось такое великое множество, что если бы вы, посетив выставку, захотели запомнить их все, у вас бы ничего не получилось. У меня тоже. Чтобы запомнить, мне пришлось ходить на эту самую выставку много дней. И вот каждый день на одном и том же месте стоял тихий человек в очках и старой рубашке и всегда смотрел в один и тот же угол. Надо сказать, что там были собраны не только эскизы, но еще макеты, и в углу как раз был макет, изображавший странное помещение, в котором висели яркие лоскутки, стоял трон, в потолок уходила колонна, абсолютно непохожая ни на одну колонну в мире. И если долго смотреть в этот ящик, начинало казаться, что вот дрогнет лоскуток и выбежит из-за него крошечная фигурка, одетая в розовый кафтан, справа полосатый, слева гладкий. То был макет к спектаклю, который назывался «Принцесса Турандот».

— Когда я был мальчишкой, я был на этом спектакле тридцать раз, — сказал человек в очках.

С тех пор прошло сорок пять лет, но он все помнил.

Да и все, кто видел, никогда не забудут этот спектакль, потому что его нельзя забыть. А дело было так. В те годы при Московском Художественном театре были студии, вроде бы разные школы. Одной из них руководил режиссер Евгений Вахтангов. Был он не только необычайно талантлив, но и необычайно добр. А в это время людям жилось трудно, страна была разорена войной, дома в Москве стояли запущенные и грязные, улицы поросли черным льдом, потому что его никто не убирал, в магазинах стояли целые дни огромные очереди. И Вахтангов хотел, чтобы его ученики сыграли такой прекрасный и такой счастливый спектакль, чтобы люди смеялись и радовались. И он попросил всех студий медленно пройти перед ним по залу, чтобы выбрать принцессу. Вот одна рыжая девочка взяла да и надела мамино платье, заколовшись булавками, и нацепила серебряную звезду с елки, тайно и горячо надеясь, что она и вправду теперь самая прекрасная. Вахтангов хохотал до слез, так это было смешно и нелепо. Но принцессу поручил играть ей. А оформлял спектакль художник Нивинский.

...Кто бы мог подумать, что ученический спектакль станет величайшим событием в истории нашей культуры? Кто ждал, что к рыжей талантливой девочке именно в этом спектакле придет слава великой актрисы Цецилии Мансуровой? Кто знал, что ее бумажная елочная звезда станет образом всего спектакля — легкого, мишурного, праздничного?..

Макет декорации к спектаклю «Гамлет».

Художник
В. В. Дмитриев,

Эскизы

И разве мог предполагать Нивинский, что сорок лет спустя встреча с его макетом на выставке будет огромной радостью для людей?

II

В 1917 году театральный художник А. Я. Головин оформил спектакль по пьесе Лермонтова «Маскарад». Ставил спектакль совсем еще молодой режиссер Мейерхольд, который потом стал одним из самых известных режиссеров. Но это было потом, а пока его мало кто знал, зато все знали художника Головина и много о нем говорили. Говорить было о чем, потому что его рисунки к спектаклю были настоящим чудом, и более красивых декораций, наверное, не знал ни один театр. Это были рисунки комнат, зал и иных помещений, рисунки занавесей и драпировок, рисунки дорогой мебели и тонкой фарфоровой посуды, рисунки зеркал, костюмов, жилетов, причесок — словом, невозможно было понять, как один человек мог заново создать все вещи, которые создавались человечеством много столетий. Но он все это создал еще раз. Мало этого. Все предметы, стены и платья он изрисовал тончайшими узорами, орнаментами, букетами, гирляндами и просто розами. Казалось, он весь мир поймал в эти узорные сети. Это был спектакль о запутанных судьбах, о потерянных жизнях. После сцены маскарада герои не сняли своих масок — они не

узнавали друг друга в следующих сценах и, казалось, бились в кружевных сетях.

В своем роде Головин был единственным и неповторимым театральным художником.

Через год произошла революция, началась новая эпоха. «Маскарад» Головина был прощальным даром, который оставял уходящий театр театру грядущему. Это был великолепный подарок.

Итак, вскоре произошла революция. Люди пели:

— Весь мир насилья мы разрушим
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим...

И театральные художники, которые пришли в революцию, именно так и поступали: все разрушали до основания и строили новое.

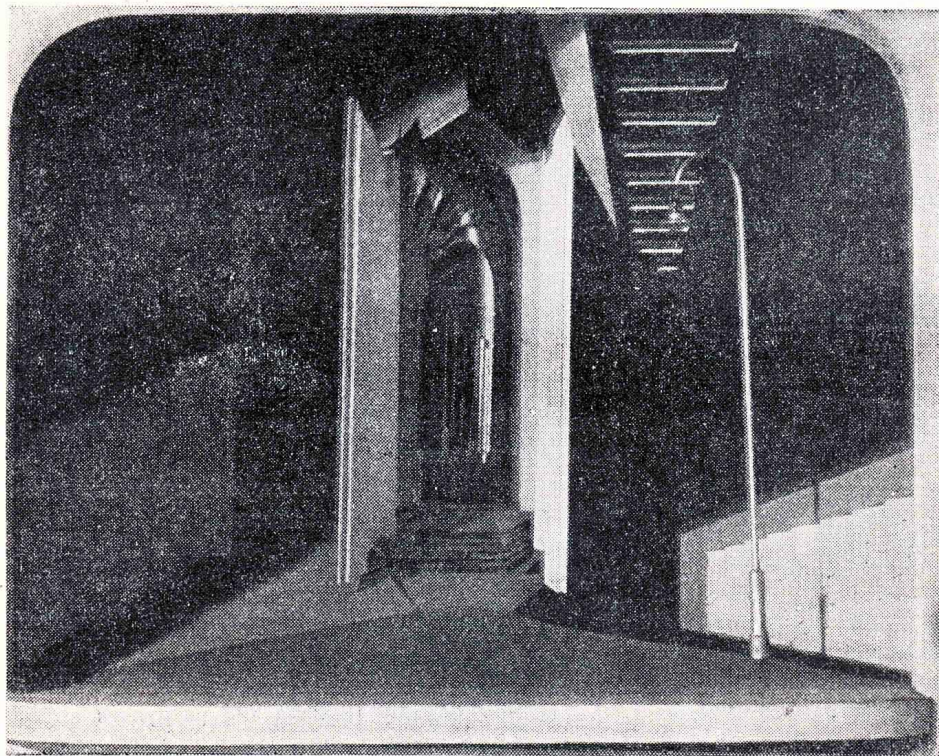
Художник Дмитриев оформлял спектакль Мейерхольда. Назывался спектакль «Зори», и все в нем было красное, как пожар. Старый мир был превращен в обломки — обломки лежали на сцене в виде серых кубов. А в центре круто и яростно поднимался красный круглый столб, прямой, как башня, и грозный — постамент для памятника новому миру.

Как жаль, что театральные художники не делают учебников по истории! Под макетом к «Зорям» можно было бы написать: «Это и есть революция».

Из старых театров пришли в революционное новое режиссеры и художники. Среди режиссеров был Станиславский, среди художников — Кустодиев. Кустодиев оформил спектакль «Блоха». Спектакль получился такой, будто его сделали из тульских румяных пряников и пекли в жаркой веселой печке. Казалось еще, что художник перепутал размеры вещей, поэтому яблоки на дерево повесил чуть не больше тех цветных домиков, которые бросил посреди сцены.

Каждому из нас случалось видеть детские спектакли и сказки, оформленные художником весьма сказочно. Но, пожалуй, Кустодиев придумал свою «Блоху» совсем ни на кого не похоже. Кустодиев вообще больше писал картины, чем декорации, он был более известен как художник не театральный. Но так уж складывалась судьба художников у нас, что почти все проходили через театр и рано или поздно приходили к театру, потому что театр в России был центром

лись оформлять «Федру», делали белые колонны или греческие храмы. Но художник Веснин не поставил на сцену прекрасные античные здания. Напротив, разрушил все привычные формы человеческого жилья. Цветные обломки были навалены на сцену, как скалы после землетрясения. Круто взмывал вверх накренившийся пол, сверху над головами нависали красные и синие камни. Царица Федра и все, кто ее окружал, жили тогда, когда у людей еще не родились тонкие

На фоне вот такого мрачного, подавляющего человека здания ведется рассказ о судьбе негра, осмелившегося бороться за свои права, о судьбе человека в беспощадном капиталистическом обществе. Эскиз декорации к спектаклю «Негр».

культуры. И после революции в театр пришли работать самые разные художники: художники мягкие и поэтичные, художники суровые, как солдаты, художники-живописцы и художники, строящие на сцене здания с ответственностью настоящих архитекторов.

Мы хотим показать вам макет братьев Стенбергов к спектаклю «Негр». Спектакль этот был поставлен в Камерном театре режиссером А. Я. Таировым.

Стенберги построили странное здание, которое на-двигается прямо на зрителя острым углом, напоминая нос парохода. Потом этот острый угол расплозался, как лопнувший стручок, в глубине «стручка» были круглые алые ступени и серебряный орган — там открывалась церковь. Справа и слева громоздились непонятные глухие окна и какие-то плоскости, которые тонули в темноте. «Негр» — это трагическая пьеса американского писателя про безвыходность. Про то, что человека, решившего пойти против всех, жизнь сокрушит, как океанский пароход одинокого пловца...

Был в Камерном театре знаменитый спектакль «Федра». В пьесе рассказывается о древнегреческой царице. Все или почти все художники, которые бра-

душевные переживания. Поэтому художник настоял на том, чтобы на сцене было более раннее время. Художник поселил героев пьесы в дикие времена, когда природа пребывала в хаотическом беспорядке.

Камерный театр поехал на гастроли за границу, и французские газеты писали, что русские впервые показали, как надо ставить «Федру». Они писали еще о том, что можно, оказывается, обойтись без парчи, без драгоценных камней. Оказывается, русский художник сумел сделать шлемы из картона так, что они едва ли не убедительнее настоящих.

III

Но дело было в том, что театр не хотел добиться такого эффекта, чтобы все было, «как в жизни», чтобы, придя в театр, зритель думал бы, что он в гостях у Федры. Поэтому художник, режиссер да и весь театр не делали вещи, похожие на настоящие, они создавали образ.

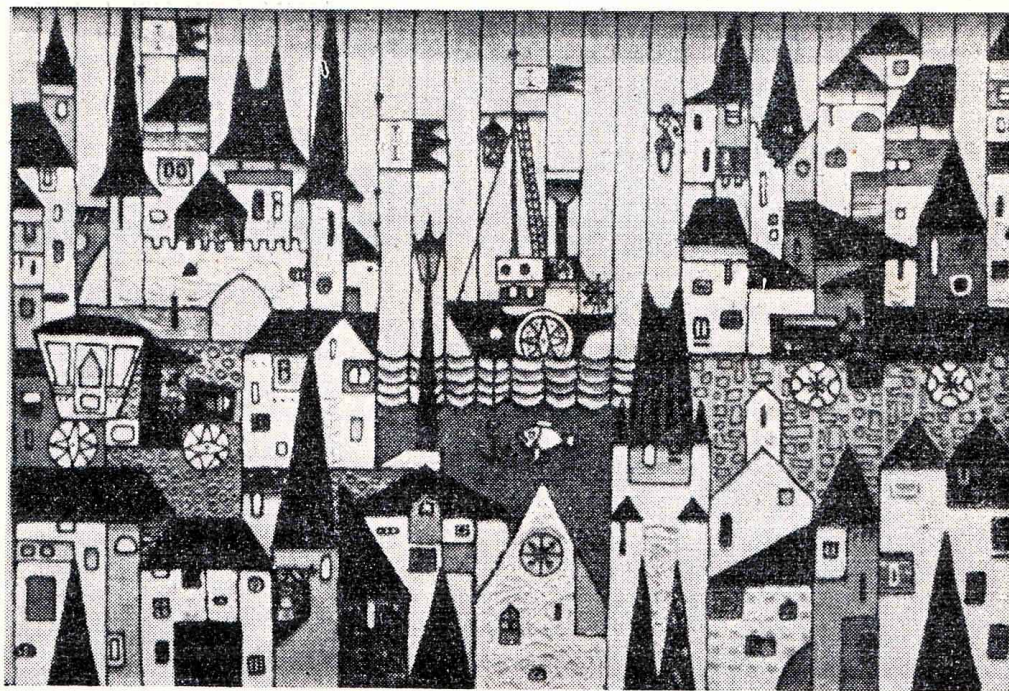
Может, вы знаете, что такое образ в искусстве, а может, и нет. Может, когда-то давно, в раннем

детстве, когда у вас были еще непослушные руки, вам приходилось, играя, воткнуть в картошку две спички и проколоть две дырки. И вдруг перед вами оказывался человек — смешной, пузатый, на тонких, беспомощных ножках, с лицом добрым, немного глупым и печальным. Он казался живым и озабоченным и был гораздо более живой и настоящий, чем нарядная магазинная кукла с ресницами, зубами и косами. Почему? Потому что у картофельного человечка был образ. Образ излучался из него невидимыми теплыми лучами, он оживал и начинал жить своей собственной особой жизнью.

Образ и есть такое тайное излучение жизни, которое исходит от предмета или рисунка, созданного художником. Может быть, это происходит потому, что художник вкладывает в свое создание свою душу и кусок своей жизни. В конечном счете Снегурочка (помните сказку о ней?) — это образ самого искусства, потому что людей, слепивших ее из снега, охватило такое одиночество и такая тоска по любви к ребенку, что их чувства оживили холодный снег и Снегурочка стала живой — такой, как они хотели.

У сказки о Снегурочке есть своя прапрабабушка —

Этот необыкновенный город вы можете увидеть на сцене Центрального детского театра в Москве. Перед вами эскиз декорации художника Э. Змойро к спектаклю «Король Матиуш» по повести Януша Корчака. Помните, вы читали эту повесть в «Пионере»?

Веснин мог бы построить в «Федре» целый Кавказский хребет, склеить из картона горы, покрасить их в серый цвет, сколотить скалы из рейки и обтянуть холстом и т. д. И это было бы похоже на хаотически дикий скалистый мир не больше, чем кукла из магазина похожа на человека. В тех цветных и острых обломках мира, которые он раскидал по сцене, был образ, от них приходило ощущение беды, дикости, первобытного состояния, грозных сил природы, бушующих в душе человека и в жерле вулкана с одинаковой сокрушительной силой, и вы начинали чувствовать себя так же, как первый человек на земле, бесприютно и с величайшей опаской.

Настоящий художник должен сам увидеть и почувствовать все, что потом должен пережить зритель. И если это так и было, то много позже, когда уже нет спектакля, а просто — выставка и на выставке висит кусок бумаги, разрисованный беглой и смелой кистью, у вас сердце уйдет в пятки и похолодеет в горле, как это было со зрителями на спектакле, которого вы никогда не видели.

древняя греческая легенда о скульпторе Пигмалионе, который сделал статую женщины, и она была так прекрасна, что он начал молить богов, чтобы они дали ей жизнь. Так оно и случилось. В глубине души каждый самый неверующий художник «молит богов», чтобы его картина или его скульптура обрела жизнь, тогда это будет настоящее искусство, способное пережить века. Театральному художнику легче этого добиться: в его распоряжении театральные эффекты — свет, цветные фильтры на прожекторах, глубокая таинственная сцена, режиссер и актеры, которые могут стать верными соратниками декорации.

Но театральному художнику и очень не повезло, потому что если Пигмалион мог рассчитывать на то, что его скульптура проживет тысячелетия и ее увидят потомки, то век спектакля короток, и можно сказать, что театральный художник избирает себе трудную и неблагоприятную судьбу.

Только в очень редких случаях декорация живет долго: в Москве, во МХАТе, по сей день идет спектакль «Синяя птица». Режиссер К. С. Станиславский

поставил его шестьдесят лет назад. Оформил его художник В. Е. Егоров. Нельзя сказать, что он придумал что-либо необычайное, «потрясающее» или очень эффектное. Но в его простом и милом оформлении было что-то таинственное и в то же время очень простое, и это волнующее ощущение от декорации остается и сейчас.

IV

Художник Вильямс нарисовал любопытные декорации к спектаклю «Пиквикский клуб», поставленному в Московском Художественном театре лет тридцать назад. Он нарисовал большие панно, во всю заднюю стенку сцены. На панно он изобразил все, что описывалось у Диккенса, а что не описывалось, придумал сам: нарисовал небо, облака, поле, зеленую травку, красно-белых солдатиков, которые маршируют.

Эти панно висели на сцене, на сцену выходили актеры и играли все то, что было нарисовано на картине. Они были так же одеты, и сцены у них были точно такие же. Создавалось впечатление, что ожили сами картины и что свершилась наконец мечта каждого художника со времен Пигмалиона, а то и с более раннего времени.

Эскизы Вильямса были большим событием в жизни нашего театра еще и вот почему. Многие считали, что со времен Головина живопись ушла с нашей сцены, и действительно, некоторые художники увлеклись конструкцией, они собирали декорации как будто бы из деталей конструктора. А между тем живопись старого русского театра была великолепна, и отказываться от своей культуры опасно.

Если бы мы с вами пошли по выставке в хронологическом порядке, от самого начала этого пятидесятилетия до настоящих дней, мы обратили бы внимание на то, что целые куски времени выпали и что декорации, которые рисовались на протяжении некоторых лет, вообще не попали на выставку. Произошло это вот почему.

Многие стали думать, что рисовать надо не так, чтобы рисунок дышал жизнью, а чтобы он был похож на жизнь, как фотография.

В тридцатые годы художнику Рындину Таиров поручил сделать декорацию к революционной пьесе «Оптимистическая трагедия». Рындин сделал ряд узких длинных ступеней, которые тянулись вдоль сцены, а потом сворачивались кольцом, образуя не то маленький амфитеатр, не то воронку от снаряда. Играть на этих ступеньках и в воронке было очень удобно, в оформлении была напряженная пустота, суровость, мужество и тревога.

А лет десять спустя от театрального художника скорее всего потребовали бы, чтобы он сделал блиндаж, помещение, скамейки, стену, окно, поле боя и другие вещи, предметы и точные фотографические признаки места.

Обязательное требование именно такого решения, конечно, было неправильным, и долго так не могло продолжаться. Наступило время, когда художник опять нес с собой на сцену свое волшебство, и когда опять появился образ, и когда театр снова стал театром — великой тайной, отражающей жизнь, открывающей скрытые от нас вещи и все же остающейся тайной. Конечно, и теперь можно встретить на сцене комнату или зал, похожие на комнату или зал в доме или во дворце. Таков, например, зал в балете «Золушка» в Большом театре. Но все-таки здесь присутствует то, ради чего люди ходят в театр, а не в гости: настроение, волнение, особое состояние, которое охватывало во время творчества всех, кто работал в спектакле.

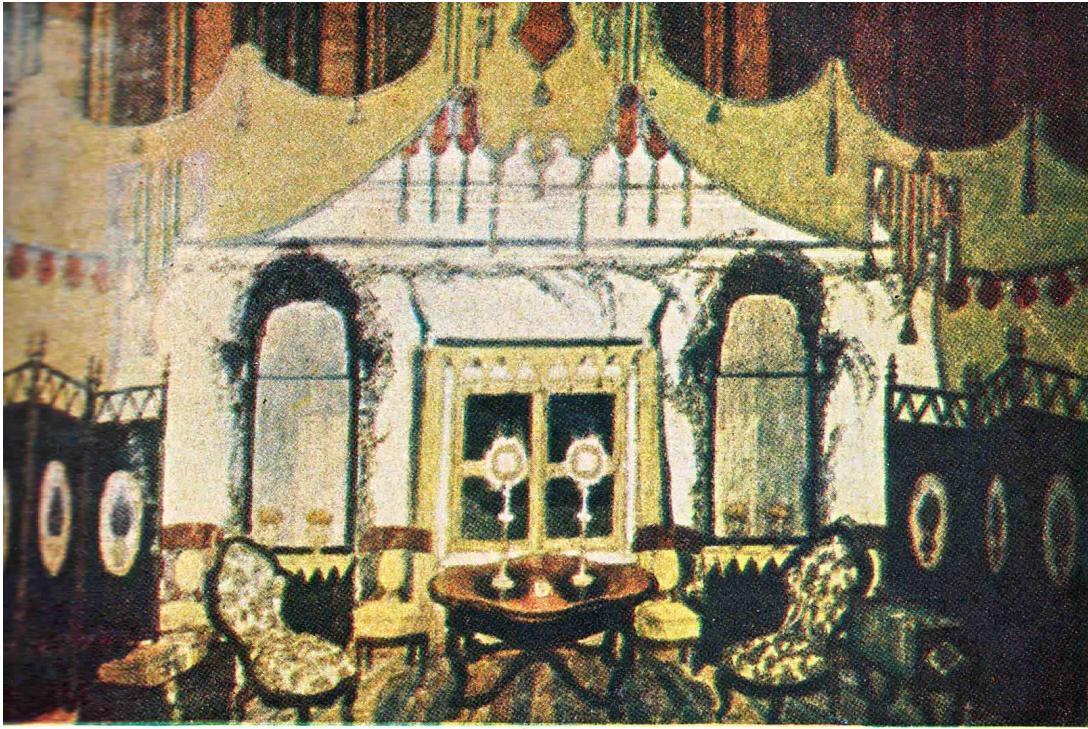
Посмотрите на цветной вклейке декорацию к спектаклю, которому нет еще и десятка лет. Сделал ее художник Змойро к спектаклю «Проделки Скапена» в Московском театре сатиры. Может, вы даже и видели этот спектакль. Там стоят справа и слева два домика, похожие на причудливое сплетение разных скворечников, а между ними перекинут мостик. Это веселая и милая декорация, и на выставке был ее макет, похожий на город лилипутов, такой же маленький, такой же странный и выполненный с тем же старанием и тщательностью, которые заметил Гулливер в лилипутском городе.

На выставке можно было увидеть эскизы молодых художников, которые работают в последние годы много и совсем по-новому. Их эскизы не нарисованы красками на бумаге, они приклеены к холсту или парче. Приклеены настоящие кружева, ленты, фигурки из бархата. Такие эскизы называются фактурными. Они очень красиво смотрятся, не хуже, чем настоящие декорации, сделанные по ним, а может, даже и лучше.

Потому что эскиз — это не только память о театре, о спектакле и не просто рабочая схема, по которой потом цехи сделали свою работу и получилась декорация.

Эскиз — это еще и память о художнике, как и любая другая картина. Театральный эскиз — это целая область искусства, как, например, живопись, архитектура или музыка. Но если говорить более точно, театральный эскиз должен вбирать в себя черты всех своих родственников по семье искусства. Как самостоятельный член этой семьи он родился поздно, и если бы, как положено, над колыбелью новорожденного собрались добрые феи с добрыми пожеланиями, они бы, конечно, пожелали эскизу получить от музыки чуткие уши, от живописи — глаза, от архитектуры — чутье к пространству, объему и математической точности.

Если сказки не выдумка, то дело с театральным эскизом обстояло именно так и, судя по лучшим работам выставки, добрые пожелания сбылись.

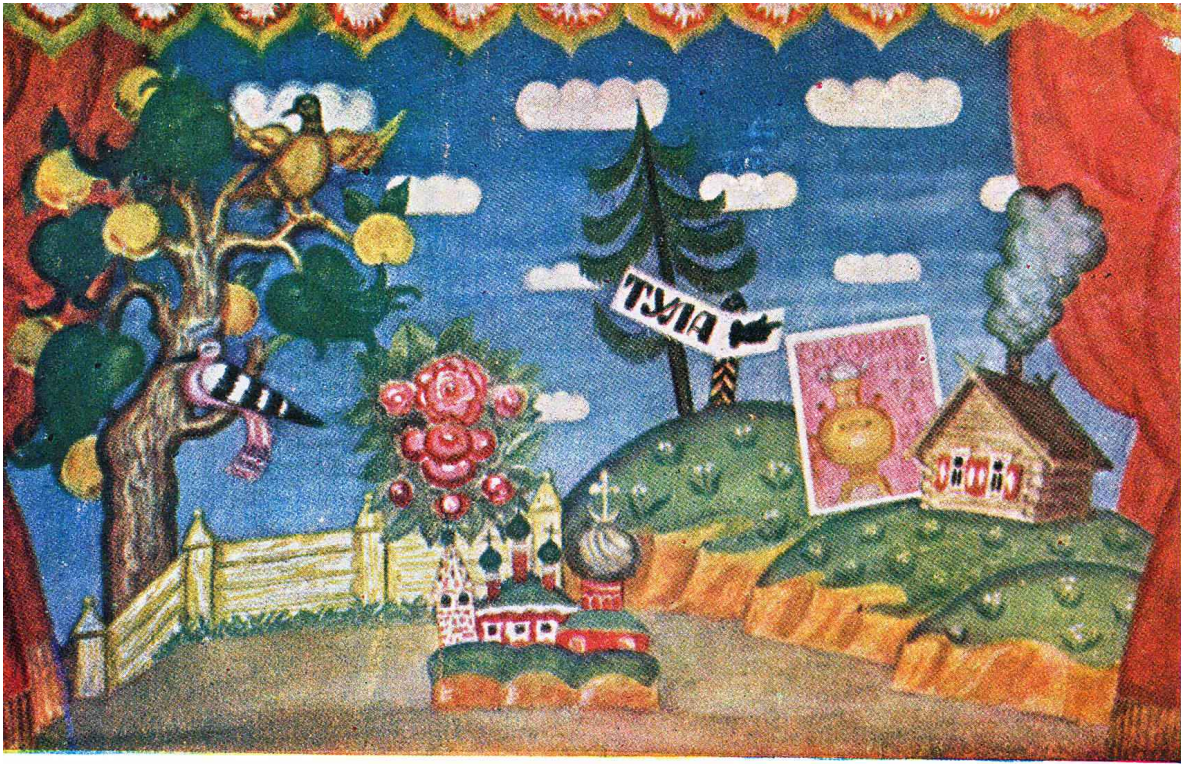

А. Головин.
 «Маскарад» М. Лермонтова.
 Эскиз декорации 3-й картины
 и эскизы костюмов:
 Кобиелло (слева),
 Баронессы (справа).

И. Нивинский.
 «Бархат и лохмотья»
 Ан. Луначарского.
 Эскизы костюмов.

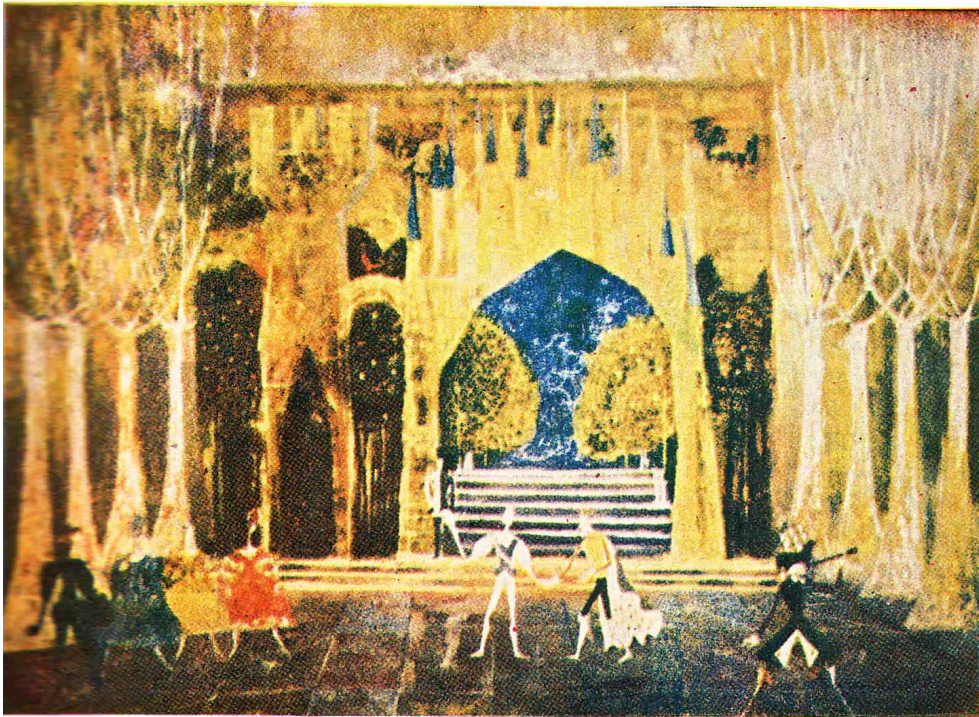
Б. Кустодиев.
«Блоха» по Лескову.
Эскиз декорации. 3-е действие («Тула»)
и эскиз костюма генерала Платова.

П. Вильямс.
«Пиквикский клуб»
по Ч. Диккенсу.
Эскиз декорации.

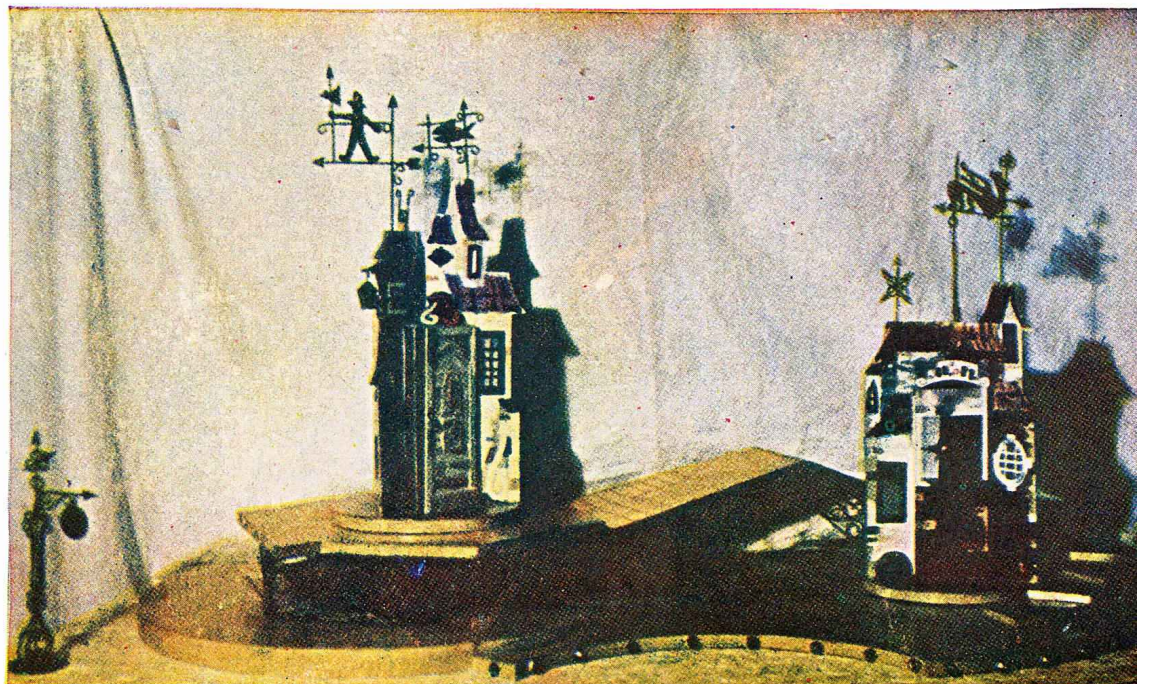

Н. Акимов.
«Гамлет» В. Шекспира.
Эскизы костюмов.

В. Левэнталь.
«Золушка»,
балет С. Прокофьева.
Эскиз декорации.

Э. Змойро.
«Проделки Скапена»
Мольера.
Макет декорации.

Более двух веков назад наша Родина начала планомерное наступление на Арктику.

Тогда, в 1733 году, по приказу Петра I была организована Великая Северная экспедиция, продолжавшаяся десять лет. В основу плана этого небывалого научного предприятия легли сведения, добытые безвестными русскими мореходами-ушкунниками...

В те годы впервые были положены на карту все берега Сибири. Было точно дознано, что вдоль тех берегов, лежит сквозной водный путь из Атлантики в Тихий океан. Что нет на том пути иных преград для корабля, кроме плавающих льдов.

Лет сто назад люди уже неплохо знали свою планету. Мудрые астрономы установили законы движения Земли. Отважные навигаторы вдоль и поперек прошли моря и океаны. Географы-землепроходцы стерли «белые пятна» с островов, и только полярные страны по-прежнему оставались загадкой для человечества.

И если прежде жажда живых толкала смельчаков на неравную борьбу с полярными льдами, теперь новая сила — жажда славы — погнала людей в непроходимые льды. Они стремились к полюсу — к той заветной точке, где сходятся все меридианы, где всегда стоит над головой Полярная звезда, где, как ни повернешься,

станешь лицом к югу, где раз в году всходит солнце и раз в году заходит.

И вот один за другим стремятся к полюсу посланцы разных стран: в 1878 году отправился к полюсу на паровом судне швед Норденшельд; в 1879-м — американец Де-Лонг на паровой яхте «Жаннетта»; в 1893-м — норвежец Нансен на паруснике «Фрам»; в 1897 году — швед Андре на воздушном шаре «Орел»; в 1899-м — итальянец герцог Абрुццкий — вот далеко не полный перечень смельчаков, стремившихся к полюсу. Десятки кораблей погибли в этих походах, сотни людей отдали жизнь в неравной борьбе с северной стихией, а полюс оставался непокоренным. И только в 1909 году американец Роберт Пири, всю жизнь посвятивший этому подвигу, достиг цели на санях, запряженных собаками...

Рекорд был поставлен. Полюс был открыт... Но выведать тайны высоких широт Арктики не смог отважный американец; слишком кратковременным было его пребывание на полюсе — всего тридцать часов; слишком примитивным было его научное снаряжение: даже глубину океана на полюсе не сумел измерить Пири: не хватило троса.

Непокоренная Арктика по-прежнему тысячами тайн манила смельчаков, и по-прежнему жизнью платили люди, стремясь разгадать эти тайны...

А. НЕКРАСОВ

САМАЯ НАДЕЖНАЯ РУКА

Последняя грандиозная трагедия разыгралась в Арктике в 1928 году.

В тот год итальянский инженер Умберто Нобиле на огромном дирижабле «Италия» отправился покорять Северный полюс.

Все было предусмотрено: новейшие навигационные приборы, отличные средства связи, мощные двигатели, способные побеждать полярные ураганы... Но Север бросил в бой с дерзкими пришельцами новое, неведомое до

тех пор оружие: миллиарды невидимых, почти невесомых капелек переохлажденного пара тонкой ледяной коркой покрыли оболочку дирижабля. Непосильным грузом легла эта корка на могучий воздушный корабль. Дирижабль рухнул на лед, разорвался на части и раскидал людей среди торосов.

Со всех сторон протянулись руки помощи участникам полярной трагедии. И тут

◀ Вот он, покоренный полюс. На нашей карте — путь советских ледоколов «Сибиряков» и «Челюскин», героический дрейф «Седова» во льдах, триумфальный перелет экипажа советских летчиков во главе с Валерием Чкаловым. Пунктиром обозначены маршруты дрейфующих научных станций «СП-1», «СП-2» и «СП-15».

весь мир с удивлением узнал, что в Арктике нет руки крепче и надежнее, чем рука молодой Советской страны.

Советские радисты первыми приняли сигналы бедствия. Первыми вышли в море на помощь потерпевшим советские ледоколы «Красин» и «Малыгин». Первыми взлетели в небо советские самолеты и, облетав льды в районе катастрофы, отыскивали всех ее живых

участников... Не потерпев никаких потерь, советские корабли и самолеты с триумфом закончили эту небывалую схватку с полярной стихией. Имена советских полярников облетели весь мир, и все друзья наши и все наши враги поняли тогда, что настоящие хозяева Арктики не белые медведи и не смельчаки-рекордсмены, а наши люди, на протяжении столетий изучавшие и покорявшие Арктику.

ЕЩЕ ОДНА ПОБЕДА

Победы не приходят случайно... С первых дней Советской власти исподволь началась подготовка этой большой победы в Арктике.

С 1920 года «карские экспедиции» вывозили хлеб, лес и графит из Сибири в Баренцево море. На необитаемых северных островах появились советские зимовки. Строились новые порты и базы в устьях сибирских рек.

Но обо всем этом широкий мир узнал позже, в 1932 году, когда ледокол «Сибиряков» впервые в истории освоения Арктики прошел сквозным путем из Архангельска во Владивосток. Пройдя за одну навигацию, Великий Северный морской путь был открыт. Руководил этой экспедицией знаменитый полярник Отто Юльевич Шмидт.

А через два года снова внимание всего мира было привлечено к Северу. 13 февраля 1934 года затонул советский корабль «Челюскин», повторявший поход «Сибирякова».

Сто пять человек оказались тогда на дрейфующей льдине, в ста километрах от ближайшего берега. Кругом торосились льды. Чудо-

вищные сжатия разрушали льдину, на которой расположился лагерь. Во всем мире гадали, чем кончится челюскинская трагедия. Но трагедии не случилось. В то время советские радисты уже могли справляться с полярными помехами и держать постоянную связь с любой точкой Арктики. Советские синоптики уже умели не только регистрировать, но и предсказывать погоду, течения и ветры в высоких широтах. Советские летчики научились бороться с обледенением, летать сквозь пургу и метель и садиться на ледяные поля... И вот один за другим поднялись со своих аэродромов семь замечательных пилотов, преодолели кто сотни, кто тысячи километров трудных воздушных дорог, благополучно сели на челюскинскую льдину и благополучно вернулись на Большую землю. Все участники экспедиции были спасены. И вскоре Москва радостно встречала героев этой замечательной эпопеи. И весь мир еще раз убедился, что советский народ — настоящий хозяин и на своей земле и в своих полярных морях.

ПАПАНИНЦЫ

Прошло четыре года. Весть о новом подвиге советских полярников облетела мир.

21 мая 1937 года тяжелый самолет участника спасения челюскинцев, Героя Советского Союза М. В. Водопьянова, благополучно приземлился на ледяное поле в полусотне километров от Северного полюса. Он доставил первую в мире научную станцию по изучению льдов, погоды, моря и ветров Арктики.

Но о том, что станция благополучно расположилась на плавучей льдине, Большая земля узнала только через двенадцать часов после приземления. Перед самой посадкой вышла из строя рация самолета, а наладить радиоаппаратуру удалось не сразу.

За эти двенадцать часов неизвестности и тревожного ожидания участники необычной

полярной экспедиции — начальник станции И. Д. Папанин, гидролог П. П. Ширшов, астроном Е. К. Федоров и радист Э. Т. Кренкель — стали близкими миллионам людей на земном шаре, а пес Веселый — самой знаменитой собакой мира.

В те дни первые полосы газет снова были посвящены советским полярникам. Во всем мире мальчишки играли в папанинцев.

А им нелегко приходилось на этой необычной зимовке: крошечная жилая палатка, в которой даже и не отогреться по-настоящему. Талые воды, которые летом заливали склады и приборные площадки...

Зимой непроглядная темнота, пятидесятиградусные морозы и бураны, так засыпавшие палатки, что приходилось часами откапываться, чтобы выйти на работу. А работы хвата-

С весны 1954 года в Северном Ледовитом океане непрерывно работают советские дрейфующие станции. На снимке — лагерь «СП-5». Хозяйство у полярников теперь большое: и электростанция, и вертолет, и даже АТС на десять абонентов!

до всем участникам экспедиции... Записать погоду, например, как будто и не трудно. Но если к метеобудке приходится пробиваться сквозь пургу, держась за трос, чтобы не заблудиться в ста шагах от жилья, если, сняв рукавицу, сразу же ощущаешь коварный укус пятидесятиградусного мороза, если тут же, у будки, можно неожиданно встретить голодного медведя, — дело выглядит посложнее. А измерить глубину полярного океана? Ведь это значит вручную вымотать пять километров стального троса с тяжелой гирей и приборами на конце — на эту работу несколько часов уходило у полярников... А ведь нужно еще расчистить лунку, которую то и дело затягивает крепким, как кирпич, льдом...

Но все это пустяки по сравнению с тем, что пришлось пережить полярникам во время сжатий и торошения...

Льды движутся медленно... Но они движутся. А каждое ледяное поле в квадратный километр площадью и в три метра толщиной весит ни много ни мало три миллиона тонн. И когда встречаются два таких поля, как бы медленно они ни двигались, они с такой силой

начинают давить друг на друга, что крошатся кромки льдин и сквозные трещины раскалывают ледяные поля.

Ледяное поле папанинцев, на котором расположились их жилые, научные и складские помещения, не раз испытывало тяжелые сжатия. Постепенно все меньше и меньше становилась жилая льдина советских полярников. Не раз приходилось им перетаскивать свой лагерь с места на место, не раз с тревогой

В лагерь «СП-4» прибыла смена. Те, кто проделал годовой дрейф, возвращаются домой, а обжитая льдина будет еще два года носить по океану новых отважных исследователей.

поглядывали они на остатки льдины, а когда наконец бот «Мурманец» вошел во льды Гренландского моря, чтобы снять папанинцев с ледяного поля, оказалось, что это уже не поле, а крошечная льдина размером всего тридцать на пятьдесят метров...

Через две недели после высадки папанинцев на льдину новая сенсация облетела телеграфные агентства: на рассвете 18 июня 1937 года самолет под управлением В. П. Чкалова поднялся с московской земли. 19 июня Чкалов пролетел над полюсом, а 20 июня благополучно приземлился в Северной Америке на аэродроме города Портланд.

В честь этого полета и по сей день стоит памятник на Аляске, воздвигнутый изумленными смелостью русских американцами. Советский народ доказал, что и небо Арктики — это по праву наше небо.

СЕГОДНЯ НА ПОЛЮСЕ

И сегодня на огромных, прочных льдинах — плавучих островах — дрейфуют в полярном океане советские научные станции.

Совсем непохожи эти полярные дрейфующие станции на папанинскую. Теперь на каждой из них живет целый коллектив — дватри десятка научных работников разных специальностей. Уютные, теплые домики, лаборатории, оборудованные по последнему слову техники... Теперь уже не приходится вручную крутить лебедку лота или велосипедным приводом заряжать аккумуляторы. Море света заливаает зимой жилую льдину, уютно стучит движок генератора, гидрологические лунки сверлят специальными станками, аэродромы расчищают бульдозерами.

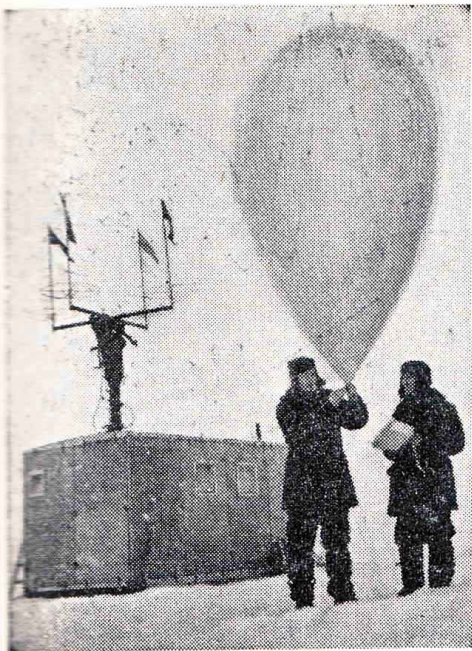
В темноте полярной ночи, прорезаемой лучом прожектора, идет напряженная работа: на дрейфующей льдине оборудуется автоматическая метеостанция. Люди улетят, а радиовежа начнет свой дрейф в океане.

На полюсе весна, и, как видите, открыт футбольный сезон.

С 1954 года и по сей день на полюсе непрерывно работают две дрейфующие станции.

Глубину полярного океана первыми измерили папанинцы. С тех пор советские полярники произвели тысячи промеров и эхолотных наблюдений, и дно полярного океана

Тысячи таких радиозондов запустили в небо наши полярники за тридцать лет работы на полюсе. Сейчас уйдет ввысь еще один. И так каждый день...

Полюс требует людей новых специальностей. На снимке — ученый С. А. Шапошников, конструктор полярных палаток и домиков.

известно сейчас не многим хуже, чем дно таких обжитых морей, как Балтийское или Средиземное. Через весь полярный океан, оказывается, тянется высокий подводный горный хребет — с отрогами, вершинами и впадинами, с крутыми склонами и плоскогорьями. Хребту этому советские люди присвоили имя славного русского ученого Ломоносова, одного из тех, кто еще в те далекие годы вынашивал мечту о сквозном морском пути из Белого моря в Тихий океан.

Много нового узнали полярники последних лет о погоде, о ветрах, о движении льдов и теперь уже настолько уверенно чувствуют себя в полярных льдах, что запросто летают в Арктику и зимой, и летом, и днем, и ночью. А уютные огоньки полярных зимовок и станций служат им маяками среди торосов и ледяных полей.

Но по-прежнему крошатся льды в полярном океане, по-прежнему лютуют там морозы, пурга с верхом засыпает домики полярников, а трещины разрушают аэродромы и поселки, за считанные часы сводят на нет работу многих месяцев.

И по-прежнему рядом со словом «полярник» хочется поставить слово «мужественный»...

Большие дела творит советский народ на

необъятной сибирской земле. Угольные и рудные шахты, нефтяные и газовые скважины, заводы, фабрики, алмазные копи. Десятки тысяч тонн сложного оборудования ежегодно доставляют корабли в устья сибирских рек. Сотни тысяч тонн сибирского леса и хлеба идут из Сибири в Европу. Сотни кораблей каждый год везут эти грузы Великим Северным морским путем.

Но по-прежнему, как и в стародавние времена, непроходимым заслоном встают перед форштевнями кораблей тяжелые льды, и самые мощные ледоколы не могут справиться с ними. И тогда, чтобы победить льды, караваны кораблей идут в обход, туда, где ледяной фронт слабее, туда, где среди многолетних паковых льдов сверкают разводья чистой воды, туда, где течения и ветры помогают арктическим мореходам.

И каждый год, начиная новое сражение со льдами, в основу победы кладут донесения, собранные учеными-полярниками. И — весь мир давно привык к этому — каждое такое сражение неизменно заканчивается победой советского человека.

Знания — вот то бесценное богатство, которое умножают советские полярники. Знания, добытые сегодня, ложатся в основу завтрашних планов покорения Арктики.

ПИСЬМА ПО АДРЕСУ «ВСЕМ»!

ОТКРЫТ
ПИОНЕР-
СКИЙ
ПОЧТАМТ
«ДРУЖБА»
ОСОБЕННЫЙ
НЕОБЫКНО-
ВЕННЫЙ

Ребята с далекого Севера хотят знать, как живут их друзья в Армении. Армянским ребятам интересно, что нового у друзей — пионеров Прибалтики. Минчане запрашивают Ашхабад, дагестанцы — ребят из Башкирии.

«ПИОНЕР» ОТКРЫВАЕТ ПИОНЕРСКИЙ ПОЧТАМТ «ДРУЖБА».

Не совсем обычный.

Особенный!

Необыкновенный!!

Все, кто выписывает и читает «Пионер», будут отныне получать гораздо больше писем.

Это будут письма от друзей.

С добрыми вестями.

Со всех концов страны.

И в этом номере — полистай-ка! — ты их найдешь.

На этот раз они присланы тебе ребятами из Казахстана и Туркмении, Армении и Грузии. Думаем, тебе интересно будет их прочитать, а следом за ними прилетят и другие!

И вполне может быть...

Соберем мы все вместе большую книгу писем, в которой пионеры всех наших советских республик расскажут друг другу о том, как живут они сегодня, как дружат, о чем думают, что хотят в этот особый для нас год — для Родины нашей, для народа нашего, для всех нас с вами, — год праздничный, юбилейный.

Моя Грузия

Моя Грузия маленькая, но старые люди говорят: «Если разгладить горы Грузии,— большая получится земля».

На самой большой улице Тбилиси стоит старинный дворец. В нем полы гладкие, как лед. И есть зеркальный зал. Там зеркал сто, а может быть, и двести. На Новый год в этом зале устраивают елку.

Раньше, до революции, во дворце жил князь. И в гости к нему ходили одни князья. А теперь это наш пионерский дворец; приходи кто хочешь, если веселый!

У нас во дворце есть большой хор. В Грузии все любят петь. И девочки, и мальчишки, и даже старые люди. Каждый голос знает свою высоту. И я пою, даже когда мне грустно,— просто назло.

Однажды наш хор выступал в колхозе, где выращивают чай. Это место называется Чаква. Чай растет на таких низеньких пушистых кустах, и его собирают в мешки. Мы старались петь как можно лучше. И колхозники нам аплодировали. А потом угощали вкусным чаем.

Наша республика вся как песня.

Гиви Антадзе, г. Тбилиси

Только вперед, вперед!

В Ереване на улице Абовяна стоят пятнадцать старых деревьев. Они не умеют говорить нашим языком и никогда не расскажут о тех, кто их здесь посадил. Хорошо, что мне удалось разузнать все, что знают они, и даже больше. И я расскажу вам за них и за себя об одном отряде, которому сорок лет.

Сорок лет! Разве так бывает? Разве бывает горнисту или барабанщику за сорок?

Да, так бывает, дело не в возрасте.

Но слушайте всю историю.

Была в Ереване в 1927 году типография, росли у ее рабочих ребята, и взялся один молодой рабочий, Саркис Мнацеканян, собрать их в один отряд, чтобы жили они веселее и полезнее.

Выбрали отряду имя «Линотип», выбрали себе первое дело по душе и необходимости. А там — второе, третье...

Росли деревья, росли ребята... И вот пришли в отряд новые пионеры, его второе поколение. А первые пионеры к тому времени уже выбирали себе дело на всю жизнь: один из них стал скульптором, другой — профессором медицины, третий — астрономом, академиком.

Второе поколение равнялось на первое, которое оставило ему деревья и хороший девиз — «Только вперед», командовал вторым поколением тот же вожатый, Мнацеканян.

Но пришла война. Вступили первое и второе поколения в другие, военные отряды. Ушел на фронт вожатый Саркис, бить врагов всей земли, и писал письма своему отряду, собиравшему металлолом на орудия, которые несли заслуженную смерть врагу. А когда Саркис вернулся, новые ребята собрались в отряд.

Так сменялись поколения. Давно Саркис Мнацеканян стал директором пионерского дворца в Ереване, но все-таки есть тот отряд, где он — вожатый. Есть тот отряд, и в его строю одиннадцать поколений.

Интересная история. А самое хорошее то, что у нее нет конца. А нет конца, потому что есть ребята, они умеют мечтать; шумят деревья на улице Абовяна, и не забылся девиз «Всегда, везде, во всем — только вперед, только вперед».

Ашот Саркисян, г. Ереван

Сто четыре страницы про... картошку

Знаете вы село Знаменку?

Но, наверно, не одно село на нашей земле называется Знаменкой, и в каждом ребята могут рассказать о своих веселых выдумках.

Решили мы устроить не сбор, не разговор, а картофельный конкурс. В Белоруссии картошке отведено на земле главное место, и готовят ее столькими способами, сколько ни запомнить, ни записать нельзя.

И захотелось нашим ребятам все-таки решить, какой способ вкуснее всего. Узнала о том тетка Катерина, дала мешок картошки — готовьте, придумайте, попробуйте.

Жарили, варили, сушили, крошили, украшали картошку и в назначенный день подали на стол сто с лишним блюд — поди перепробуй!

Весело было в тот день, и картошку ели так, будто и в глаза-то не видывали и в рот-то не брали ее раньше.

Кому же досталось первое место? Кто же выиграл?

Выиграла картошка. А первое место так и не решили, кому дать. Все было вкусно.

Ваня Дыдишко,
село Знаменка, Барановичского района

На озере Нури-Гели

В городе Батуми есть большое озеро. Легенда рассказывает, утонул в нем мальчик, а мать бродила по берегам и все звала: «Нури, где ты?! Нури, где ты?!» Так его и называли жители на своем языке: Нури-Гели.

Но если бы не легенда, никогда бы мы не поверили, что озеро может принести горе. Ведь оно давным-давно большой друг ребят. Я расскажу вам, и вы убедитесь.

Курсирует по озеру катер «Пионер», команда его пионерская. А все вместе — и катер, и команда, и пристань, и домик за ней — настоящий водный клуб, пионерский клуб «Чайка».

Домик среди деревьев — адмиралтейство: снаружи висит якорь, а внутри — лощи, карты.

Может быть, и не было бы клуба, если бы не заведовал катером дядя Резо — Резо Калистратович Болквадзе; может быть, и не стал бы клуб таким интересным, если бы не нашлись капитану дяде Резо помощники — курсанты мореходного училища.

Круглый год работает клуб, три раза в неделю собираются его члены на занятия, и каждый раз они узнают морские премудрости и законы, а в общем, готовятся в мореходное училище. Из них и вырастают новые помощники дяди Резо, а из помощников — настоящие капитаны.

В разных странах были капитаны и привезли оттуда зверей. Но тут уже другой рассказ.

Вокруг озера Нури-Гели — большой парк. Есть в парке и шахматный клуб и стадион. Есть и живой уголок.

Капитаны привезли для него разных обезьян, медведя.

Но больше всех в живом уголке павлинов, их не надо ниоткуда везти, они местные. Еще есть аквариум с редкими рыбами.

Но тут уже третий рассказ. Вернее, тут столько рассказов, что хватило бы на целую книгу.

Георгий Чиковани, г. Батуми

Почтовый штемпель села Гайдар

Наша школа совсем маленькая. И наше село Каракуль тоже невелико — всего сто домов. Но ведь и в такие села приходит почта. В больших городах много почтальонов, а у нас ни одного.

И получилось так, что письма и газеты носить некому. Лежат они в маленькой комнатке при совхозной конторе, и никто уже не может разобраться в этих бумажных горах.

Да и некому разбираться: ведь у всех своя работа.

Наши ребята пришли в эту комнату, посмотрели и сказали:

— Скоро до потолка наберется...

Мы подумали, что не надо ждать, пока до потолка. И так точно. И так люди ждут, ждут и не могут дождаться ни письма, ни газеты...

Наш Каракуль — в голой степи. Ни с какой стороны нет защиты от ветра. Идет кто-нибудь из ребят по улице, ворох газет и писем к груди прижимает, даже подбородком придерживает. А ветер как даст! Сразу — будто метель на улице. Попробуй-ка догони каждый конверт. Иногда просто плакать хотелось... Ну, хотя бы сумки были, как у почтальонов! А где их возьмешь, эти сумки?

Кто-то однажды не то со злости, не то в шутку крикнул:

— Вот как напишу министру связи!..

«А может быть, правда, написать? — подумали все разом. — Ведь мы же не играем, ведь дело у нас».

Мы, по правде говоря, не ждали ответа. Мало ли у министра дел? А ответ пришел. Не простой ответ. Министр вызывал нас в Алма-Ату.

Мы рассказали тогда про все: про всех ребят, и про груды писем, и про ветер. Нас спросили:

— И долго вы так работаете?

— Пять лет уже...

С тех пор все очень изменилось. У нас теперь своя комната и телефон. Форма, значки, почтовые сумки. Мы сами выбрали начальника отделения, сортировщиков. Сами получаем почту, сами разносим, сами подписываем на журналы и газеты. Приходят взрослые, читают плакаты, смотрят, как мы работаем. Удивляются:

— Как это у вас, у ребятшек, получается?..

А нам нравится. Нравится, что отовсюду письма идут, видно, какая страна у нас громадная, сколько на свете интересного. Только немножко обидно. За свое село обидно. Маленькое оно, пыльное, и название какое-то скучное.

И мы придумали. Мы сказали взрослым:

— Пусть будет село «Гайдар».

Нам ответили, что правильно — пусть село называется «Гайдар». И Верховный Совет республики вынес специальное решение.

Миша Огневой, пос. Гайдар

АДРЕСНЫЙ СТОЛ

В «Пионер» каждый день пишут ребята: «Дайте, пожалуйста, адрес!», «Пришлите!», «Будем ждать!»

В «Пионере», что ни день — телефонные звонки: «Хотим переписываться», «Продиктуйте, пожалуйста, адрес!», «Сообщите! Очень вас просим! Весь наш отряд!»

Наш адресный стол сообщает адреса пионерских клубов интернациональной дружбы.

Ребята из города Куйбышева просят адрес Куйбышевского районного Дома пионеров в Москве.

Сообщаем: Москва, Русаковская ул., 23.

Члены клуба интернациональной дружбы из г. Кораблино, Рязанской области, просят связать с клубом, который тоже носит имя Эрнста Тельмана.

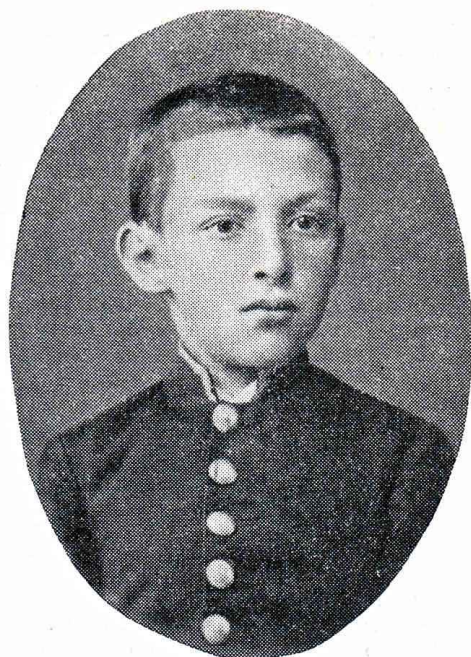
Запишите: гор. Владимир, Октябрьский пр., 12, кв. 51, клуб имени Эрнста Тельмана.

Письмо из Башкирии: «Хотим переписываться с карельскими ребятами».

Адрес КИД в г. Петрозаводске: ул. Еремеева, д. 3, Дворец пионеров.

Первые встречи с семьей Ульяновых

Н. ОСКОЛКОВ

Дмитрий Ульянов —
гимназист.

Автора этих воспоминаний Николая Федоровича Осколкова многие знали в годы гражданской войны. Он был тогда командиром интернациональной бригады.

В детстве Николай Федорович учился в Казанской гимназии, был другом Дмитрия Ильича, младшего брата Ленина, много раз встречался с семьей Ульяновых. Недавно нашлась интересная рукопись Н. Ф. Осколкова, где он вспоминает об этих встречах. Дмитрий Ильич сам поправил и проверил рукопись. Мы предлагаем вам ее прочитать.

Г. Е. ХАИТ,

1887 году я учился в третьем классе Казанской гимназии. Иностранец, я пользовался пансионом у Анны Александровны Веретенниковой, вдовы инспектора 1-й Казанской гимназии. Осенью 1887 года в Казань переехала из Симбирска (теперь Ульяновск) младшая сестра Веретенниковой, Мария Александровна Ульянова с семьей.

Никто из Веретенниковых не сказал мне ни тогда, ни позднее, что Мария Александровна потеряла за последние полтора года мужа (Илья Николаевич скоропостижно скончался 25 января 1886 года) и старшего сына Александра (казнен 20 мая 1887 года).

Осенью же 1887 года Владимир Ильич поступил в Казанский университет, младший, Дмитрий, — в четвертый класс 1-й гимназии.

Как-то вечером Мария Александровна с младшими детьми, Дмитрием и Манечкой, пришла к Веретенниковым.

Марию Александровну достаточно было увидеть однажды, чтобы черты ее лица за-

Ольга Ульянова.

помнились на всю жизнь. Несколько выше своей сестры Анны Александровны, стройная, со строгими, правильными чертами молодежавого лица без улыбки, поседевшие волосы под черной кружевной наколкой — первое, что бросалось в глаза. Чуть заметно склоненная голова не уменьшала какого-то необычного выражения спокойной величавости всей ее фигуры. Одетая она была всегда во все черное.

...Весной 1888 года семья Ульяновых уехала в деревню Кокушкино. Вскоре свободные от работы и учебы Веретенниковы уехали туда же. Мария Александровна пригласила и меня приехать к ним.

По окончании экзаменов, в начале июня, с утра я и мой сожитель Саша П. на паре крестьянских лошадей, запряженных в тарангас-плетенку, двинулись в Кокушкино. Плелись, не торопясь, по проселку. Дорога шла полями. Изредка встречались русские и татарские убогие деревушки. День был знойный. Высоко в небе звенели жаворонки. На полдороге, у речушки-безымянки, кормили лошадей, купались, почистились от дорожной пыли, освежились.

Жара стала спадать, звонко запросили по полям перепела: «Пить-подать», «Пить-подать». К вечеру заскрипели то тут, то там луговые пыльщики, скороходы коростели.

В Кокушкино приехали еще засветло.

Ульяновы и Веретенниковы занимали небольшой дом с террасой и мезонином, от въезда в деревню налево. Перед домом небольшой двор, у террасы небольшой цветник; позади дома старый сад, непосредственно примыкавший к речке. Через дорогу сравнительно большие усадьба и дом, принадлежавшие Ардашевым. Пройдя обе усадьбы, входил в самую деревню Кокушкино. За деревней по речке плотина и водяная мельница.

Неприхотливые постройки на усадьбе сестер Марии Александровны и Анны Александровны, речушка, заросшая по берегам камышом, сад, мельница — все казалось после пыльного, неприятного летом города интересным и прекрасным. На другой день утром я рано проснулся и побежал через сад на речку. У дощатой разделки (кабинки) я встретил Владимира Ильича с полотенцем на плече, идущего уже домой. В это утро он встал раньше всех, выкупался, покатался на лодке, что заменяло ему утреннюю гимнастику.

Увидав меня, он предупредил, что речка запружена, местами глубока и при купа-

нии надо быть осторожным: лучше подождать, пока остальные встанут.

Я сказал, что умею хорошо плавать. «А все-таки лучше пойдем разбудим остальных, спать им достаточно, вместе пойдете купаться, и веселее будет», — сказал Владимир Ильич и с этими словами увел меня с речки.

Распорядок дня Владимира Ильича удивлял меня. Мы видели его только за утренним завтраком, за обедом, вечером во время его купания и за вечерним чаем с легкой закуской.

Как-то раз после обеда Владимир Ильич взял нас с собой в дом к Ардашевым. В одной из комнат стоял бильярд. Владимир Ильич сыграл партию или две с Ардашевым и ушел опять к себе.

Помню Владимира Ильича играющим в городки на аллее в саду. Играли взрослые. Владимир Ильич был весел, шутил и смеялся, когда он сам, его партнер или противники упорно, систематически мазали. На нашу долю выпала почетная роль собирать городки и подавать биты.

Единственный раз смотрел, как Владимир Ильич играл в шахматы как-то вечером. Играл он против двоих — Николая Веретенникова и Ардашева.

Когда его партнеры вполголоса совещались, обсуждая очередной ход, Владимир Ильич ходил по комнате, изредка взглядывая на доску. Я мало понимал в игре, но меня интересовало: кто же выиграет?

Выиграл Владимир Ильич. Дмитрий был очень доволен ходом и результатом игры. Мне тоже понравилось, что выиграл Владимир Ильич, понравилось, вероятно, прежде всего потому, что он играл против двух партнеров.

Хотя Дмитрий не любил расспросов о членах семьи и семейных делах, неопределенно и уклончиво отвечал в этих случаях, я все-таки как-то спросил: «Почему Владимир Ильич мало гуляет, редко его видно и в саду, все он у себя наверху?» Надо сказать, что лазить наверх в мезонин к Владимиру Ильичу нам было не разрешено — это подстрекало любопытство.

На этот раз Дмитрий не уклонился, ответил. «Владимир много занимается, — сказал Дмитрий, — в саду постоянно народ, и ему помешают работать. Воздух у него в комнате хороший, окно и дверь из мезонина выходят на балкончик, как раз под липы».

В Кокушкине Владимир Ильич не охотился, несмотря на то, что у Ардашевых

были ружья и хорошо натасканная легавая собака. К охоте Владимир Ильич пристрастился много позднее, если не ошибаюсь, во время ссылки в Сибирь, в Шушенское.

...Пока гостил в Кокушкине, я бегал к мельнице. Деревенские ребята ловили рыбешку с плотины и пониже плотины в омутке.

Как-то ребята ловили раков из-под берега руками и поймали налима, порядочного налима. Завязался спор: куда же нести продавать? Одни говорят: «Нести к Ардашевым, они богатые, денег больше дадут». Другие галдят: «Пошто нам деньги, как их делить станем, все в воду лазили, индо зазябли; а поделить — где, что на денежку купить? Айда к Марье Александровне, она добрая, много конфет даст, а то пряников и хлебца хорошего, их и поделим!» Я, как житель малой усадьбы, поддерживал последнее решение. Налима отнесли Марии Александровне.

Погостив в Кокушкине с неделю, я с товарищем попутной подводой уехал в Казань, а оттуда на летние каникулы домой.

С осени 1888 года Мария Александровна занимала небольшую, просто обставленную квартиру из четырех комнат на первом этаже деревянного флигеля по улице 1-й Горе в доме Орлова.

Хорошо помню только большую комнату в два окна, где мы играли и по вечерам пили чай. В углу против двери стоял большой обеденный стол, покрытый скатертью. Вдоль стен стояли турецкий диван и дубовые стулья с плетеными решетками. Небольшой столик, на котором мы играли в шашки и шахматы, дополнял обстановку. Полы крашеные. Комната эта благодаря отсутствию лишней мебели была достаточно просторной для всяких игр. На окнах висели длинные, во все окно, тюлевые белые занавески. На стенах было несколько гравюр и видовых фотографий. На одной из стен висел портрет отца — Ильи Николаевича.

Стояло пианино. Мария Александровна хорошо играла. Ольга Ильинична, окончившая гимназию и готовившаяся к поступлению на Высшие женские курсы в Петербурге, училась одновременно в музыкальном училище, руководимом известным композитором и дирижером Орловым.

По сравнению с квартирой Веретенниковых, большой и часто шумной, в квартире Ульяновых было как-то удивительно тихо. Я никогда не слышал, чтоб кто-нибудь из старших возвышал голос, а младшие —

Дмитрий и Манечка — чем-нибудь выразили свое недовольство указаниями матери, старших брата или сестер или поссорились между собой.

Меня, озорного и непоседливого, эта обстановка сразу поставила в какие-то непривычные рамки, заставила помимо сознания стихнуть. Кроме Дмитрия, Манечки и Ольги Ильиничны, в ту зиму в Казани жили с Марией Александровной Владимир Ильич и Анна Ильинична по специальному разрешению департамента полиции.

Мне казалось тогда, что Владимир Ильич, Ольга Ильинична и Маня в общем наследовали черты лица отца, а Дмитрий и Александр Ильич напоминали мать, Марию Александровну.

Владимир Ильич невысокого роста, худощавый, но довольно широкий в плечах, обращал на себя внимание матово-бледным, без румянца лицом. Из-под большого лба с гладко зачесанными на голове волосами цвета ржаной соломы на вас пронизательно смотрели небольшие карие глаза. Мне не случалось видеть в них искр смеха в то время.

Помню его одетым зимой всегда в темный пиджачный костюм и белую или чесучовую с мягким воротником рубашку с повязанным галстуком. Анна Ильинична была всегда просто, строго одета. Ольга Ильинична запечатлелась в моей памяти в форменном гимназическом платье.

Дмитрий обычно был в серой суконной форменке, изредка в рубашке, опоясанной ремешком. Он как-то неожиданно, странно по временам откидывал голову назад. Манечка смотрела всегда своими темно-кариими глазами как-то исподлобья и несколько наклонив головку, искоса. Весело, громко, по-детски смеющейся я ее не помню. Одета она была в очень простенькое платьице, только в волосах ее была вплетена цветная ленточка.

И все-таки что-то притягивало в эту семью, так молчаливо замкнутую в себе.

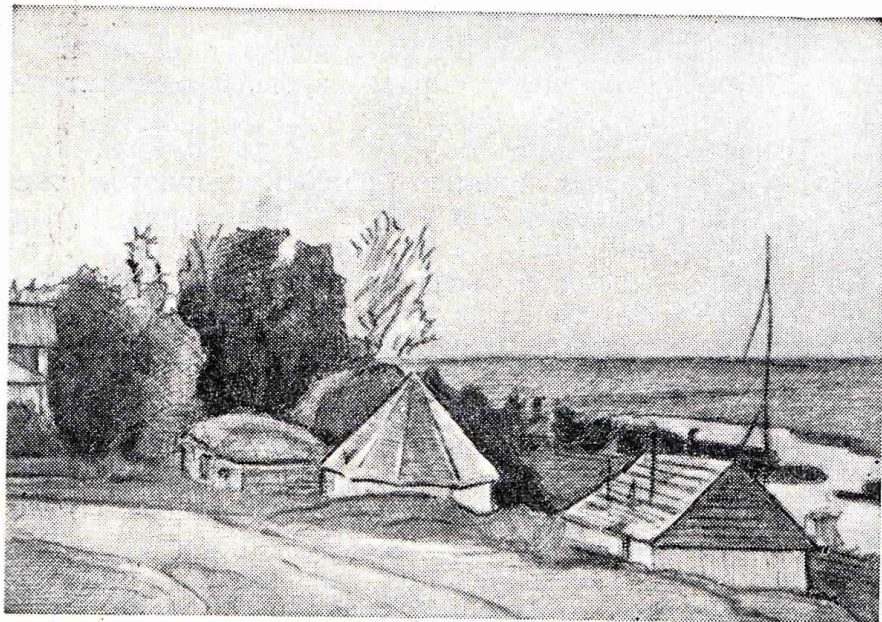
Зимние игры и занятия в домашней обстановке детей нашего возраста, тринадцатичетырнадцатилетних, в то время проходили довольно однообразно. Старших, как правило, наше времяпрепровождение не интересовало. Не интересовало это и школу...

Одной из излюбленных наших игр была игра в солдатики. Очень распространена была игра в карты. Азартно играли в «перышки», в домино, в кости, лото.

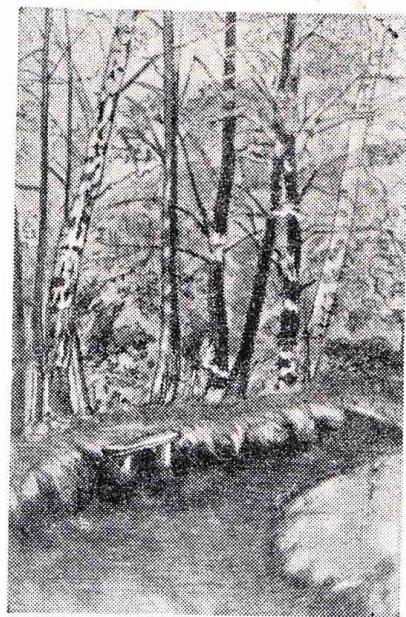
Кокушкино. В этой деревушке под Казанью отбывал свою первую ссылку Владимир Ильич. Здесь жила и сестра его Анна Ильинична, высланная из Петербурга. Сюда летом приезжала отдыхать вся семья Ульяновых. Теперь Кокушкино называется Ленино. Там за кра-

Большой дом в Кокушкине. Слева — флигель, в котором жил Владимир Ильич.

Такой видел деревушку Кокушкино Ленин.

На этой скамейке любили читать Владимир Ильич и его старший брат Александр.

сивой оградой стоит длинный одноэтажный дом-музей. Он построен в наше, советское время по воспоминаниям и чертежам родственников Ленина. Прежний дом сгорел в 1917 году. Ни одной его фотографии не сохранилось. Казалось, никому и никогда не придется увидеть Кокушкино таким, каким оно было при Ильиче...

Но вот в Ленинграде, в архиве Музея Революции, обнаружили старый планшет. В нем было целых шесть рисунков, сделанных в Кокушкине летом 1887 года молодой художницей Анной Ивановной Тиссен. Художница дружила с двоюродным братом Ленина Николаем Веретенниковым, часто гостила в Кокушкине и была знакома с Ульяновыми. Три из этих рисунков перед вами. Публикуются они в первый раз.

Г. Е. ХАИТ

В семье Ульяновых ни оловянных, ни бумажных солдат не было. Помню занятную игру в кости — путешествие из Мадрида (путешествовали испанские гранды с замысловатыми, потешными фамилиями) через Лондон, Париж, Берлин, Петербург, Москву, Пекин, Токио, Нью-Йорк, Лисабон в Мадрид. Передвигаясь по железным дорогам, пароходами, на лошадях, верблюдах, мулах, путешественник немного знакомился и с географией стран. На определенных пунктах стояли штрафные цифры. Если счет очков бросаемых костей совпадал с ними, путешественнику приходилось поскучать, задержаться на одну-две очереди броска костей, а то и вернуться несколько назад. Пришедший первым получал приз — лишнюю конфету за чаем. Так как играли упорно, долго и, конечно, с переменным счастьем, то в итоге все получали за чаем лишнее, призовое сладкое. В исключительных случаях «большого» выигрыша счастливый призер угощал своих незадачливых конкурентов.

Был театр марионеток с декорациями и фигурками на несколько театральных постановок. Пьес не помню.

Изредка играли в лото; в этой игре участвовали иногда и старшие. Не было за этой игрой только Владимира Ильича. Говорили, что Владимир Ильич иногда играл в шахматы в клубе. Игры его мне этой зимой не пришлось видеть.

Играл и Дмитрий в шахматы, любил играть. Приохотил и меня к шахматам. Можно сказать, что Дмитрий был первым серьезным учителем моим в шахматы. Обыграть я его не научился.

Почти всегда по вечерам устраивались чтения. Читали Мария Александровна и Анна Ильинична. Если читала Анна Ильинична, то Мария Александровна что-нибудь шила или вязала. Манечка, глядя на мать, тоже что-то мастерила.

На рождественских каникулах у Ульяновых была устроена елка с подарками для детей. Несколько вечеров мы готовили украшения на елку: клеили коробочки, пакетики, цепи из золотой и серебряной бумаги, составляли смеси бенгальских огней. Анна Ильинична заведовала покупками. Мария Александровна сама сшила из материи несколько вещей для елки и, хорошо помню, искусно сделала большого деда-мороза.

Оглядываясь назад, невольно преклоняешься перед тем вниманием, добротой и любовью к детям, не только своим, но и

посторонним, которые как-то необыкновенно просто и естественно исходили от Марии Александровны.

Манечка не отставала от нас и своими крошечными ручонками тоже шила и клеила. Помню, затейливую коробку из картона и материи, ею сделанную и подаренную мне, я долгое время бережно хранил.

Устраивавшиеся у Ульяновых по вечерам чтения не прошли бесплодно. Дмитрий уже в это время любил читать, умел и заинтересовать меня книжкой. Книги доставались помимо библиотеки. На смену библиотечным «эмарам» пришли Л. Толстой, Короленко, Аксаков, Тургенев, Решетников, Пушкин, Лермонтов, Гюго, Диккенс, биографии великих ученых, исследователей... В подборе книг для чтения я всецело подчинялся авторитету Дмитрия. Надо сказать, что у него уже в то время выработалось умение как-то особенно серьезно, не по годам держать себя, что очень импонировало.

Ранней весной 1889 года с первыми пароходами вся семья Ульяновых, кроме Дмитрия, уехала в Самару, где на хуторе Алакаевка Владимир Ильич отбывал срок высылки и гласного надзора полиции. Дмитрий до конца экзаменов поселился у Веретенниковых.

О причинах отъезда семьи из Казани в Самару Дмитрий мне ничего не сообщил. Спрашивать его было бесполезно. Раз он сам не говорит, все равно, спрашивай, не спрашивай, скривит губы, промямлит что-нибудь невнятное.

Умение молчать, когда нужно, было крепко привито Дмитрию старшими уже в то время. Ни разу не проговорился Дмитрий ни о казни брата Александра Ильича, ни о высылке Владимира Ильича из Казани за активное, если не руководящее участие в студенческих волнениях 1887 года.

Поселившись у тетки в одной комнате с Николаем Веретенниковым, который был старше Дмитрия года на три, Дмитрий стал ближе ко мне с моим товарищем по комнате.

По окончании экзаменов, числа 10 июня, Дмитрий уехал в Самару к своим, куда осенью перевелся и на учебу.

Марию Александровну, Манечку и Дмитрия я встретил снова лишь через четыре года, в 1893 году, осенью в Москве, в квартире на Земляном валу, Владимир Ильич бывал там, когда приезжал из Петербурга.

Что узнали красные следопыты про ОКтябрьскую революцию и Советскую власть.

Какие ОТКРЫТИЯ сделали ребята, создающие школьные Ленинские музеи, музеи Революционной, Боевой, Трудовой славы нашего народа? Об этом расскажет:

Выставка

неизвестных фотографий,
исторических документов,
памятных реликвий,

найденных и собранных красными следопытами пионерских дружин и отрядов.

ВЫСТАВКА

познакомит всех наших читателей с работой их товарищей,

объединит усилия юных красных следопытов — разведчиков истории,

расскажет о самом интересном из того, что узнали ребята об истории нашей Страны Советов.

Открывается **ВЫСТАВКА** на страницах журнала «Пионер».

Журнал «Пионер» просит все школьные МУЗЕИ, всех красных следопытов присылать в редакцию

ФОТОГРАФИИ

САМЫХ ИНТЕРЕСНЫХ ЭКСПОНАТОВ,

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ

ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ,

РАССКАЗЫ ОБ ОТКРЫТИЯХ

И НАХОДКАХ.

ЖДЕМ ВАШИХ СООБЩЕНИЙ, ЮНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ ИСТОРИИ!

Внимание! Перед тобой одна из реликвий гражданской войны — знамя Илимского партизанского отряда. Партизаны сделали его своими руками, сами вышли лозунг. «На защиту Свободы!». С этим знаменем они боролись за Советскую власть.

Прошло много лет. По местам сражений партизан Сибири и Дальнего Востока пошли в поход красные следопыты 723-й московской школы. Они работали умно и интересно и завоевали уважение и гужбу бывших партизан. Один из них передал ребятам знамя Илимского отряда, которое хранил все эти годы.

Партизанское знамя — это добрая память о великом и славном времени, это кусочек нашей истории, историческая ценность.

Центральный музей Вооруженных Сил СССР попросил красных следопытов передать знамя музею. Теперь каждый может увидеть его там.

Здесь была школа

Недавно здесь была школа. Учительница диктовала ребятам задание по арифметике, читала стихи. Сейчас на этом месте — груда развалин. А имена тридцати учеников и их учительницы написаны на мемориальной доске. Они погибли от взрыва бомбы во время разбойничьего налета американцев на тихую и мирную вьетнамскую деревушку Тху Данх.

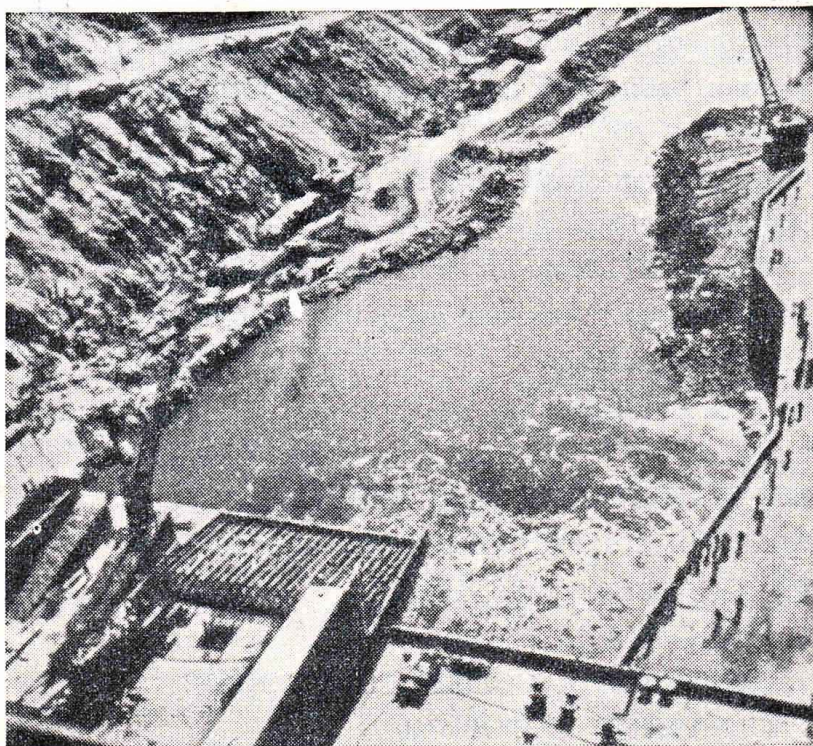

«Ленгвуд Хауз»

Так называется дом Наполеона Бонапарта на острове Святой Елены. Здесь знаменитый французский полководец провел в изгнании свои последние годы. Сейчас «Ленгвуд Хауз» — музей.

ГЭС на Кабуле

Вы знаете Кабул как столицу Афганистана. Но Кабулом называется еще и река. На ней сейчас строят гидроэлектростанцию. Она будет самая крупная в горной стране и даст ток текстильным фабрикам. Строить ГЭС афганцам помогают советские инженеры.

М. БРЕМЕНЕР

ОН СОЗДАН ВЕСЬ ЗЕМНЫМ ТЕПЛОМ

Я долго не мог начать эту статью, потому что мне казалось: прежде надо определить то самое главное, что есть во всем написанном К. Г. Паустовским, определить коротко, для всех ясно, что это такое, и тогда дело у меня пойдет, тогда можно брать в руки перо. Но это-то и не удавалось мне, и я все перечитывал и листал тома его сочинений, пока не наткнулся на одно место в автобиографической книге «Далекие годы»:

«Между прочим, что такое поэзия? — неожиданно спросил Черпунов (Черпунов — учитель географии в гимназии, и задает он свой вопрос маленькому Костику Паустовскому.—М. Б.).—Пожалуйста, не собирайся мне отвечать. Это определить нельзя».

Прочитав это, я обрадовался не меньше, чем маленький гимназист, которого учитель освободил от ответа на труднейший вопрос, потому что на него нет ответа! Я перестал пытаться «определить» то, чего «определить нельзя», но что, однако, можно познать и почувствовать.

Черпунов, любимый Паустовским и очень важный для него герой, задавал своим ученикам еще один — тоже труднейший — вопрос: «Что такое культура?»

От ответа на него он не освобождал...

Я хорошо помню, как Константин Георгиевич читал нам, студентам Литературного института, ту главу из повести «Далекие годы» (тогда только что законченной), о которой тут идет речь, и сейчас буду цитировать по памяти, а не по книге, потому что это было одно из самых сильных впечатлений моей юности:

«...— Марковский, объясни классу, что такое культура. (Паустовский произносил эту фразу глухим голосом усталого учителя.)

Марковский вставал и говорил, что культура — это выращивание хлебных злаков, изюма и риса».

Слушая это, я был, как сказал уже, студентом и притом Литературного института, но все-таки тут я мысленно себе признался, что и сам как следует не представляю себе того, что стоит за этим словом, так часто произносимым, — «культура»... Нет, разумеется, я понимал, что ответ гимназиста нелеп, и от души рассмеялся, когда Константин Георгиевич прочел это место, но вместе с тем ощутил, что для Паустовского за понятием, анекдотически объясненным невеждой-гимназистом, стоит неизмеримо большее, чем для меня.

Оба эти снимка сделаны в Мещоре, в прекрасном лесном крае, который так любит и так великолепно описывает Паустовский. На первом снимке вы видите Константина Георгиевича (слева) на берегу тихой реки Солотчи, примерно там, где происходит действие рассказа «Золотой лень». Мещорские челны похожи на полинезийские пироги. Но, как видите, нелегко перевезти такой челн из одного озера в другое. Паустовский (он последний слева) руководит перевозкой, а впереди справа тащит челн еще один любимейший ваш писатель — Р. И. Фраерман.

«— Глупо, но похоже на правду! — замечал Черпунов...» — читал дальше Паустовский, удивительно передавая голосом иронию, горечь, страдание своего героя. Талантливый учитель Черпунов, умевший пробудить воображение учеников, и писатель Паустовский, тоже это умевший, знали, как трудно искоренимо невежество. Их чувства, выраженные сдержанно, негромко, были слитны и сильны...

На протяжении тех лет, когда он руководил в Литинституте семинаром молодых прозаиков (участником его в 1947—1949 годах был и я), Константин Георгиевич, как наш литературный учитель, занимался, в сущности, одним: расширял и углублял

наше представление о культуре и... о невежестве. (Потому что и о невежестве — даже о нем, как оказалось, — не довольно малых знаний.) Делал это Паустовский в жизни тем же способом, что и в своих книгах, — приобщая нас к искусству и к природе.

Все, кто читал Паустовского, знают, как близок писатель к родной земле, как крепко долгие годы была связана его жизнь со Средней Россией, с лесным Мещорским краем, где разворачивается действие знаменитых коротких рассказов «Золотой лень», «Барсучий нос», «Последний черт», «Кот-ворюга», «Резиновая лодка». Цenia эти вещи Константина Георгиевича и даже наслаждаясь ими, иные из нас, его учеников, сами, однако, были равнодушны к миру природы и, будучи горожанами, не очень этого стыдились. Мы читали с восхищением такое место из «Золотого лентя»:

«...Мы выбрались в некошенные луга.

...Сладкий конский щавель хлестал нас по груди. Медуница пахла так сильно, что солнечный

свет, затопивший рязанские дали, казался жидким медом».

Нас восхищало сравнение солнечного света с жидким медом, но далеко не все мы могли отличить медуницу от других растений. И, к примеру, я не понимал тогда, что человеку, который не знал бы запаха медуницы (для которого это был бы как о й-то запах), просто не пришло бы на ум приведенное сравнение...

Константин Георгиевич пересказал нам автобиографический рассказ И. Бабеля «Пробуждение». В рассказе описывается — и это главное в нем, — как юный, четырнадцатилетний Бабель подружился со стариком, корректором «Одесских новостей»

Смоlichem, научившим его плавать, и показал ему свой ранний литературный опыт — трагедию. Старик сказал мальчику:

«— Чего тебе не хватает?.. Молодость не беда, с годами пройдет... Тебе не хватает чувства природы.

Он показал мне палкой на дерево с красноватым стволом и низкой кроной.

— Это что за дерево?

Я не знал.

— Что растет на этом кусте?

Я и этого не знал. Мы шли с ним сквериком Александровского проспекта. Старик тыкал палкой во все деревья, он схватывал меня за плечо, когда пролетала птица, и заставлял слушать отдельные голоса.

— Какая это птица поет?

Я ничего не мог ответить. Названия деревьев и птиц, деление их на роды, куда летят птицы, с какой стороны восходит солнце, когда бывает сильнее роса, — все это было мне неизвестно.

— И ты осмеливаешься писать?..»

Этот вопрос Паустовский, несомненно, хотел адресовать некоторым из нас.

Не повышая голоса, а скорее приглушая его, он ратовал (лучшего слова тут не найти) за богатство личности, духовного мира писателя, который — сознает он это или не сознает — становится беднее и несчастливее, если отделяет себя от жизни природы, — точно так же, как беднее и несчастливее становится литература, если ее представить себе без Бабеля. Предположение, будто и в том и в другом случае можно «обойтись», — невежество.

Не помню слова, которое Паустовский приносил бы с большей резкостью, чем это.

В ту студенческую мою пору, о которой я сейчас вспоминаю, меня волновали, хоть и были не совсем понятны мне, строки из стихотворения Б. Пастернака «Художник»:

Как поселенье на Гольфштреме,
Он создан весь земным теплом,
В его залив вкатило время
Все, что ушло за волнолом.

Особенно волновали меня и в то же время казались особенно загадочными последние две строки. (Но что же «ушло за волнолом»?) Они и сейчас продолжают меня волновать, только сейчас смысл их стал для меня не столь туманен, более явствен. (По крайней мере так мне кажется.)

...Случается, время в своем стремительном движении вперед оставляет прошлому или отбрасывает в сторону как ненужное,

себе несозвучное, то, что позже оказывается необходимым народу в его духовной жизни. И оно («Все, что ушло за волнолом») возвращается к людям. Но возвращается не само, а благодаря тем, для кого не переставало существовать, в чьем «заливе» продолжало храниться.

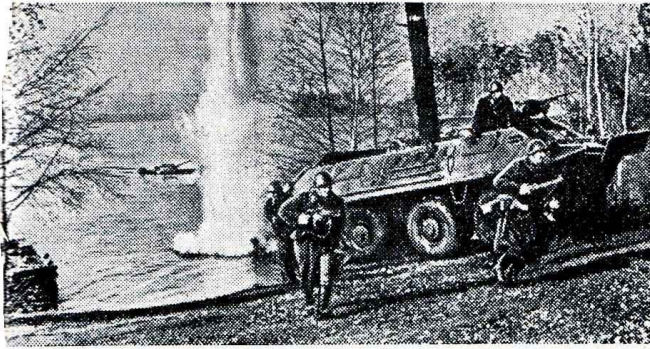
Когда теперь я перечитываю стихотворение «Художник», мне всякий раз приходит на ум, что процитированные выше строки поэта — про Константина Георгиевича. Не про него одного, но и про него тоже: про таких художников, как он.

...За несколько лет до начала Отечественной войны литкружковцы из Московского дома пионеров отправились во время каникул в плавание по реке Десне. Было известно, что во главе экспедиции стоит Паустовский. Я помню, как завидовал участникам экспедиции. Один из них, Сергей Львов, потом писал, что ребятам предстоявшее плавание казалось столь же фантастичным, как если б его возглавлял Жюль Верн. Что же делало К. Г. Паустовского таким популярным и даже — пользуясь ходким прилагательным для тех лет — легендарным в среде подростков предвоенных лет?.. По-моему, Паустовский был для нас прежде всего автором «Кара-Бугаза» и «Колхиды».

Вы знаете, а может быть, слышали только, что «Кара-Бугаз» — книга про путешествия. Это действительно книга про путешествия: писатель ведет нас путями, которые прошли исследователи азиатских мертвых песков, и путями, пройденными, проторенными мыслью людей, бившихся над загадкой залива Кара-Бугаз.

В статьях о «Кара-Бугазе» не раз писали, что Паустовского увлек грандиозный масштаб работ по исследованию и освоению природы — работ, начатых на рубеже первой и второй пятилеток. Это, конечно, верно. Однако побудили писателя приступить к повести не только прославленные планы покорения пустыни, но и нечто, напротив, никому не известное, с чем столкнулся он случайно. Что же?.. Идея умершего ученого, затерянная в прошлом судьба человека, почти разгадавшего тайну Кара-Бугаза и доживающего свои дни в полной неизвестности.

На взгляд нехудожника, это, наверно, малости, мелочи. А для художника идея, погребенная в прошлом, но необходимая в настоящем, неизвестность человека, не заслуживающего забвения, — важны, перво-

вотанковые управляемые реактивные снаряды. Даже на больших расстояниях они бьют почти без промаха.

А приборы ночного видения? Раньше пулеметчик действовал только днем да ночью при свете специальных ракет. Теперь с помощью этих чудо-приборов он настигнет врага в самой крошечной мгле.

Много нового оружия сейчас у солдат-пехотинцев. Недаром, по самым скромным подсчетам, в пехоте сейчас больше пятидесяти специальностей. Может быть, и кому-то из вас, дорогие мальчишки, доведется освоить одну из них, тогда и вы вместе с другими славными пехотинцами будете носить погоны малинового

нельзя». Но стоит, может быть, теперь сказать, в чем состоит поэзия вещей Паустовского. Сам Константин Георгиевич говорит (устаами своего героя, писателя): «Я утверждаю, что поэзия в огромной степени рождается из познания». И в другом месте — уже не от лица героя, а от себя: «Чем больше знает человек..., тем теснее его окружает поэзия».

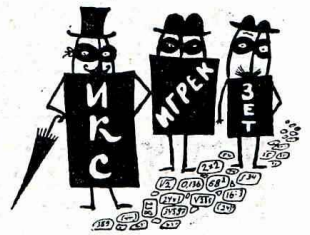
И если речь идет о героях Паустовского, то так оно и есть. Герои «Колхиды», познающие и преобразующие природу, чуть ли не все до одного охвачены поэтическим ощущением жизни. Инженер Кахиани, представляющий среди них исключение (для него поэтичность и мечтательность — признаки несерьезности), жалуется:

«... — Я сегодня слышал замечательную глупость. Меня вез в порт старый извозчик Шалико, и он мне сказал: «Я так думаю, товарищ Кахиани, что лет через десять пароходы будут входить ночью в наш порт не на огонь маяка, а на запах лимонов». Кругом поэзия, некуда спрятаться!»

К этому можно, пожалуй, добавить, что трудно быть читателем Паустовского и не стать хоть немного поэтом...

Неизвестные открывают свои тайны.

Решения задач, помещенных в «Пионере» № 4

НА АВТОБУСЕ — ПО ШВАМБРАНИИ

Схема дорог Синегории показана на рисунке.

ЛИК × ЛИК = БУБЛИК,

Заметим, что

$$\begin{array}{r} \text{БУБЛИК} \\ - \quad \text{ЛИК} \\ \hline \text{БУБ000,} \end{array}$$

поэтому, если из обеих частей равенства $\text{ЛИК} \times \text{ЛИК} = \text{БУБЛИК}$ вычесть ЛИК , то получится

$$\text{ЛИК} \times (\text{ЛИК} - 1) = \text{БУБ} \times 1000.$$

Два последовательных натуральных числа ЛИК и $\text{ЛИК} - 1$ не имеют общих делителей, а их произведение делится на $1000 = 125 \times 8$, значит, одно из этих чисел нечетно и делится на 125, а другое делится на 8, но не делится на 5, то есть первое число может равняться лишь 125, 375, 625 или 875, а второе отличается от первого на 1 и делится на 8. Есть две такие пары чисел — 375, 376 и 624, 625. Условие задачи удовлетворяет число 376, так как $376 \times 376 = 141376$.

Можно решать эту задачу методом подбора.

СКОЛЬКО БУДЕТ ДВА + ТРИ?

Сразу видно, что $\Pi = 1$ значит, я не **ДВА** генераторы. И ВОТ смех, пусть неуместный, — и этот внезапный, убийственный вывод!

Позже Константин Георгиевич сказал, что смеяться над взволнованностью писателя судьбою героя — все равно, что потешаться над сострадательностью врача...

Впоследствии Паустовский не раз обнаруживал ту нравственную силу, которая так ощутима, по-моему, в этих его словах. Она привлекала к нему читателя не менее, чем его большой изобразительный талант.

...Учитель Черпунов, уже упоминавшийся в начале этой статьи, показал как-то маленькому Костику Паустовскому портрет на стене:

— Ты знаешь, кто это? Один из лучших русских людей. Путешественник Миклухо-Маклай. Он был... гуманистом. Ты, должно быть, не понимаешь, что означает это слово. Неважно. Поймешь потом.

Мне хотелось бы написать под фотографией Константина Георгиевича:

— Знаете, кто это? Один из лучших русских людей. Писатель и путешественник. Гуманист. Вы, должно быть, знаете, что означает это слово? Если нет, — неважно. Непременно поймете потом.

Смоlichem, научившим его плавать, и показал ему свой ранний литературный опыт — трагедию. Старик сказал мальчику:

«— Чего тебе не хватает?.. Молодость не беда, с годами пройдет... Тебе не хватает чувства природы.

Он показал мне палкой на дерево с красноватым стволом и низкой кроной.

— Это что за дерево?

Я не знал.

— Что растет на этом кусте?

Я и этого не знал. Мы шли с ним сквериком Александровского проспекта. Старик тыкал палкой во все деревья, он схватывал меня за плечо, когда пролетала птица, и заставлял слушать отдельные голоса.

— Какая это птица поет?

Я ничего не мог ответить. Названия деревьев и птиц, деление их на роды, куда летят птицы, с какой стороны восходит солнце, когда бывает сильнее роса,— все это было мне неизвестно.

— И ты осмеливаешься писать?..»

Этот вопрос Паустовский, несомненно, хотел адресовать некоторым из нас.

Не повышая голоса, а скорее приглушая его, он ратовал (лучшего слова тут не найти) за богатство личности, духовного мира писателя, который — сознает он это или не сознает — становится беднее и несчастливее, если отделяет себя от жизни приро-

себе несозвучное, то, что позже оказывается необходимым народу в его духовной жизни. И оно («Все, что ушло за волнолом») возвращается к людям. Но возвращается не само, а благодаря тем, для кого не переставало существовать, в чьем «заливе» продолжало храниться.

Когда теперь я перечитываю стихотворение «Художник», мне всякий раз приходит на ум, что процитированные выше строки поэта — про Константина Георгиевича. Не про него одного, но и про него тоже: про таких художников, как он.

...За несколько лет до начала Отечественной войны литкружковцы из Московского дома пионеров отправились во время каникул в плавание по реке Десне. Было известно, что во главе экспедиции стоит Паустовский. Я помню, как завидовал участникам экспедиции. Один из них, Сергей Львов, потом писал, что ребятам предстоявшее плавание казалось столь же фантастичным, как если б его возглавлял Жюль Верн. Что же делало К. Г. Паустовского таким популярным и даже — пользуясь ходким прилагательным для тех лет — легендарным в среде подростков предвоенных лет?.. По-моему, Паустовский был для нас прежде всего автором «Кара-Бугаза» и «Колхиды».

ПЕХОТА

ДВАДЦАТОГО

ВЕКА

К. ТРОФИМОВ

Наш разговор сегодня о пехоте. Тогда почему же, спросите вы, на этих снимках одни машины? Где же солдаты с винтовками, автоматами и пулеметами? В том-то и дело, что именно так выглядит сейчас современная пехота. Знаменитая «царица полей» оделась броней и села на колеса. Да иначе и невозможно: сейчас, когда появилось так много новых видов оружия, пешему солдату мало что удастся сделать на поле боя. А бронетранспортеры — это настоящие крепости на колесах. Они могут в любой момент под огнем перевезти людей, защищая их от пуль, осколков, ослабляя действие ударной волны и светового излучения.

А когда прозвучит приказ идти в атаку, боевые машины, оцетинившись огнем, устремятся к укреплению противника.

Иной стала пехота — иное у нее и оружие. В новых условиях не обойдешься винтовкой и пулеметом. Теперь у пехотинцев есть собственные ракеты. Это ПТУРСы — проти-

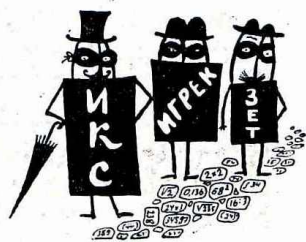
вотанковые управляемые реактивные снаряды. Даже на больших расстояниях они бьют почти без промаха.

А приборы ночного видения? Раньше пулеметчик действовал только днем да ночью при свете специальных ракет. Теперь с помощью этих чудо-приборов он настигнет врага в самой крошечной мгле.

Много нового оружия сейчас у солдат-пехотинцев. Недаром, по самым скромным подсчетам, в пехоте сейчас больше пятидесяти специальностей. Может быть, и кому-то из вас, дорогие мальчишки, доведется освоить одну из них, тогда и вы вместе с другими славными пехотинцами будете с гордостью носить погоны малинового цвета.

Неизвестные открывают свои тайны.

Решения задач, помещенных в «Пионере» № 4

НА АВТОБУСЕ — ПО ШВАМБРАНИИ

Схема дорог Синегории показана на рисунке.

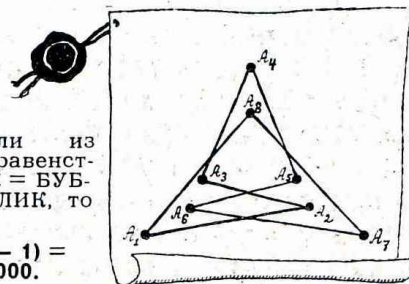
ЛИК × ЛИК = БУБЛИК,

Заметим, что

$$\begin{array}{r} \text{БУБЛИК} \\ - \text{ЛИК} \\ \hline \text{БУБ000,} \end{array}$$

поэтому, если из обеих частей равенства $\text{ЛИК} \times \text{ЛИК} = \text{БУБЛИК}$ вычесть ЛИК , то получится

$$\text{ЛИК} \times (\text{ЛИК} - 1) = \text{БУБ} \times 1000.$$

Два последовательных натуральных числа ЛИК — 1 и ЛИК не имеют общих делителей, а их произведение делится на $1000 = 125 \times 8$, значит, одно из этих чисел нечетно и делится на 125, а другое делится на 8, но не делится на 5, то есть первое число может равняться лишь 125, 375, 625 или 875, а второе отличается от первого на 1 и делится на 8. Есть две такие пары чисел — 375, 376 и 624, 625. Условие задачи удовлетворяет число 376, так как $376 \times 376 = 141\,376$.

Можно решать эту задачу методом подбора.

СКОЛЬКО БУДЕТ ДВА + ТРИ

Сразу видно, что $\text{П} = 1$, значит, Я не меньше, чем 2. ТРИ больше, чем 600 (согласно условию, Т равно 6). Данное равенство принимает вот такой вид:

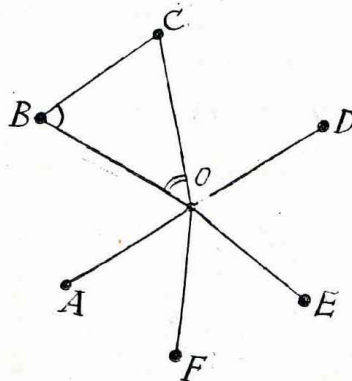
$$\begin{array}{r} \text{ДВА} \\ + \text{ТРИ} \\ \hline \text{1ЯБ} \end{array}$$

Так как Я не меньше, чем 2, то Д = 5, значит, Я = 2 и $\text{ВА} + \text{РИ} = 16\text{Б}$. Буквы В, А, Р, И, Б соответствуют оставшимся цифрам 3, 4, 7, 8, 9. Цифра Р больше В и $\text{В} + \text{Р} = 15$ или 16, поэтому, Р = 8 или 9. Но Р = 9 не подходит, так как в этом случае было бы $\text{В} = 7$, $\text{А} + \text{И} = \text{Б}$, где А, И и Б — это 3, 4 и 8. Если же Р = 8, то $\text{В} = 7$, $\text{И} = 9$, $\text{А} = 4$ и $\text{Б} = 3$.

ПОЧТА ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ

Задача первая. Доказательство методом от противного. Допустим, что в некоторый лагерь, расположенный в точке О, пришло 6 представителей из лагерей А, В, С, Д, Е и F (смотри рисунок). Сумма углов вокруг точки О равна 360° . Поэтому один из этих углов, скажем, угол ВОС, не больше 60° . Сумма двух других углов треугольника ВОС не меньше 120° , и один из них, скажем, угол В, не меньше 60° , то есть не меньше угла ВОС. Противоположная углу В сторона ОС не меньше и, значит, согласно условию, больше, чем сторона ВС, противоположная углу ВОС. Следовательно, лагерь В ближе к С, чем лагерь О. А это противоречит условию, где сказано, что представители каждого лагеря шли в ближайший лагерь.

Задача вторая. Достаточно заметить, что $512 = 128 \times 4$, а $1392 = 348 \times 4$, поэтому выражение во второй скобке равно $128 \times 4 \times 348 - 128 \times 348 \times 4 = 0$, произведение скобок равно 0, а все выражение равно 819.

П.А. ТРАВЕРС

МЭРИ ПОППИНС

Перевод с английского
Б. ЗАХОДЕРА.

Рисунки Ю. ВЛАДИМИРОВА
и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО.

Миссис Корри

— **Д**

ва фунта сосисок высшего сорта, — сказала Мэри Поппинс. — И побыстрей, пожалуйста! Мы торопимся.

Мясник был толстый и добродушный человек в фартуке с синими и белыми полосками. Он был вдобавок большого роста, рыжий и сам очень походил на огромную сосиску. Наклонившись над прилавком, он с восхищением смотрел на Мэри Поппинс. Потом дружески подмигнул Джейн и Майку.

— Торопитесь? — повторил он. — Жаль, очень жаль! А я надеялся, вы останетесь немного, потолкуем о том о сем. Наш брат-мясник любит компанию. Да только редко удается поговорить с такой хорошенькой молодой леди, как... — Тут он запнулся, потому что заметил выражение лица Мэри Поппинс. Оно было так ужасно, что мясник от души пожелал, чтобы под полом его лавки был погреб и он мог туда провалиться.

Продолжение. Начало см. «Пионер» №№ 3, 4, 5.

— Ну да,— сказал он, став еще краснее обычно,— раз вы спешите, то конечно. Два фунта, вы сказали? Высший сорт! Будьте любезны!

И он поспешно подцепил длинную связку сосисок, висевших по всей лавке, словно гирлянды. Отхватив порядочный кусок — с добрых полметра,— он свернул его наподобие венка и завернул.

Мэри взяла сверток и покатила коляску к выходу с таким видом, что у мясника не осталось сомнений в том, что она смертельно оскорблена.

Но, проходя мимо витрины, она бросила быстрый взгляд и полюбовалась своими новыми туфельками. Это были прелестные светло-коричневые замшевые туфли на двух пуговках, необыкновенно изящные.

Джейн и Майк двигались у нее в кильватере, размышляя о том, когда же она наконец дойдет до конца списка покупок, но не осмеливаясь об этом спросить,— такое у нее было выражение...

Мэри Поппинс огляделась, словно в задумчивости, и, приняв внезапное решение, выпалила: — Рыбная лавка!

Коляска покатила к соседнему магазину.

— Одну камбалу, полтора фунта палтуса, пинту креветок и омара,— проговорила Мэри Поппинс с такой скоростью, что только тот, кто давно привык к таким распоряжениям, мог что-нибудь понять.

Рыбник в отличие от мясника был высокий, худой человек — настолько худой, что казалось, у него совсем нет фаса, а только два профиля. И вид у него был такой грустный, что вы не сомневались: он или только что плакал, или вот-вот собирается заплакать.

— Горопитесь?
Жаль, очень жаль...

— Что-нибудь еще? — безнадежно спросил рыбник голосом, который свидетельствовал о том, что он не ждет ничего хорошего.

— В следующий раз,— отвечала Мэри Поппинс. Рыбник грустно покачал головой и ничуть не удивился. Он всегда знал, что больше ничего не потребуется. Да и не надеялся на следующий раз...

Тихонько вздыхая, он завязал покупку и бросил ее в коляску.

— Скверная погода,— заметил он, вытирая глаза рукой. — Похоже, что лета у нас совсем не будет. Да его, в сущности, никогда не было, конечно. У вас тоже не слишком цветущий вид,— обратился он к Мэри Поппинс. — Это, правда, не удивительно.

Мэри Поппинс вздернула голову.

— Говорите о себе,— сказала она сердито и устремилась к выходу с такой скоростью, что коляска налетела на бочонок с устрицами.

— Какая глупость! — произнесла она, глянув на свои туфли. — Не слишком цветущий вид — это в новых коричневых замшевых туфельках с двумя пуговками! Какая чушь! — казалось, подумала она вслух.

На тротуаре она остановилась и взглянула на список покупок, вычеркивая то, что уже куплено.

Майк постоял сначала на одной ножке, потом на другой.

— Мэри Поппинс, мы, что ли, никогда не пойдем домой? — спросил он капризным тоном.

Мэри Поппинс обернулась и посмотрела на него крайне неодобрительно.

— Это уж как выйдет! — сказала она коротко. Она аккуратно сложила список, а Майк в душе сильно пожалел, что черт дернул его за язык.

— Ты можешь идти домой, если тебе угодно,— продолжала она надменно. — А мы пойдем покупать имбирные пряники!

У Майка вытянулось лицо. Ну почему он не сумел промолчать! Если бы он знал заранее, что список завершали имбирные пряники!

— Тебе туда,— сухо сказала Мэри Поппинс, махнув рукой в направлении Вишневого переулка. — Смотри, не заблудись.

— Ой, Мэри Поппинс, пожалуйста, не надо! Не надо! Я ведь просто так! Я... Мэри Поппинс, пожалуйста! — взмолился Майк, чуть не плача.

— Ну пусть он пойдет с нами, Мэри Поппинс,— вступилась Джейн. — Я сама покачу коляску, если вы возьмете его с нами!

Мэри Поппинс фыркнула.

— Не будь сегодня пятница,— сказала она Майку строго, — ты бы сей секунд отправился домой. Сей секунд!

Она решительно двинулась вперед, толкая коляску с близнецами и покупками. Джейн с Майком, понявшие, что она смиловилась, попледали за ней, пытаясь понять, что же такое сей секунд. Вдруг

Рыбник грустно покачал головой

Джейн заметила, что они идут совсем не в том направлении.

— Ой, Мэри Поппинс, вы ведь сказали, мы идем за имбирными пряниками, а в кондитерскую совсем наоборот...— начала она, но замолкла.

Мэри Поппинс посмотрела на нее.

— Кому поручено сделать покупки: мне или тебе? — спросила она.

— Вам,—ответила Джейн очень жалобным голосом.

Она слегка подтолкнула коляску; та свернула за угол и внезапно стала. Джейн и Майк тоже остановились как вкопанные.

Они оказались у входа в очень, очень странную лавочку.

Ребята никогда не видали такой маленькой и грязной лавочки. В витринах ее висели выгоревшие бумажные ленты, на полках облезлые коробочки с рахат-лукумом, запыленные палочки лакрицы и очень старые, очень сморщенные яблочки. Между окнами был маленький, темный проход; туда Мэри Поппинс и покатила коляску. Джейн с Майком вошли за ней.

В лавке было сумрачно, но ребятам удалось разглядеть, что целых три стены занимает остекленный прилавок.

А под стеклом лежали пряники. Ряды за рядами. На каждом прянике была позолоченная звезда. Их было столько, что казалось, что они-то и освещали лавку слабым, мерцающим светом.

Джейн и Майк оглянулись, недоумевая, где же продавец в этой странной лавке.

К их большому удивлению, Мэри Поппинс позвала:

— Фанни! Анни! Где вы!

И не успел отзвучать ее голос, эхом отразившийся от темных стен, как словно из-под земли выросли две колоссальнейшие женские фигуры. Две громадные женщины, наклонившись над прилавком, пожали руку Мэри Поппинс и ребятам и сказали «Здравсте!» страшным басом.

— Здравствуйте, мисс...— Майк сделал паузу, не зная, кого из дам как зовут.

— Меня звать Фанни,—сказала одна из них.

Говорила она очень грустно и робко, словно не привыкла к тому, чтобы с ней были так вежливы.

— Прекрасная погода,—вежливо начала светскую беседу Джейн с другой сестрой, которая удерживала ее руку в своей гигантской лапце добрую минуту.

— Я буду Анни,—жалобно сообщила она.— А вообще, хвали день к вечеру,—добавила она ни с того ни с сего.

Джейн с Майком подумали, что у сестер довольно странная манера выражаться, но им не пришлось долго удивляться, потому что мисс Фанни и мисс Анни протянули свои ручищи к коляске и каждая торжественно обменялась рукопожатием с одним из близнецов.

Близнецы выразили свое изумление, громко заплакав.

— Ну, ну, ну! Что такое, что такое?

Тоненький, пискливый, надтреснутый голосок послышался откуда-то из глубины лавки. И при первых его звуках выражение лиц мисс Анни и мисс Фанни, и без того унылое, стало еще печальнее. Обе явно были испуганы и не в своей тарелке, и Майку с Джейн почему-то показалось, что великанши очень бы хотели стать маленькими и совсем незаметными...

— Что я такое слышу? — продолжал, приближаясь, забавный пискливый голосок. И вот откуда-то из-за угла показалась его обладательница. Это была крошечная, тоненькая, хрупкая старушка, древняя-

древняя, с жидкими седыми волосенками, сморщенным, высохшим личиком и на тоненьких, как палочки, ножках. Ребятам показалось, что она старше всех на свете. Но, несмотря ни на что, она побежала к ним навстречу легко и весело, словно юная девушка.

— Ну, ну, ну! Вот это да! Неужели это сама Мэри Поппинс с Джоном и Барби Бэнкс? Как, Джейн и Майк тоже здесь? Вот это действительно, приятный сюрприз! Я вас уверяю, у меня не было такого сюрприза с тех пор, как Христофор Колумб открыл Америку! Честное слово!

Она радостно улыбалась, и ее ножки в крошечных старомодных ботиночках слегка пританцовывали.

Старушка подбежала к коляске, слегка покачала ее и показала близнецам козу своими тоненькими, скрюченными от старости пальчиками. Джон и Барби почти сразу же перестали плакать и заулыбались.

— Так-то лучше! — сказала она, весело хихикая. Потом она сделала очень странную вещь.

Она отломала у себя два пальца и подала их Джоноу и Барби.

А еще более странно было то, что на месте отломанных пальцев немедленно выросли новые.

Джейн и Майк видели это совершенно ясно.

— Просто постный сахар, это им не повредит,—разъяснила старая леди.

— Все, что вы им дадите, миссис Корри, может только пойти им на пользу,—сказала Мэри Поппинс.

— Лучше бы это были мятные конфеты,—не удержался Майк.

— А иногда так и бывает,—торжествующе отвечала миссис Корри,—и очень вкусные, кстати! Я часто их сама сосу, если мне ночью не спится.

— А чем они будут в следующий раз? — спросила Джейн, глядя с неподдельным интересом на пальцы миссис Корри.

— Ага! — сказала миссис Корри.— В том-то все и дело! Я никогда не знаю заранее, во что они превратятся. Пробую наудачу, как сказал при мне Вильгельм Завоеватель своей маме, когда она советовала ему не пытаться завоевать Англию.

— Вы, наверно, очень старая,—сказала Джейн.

Миссис Корри, закинув свою всклокоченную голову, залилась визгливым смехом.

— Старая! — сказала она.— По сравнению с моей бабушкой я просто цыпленок. Вот она действительно старая женщина, если хотите. Но, конечно, и я кое-что повидала на своем веку! Помню, например, как создавался этот мир — ведь я в ту пору была уже далеко не девочка! Господи боже, ну и суматоха была тогда, доложу я вам!

Внезапно она оборвала и пронзительно посмотрела на ребят.

— Батюшки, что же это я тут болтаю, а вас никто не обслуживает! Я думаю, моя дорогая,—обратилась она к Мэри Поппинс тоном старой знакомой,—я полагаю, вы все пришли за имбирными пряниками?

— Совершенно правильно, миссис Корри,—вежливо ответила Мэри Поппинс.

— Отлично. Фанни и Анни уже дали вам их?

При этих словах она посмотрела на Джейн и Майка.

Джейн покачала головой.

Из-за прилавка послышались робкие голоса.

— Нет, мама,—промямлила мисс Фанни.

— Мы как раз собирались, мамочка...—начала мисс Анни испуганным шепотом.

Тут миссис Корри неожиданно выпрямилась и свирепо уставилась на своих великанов-дочерей.

Потом она сказала сладким, яростным, наводящим ужас голосом:

— плакса-вакса!
рева-корова!

— пицала м-с корри

— Ах, вы собираетесь? Так-так! О-очень интересно! А кто, позвольте спросить, милая Анни, разрешил вам раздавать мои пряники?

— Никто, мамочка. Но ведь я же не раздавала! Я только подумала...

— Она только подумала! Очень мило с вашей стороны! Но я буду тебе очень признательна, если ты не будешь думать!

Я сама могу, слава богу, продумать все, что здесь требуется! — сказала миссис Корри тем же ядовито-сладким тоном и вдруг разразилась кулактаньем:

— Эй, глядите! Все глядите! Плакса-вакса! Рева-корова! — пицала она, показывая своим узловатым пальцем на дочь.

Джейн с Майком обернулись. Большущая слеза ползла по унылому лицу великанши... Ребята ничего не сказали, так как миссис Корри, несмотря на свой малый рост, внушала им почтение и трепет. Но как только она отвернулась, Джейн молча протянула мисс Анни свой платок. Гигантская слезища промочила его насквозь, и мисс Анни, поблагодарившая Джейн взглядом, выжала платок, прежде чем вернуть его хозяйке.

А неугомонная старушка напустилась на вторую дочь:

— А ты, Фанни, ты, интересно, тоже думала, а?

— Нет, мамочка, — трепеща, ответила мисс Фанни.

— Хм! Чего от тебя ждать! Открой ящик!

Дрожащими, неловкими от страха руками мисс Фанни открыла одно из отделений стеклянного прилавка.

— Пожалуйста, мои дорогие, — обратилась миссис Корри к Джейн и Майку совсем другим тоном. Она так улыбалась и так ласково поманила их, что ребятам стало даже стыдно за свой страх перед ней.

«Наверно, она все-таки очень добрая!» — подумали они.

— Ну что же вы, мои цыплятки, не идете и не берете свои зернышки? Сегодня они по особому заказу, по рецепту, который мне дал Альфред Великий. Он был очень хорошим кондитером, должна я вам сказать, хотя, помнится, однажды пряники у него сгорели. Сколько прикажете?

«Джейн с Майком как по команде взглянули на Мэри Поппинс.

— Каждому по четыре, — сказала она. — Итого двенадцать. Дюжина.

— Пусть будет чертова дюжина — тринадцать, — весело сказала миссис Корри.

И вот у ребят оказалось по целой охапке большущих пряников, и каждый пряник был украшен позолоченной звездочкой. Майк, не удержавшись от соблазна, тут же отгрыз уголок одного пряника.

— Вкусно? — пискнула миссис Корри, и, когда Майк кивнул, она подобрала юбку и пустилась в пляс от радости.

— Ура, отлично, ура, ура! — кричала она тоненьким голоском. Потом, сделав несколько па, она остановилась и вдруг стала серьезной.

— Имейте в виду, я не раздаю даром свои пряники! Нужны денежки, денежки! С каждого по три пенса!

Мэри Поппинс достала из кошелька три трехпенсовика. Она дала по монетке Джейн и Майку.

— Ну, что же вы? — сказала миссис Корри. — Прилепите их к моему платью. Так полагается.

Ребята тут только заметили, что все ее длинное черное платье было усыпано трехпенсовиками, как клоунский наряд блестками.

— Смелее, смелее! Прилепите их! — нетерпеливо повторила миссис Корри в радостном ожидании, заранее потирая ручки. — Увидите, они не упадут!

Первой шагнула вперед Мэри Поппинс и прижала монетку к вороту платья миссис Корри.

К удивлению Майка и Джейн, монетка прилипла.

Тогда ребята прилепили свои трехпенсовики: Джейн — к правому плечу, Майк — в самом центре.

— Вот чудеса! — сказала Джейн.

— Ничего особенного, дорогая! — хихикнула миссис Корри. — Во всяком случае, по сравнению с кое-чем другим. Но об этом помякнем!

Она подмигнула Мэри Поппинс.

— Нам, к сожалению, пора, миссис Корри, — сказала Мэри Поппинс. — Надо сегодня испечь драчену, значит, я должна быть дома. Эта наша миссис Брилл...

— Плохая кухарка? — перебила миссис Корри.

— Плохая! — с презрением повторила Мэри Поппинс. — Это просто не то слово!

— Ага! — Миссис Корри поставила палец к носу с необыкновенно мудрым видом. Потом она сказала:

— Ну что ж, дорогая мисс Поппинс, это был очень приятный визит, и я уверена, мои девочки получили не меньше удовольствия, чем я сама.

Она кивнула в сторону своих громадных унылых «девочек».

— И я надеюсь, вы скоро все придете опять, не правда ли? И пряники вы не растеряете?

Ребята кивнули.

Тут миссис Корри придвинулась к ним поближе с очень важным и таинственным видом.

— Хотела бы я только знать, — начала она задумчиво, — что вы делаете с бумажными звездочками?

— А-а, мы их собираем! — отвечала Джейн. — Все, все!

— Ага! Вы их собираете. А интересно, где вы их держите?

Глаза миссис Корри были полузакрыты, но смотрели еще внимательнее, чем обычно.

— Ну, — сказала Джейн, — я прячу их в верхний левый ящик комода, под носовыми платками. И...

— А я в коробку из-под ботинок, на нижней полке гардероба, — сказал Майк.

— Верхний левый ящик и коробка из-под ботинок

— Ура! отлично! ура! ура! —
кричала
м-с Корри
тоненьким
голосом.

в гардеробе, — повторила задумчиво миссис Корри, словно стараясь заучить эти слова. Потом она многозначительно поглядела Мэри Поппинс в глаза и слегка кивнула головой. Мэри Поппинс тоже слегка кивнула в ответ.

Казалось, они заключили какое-то секретное соглашение.

— Да, — сказала миссис Корри, вся сияя, — это очень-очень интересно! Вы даже не представляете, как я была рада узнать, где вы храните свои звездочки. Я об этом не забуду. Я, видите ли, помню все, даже то, что было у Гая Фокса на обед каждое второе воскресенье. А теперь до свиданья! Приходите поскорей! Приходите поско-о-о-рей!

Голосок миссис Корри звучал все тише и тише, и внезапно, но очень понимая, что происходит, Джейн с Майком оказались на тротуаре. Они шагали за Мэри Поппинс.

Ребята оглянулись.

— Эй, — сказал Майк удивленно, — а ее нет!

— Правда! — сказала Джейн, озираясь.

И это была правда. Лавки больше не было. Она исчезла.

— Странно! — сказала Джейн.

— Еще бы! — сказал Майк. — Но пряники очень вкусные!

И это тоже была правда.

И ребята так увлеклись пряниками, стараясь выгрызть из них фигурки — человечка, цветок, чайник, — что совершенно позабыли и думать о том, насколько все это было странно.

★

Но им пришлось об этом вспомнить в ту же ночь, когда свет погасили и предполагалось, что ребята спят сладким сном.

— Джейн, Джейн! — шепотом позвал Майк. — Кто-то ходит на цыпочках по лестнице! Слушай!

— Тсс! — зашипела Джейн. Она тоже услышала чьи-то шаги.

Тут дверь осторожно отворилась, и кто-то вошел в комнату.

Это была Мэри Поппинс — в пальто и шляпе, совершенно готовая к выходу.

Она бесшумно прошла по комнате, двигаясь быстро, но очень осторожно.

Джейн и Майк наблюдали за ней, не шевелясь, только чуть приоткрыв глаза.

Первым делом она подошла к комоду, открыла какой-то ящик и почти сразу опять закрыла его. Затем она на цыпочках подошла к гардеробу, открыла его, наклонилась и что-то туда положила, а может быть, взяла (ребята не разглядели). Дверь гардероба чуть слышно хлопнула, и Мэри Поппинс выбежала из комнаты.

Майк сел.

— Что она делала? — громким шепотом спросил он Джейн.

— Не знаю. Может, она забыла перчатки, или туфли, или... — Джейн внезапно замолчала. — Майк, слушай!

Снизу — кажется, из сада — доносились чьи-то голоса. Казалось, там о чем-то спорили.

Джейн пулей вылетела из постели и подозвала Майка. Босиком ребята подбежали к окну и выглянули в сад.

В переулке перед самой их калиткой маячили три фигуры: одна крошечная и две громадных.

— Это миссис Корри, Фанни и Анни! — шепнула Джейн.

Странное это было зрелище! Маленькая миссис Корри пыталась заглянуть через ограду; на могучем плече мисс Фанни балансировали две длинные-предлинные лестницы, а у мисс Анни в одной руке было большое ведро с чем-то вроде клея, а в другой — громадная малярная кисть.

Ребятам, спрятавшимся за занавеской, были отчетливо слышны их голоса.

— Она опаздывает! — полусердито-полузабоченно сказала миссис Корри.

— А может... — робко начала мисс Фанни, поправляя лестницы на плече, — ...может, кто-нибудь из ребят захворал, и она не смогла...

— Уйти вовремя, — испуганно закончила мисс Анни фразу сестры.

— Молчать! — свирепо скомандовала миссис Корри. Ребята ясно слышали, как она шепчет что-то о «бестолковых дыдах» и «развеселых жирафах», и они сразу догадались, что старушка имеет в виду своих злосчастных дочерей.

— Цыц! — вдруг сказала миссис Корри, хотя все, кроме нее, молчали. Наклонив голову набок, как птичка, она к чему-то прислушивалась.

Тихо отворилась и опять захлопнулась входная дверь Дома Номер Семнадцать; в саду послышались чьи-то шаги.

Миссис Корри радостно замахала рукой. По дорожке шла Мэри Поппинс с корзинкой для покупок, в которой что-то светилось слабым, таинственным светом.

— Скорей, скорей, скорей! У нас мало времени! — сказала миссис Корри, взяв Мэри Поппинс под руку. — Веселее, вы, дылды!

И она двинулась вперед, сопровождаемая мисс Фанни и мисс Анни, которые, несомненно, старались выглядеть веселее, но не очень в этом преуспевали. Они уныло плелись вслед за своей матерью и Мэри Поппинс, сгибаясь под тяжестью грузов. Все четверо шли в конце переулка к Вишневному холму.

Дойдя до вершины холма, где уже не было домов, а только трава и кусты, вся группа остановилась.

Мисс Анни поставила свое ведро с клеем, а мисс Фанни сбросила с плеча лестницы и с помощью сестры установила их вертикально. Одну из лестниц придерживала она сама, другую — мисс Анни.

— Что они там собираются делать? — вырвалось у Майка. Он был вне себя от удивления.

Но Джейн не пришлось ему отвечать, потому что он тут же получил наглядный ответ на свой вопрос.

Как только мисс Фанни и мисс Анни установили лестницы так, что они, казалось, стояли одним концом на земле, а другим упирались в небеса, миссис Корри, подхватив одной рукой юбку и кисть, а другой — ведро с клеем, принялась карабкаться по лестнице. Мэри Поппинс со своей корзинкой полезла на другую.

И тут Джейн с Майком увидели совершенно поразительное зрелище. Забравшись на самый верх, миссис Корри обмакнула кисть в ведро и принялась мазать липким веществом небесный свод!

Но еще более удивительную вещь сделала Мэри Поппинс.

Она достала из своей корзинки что-то блестящее и прилепила на намазанное место.

А когда Мэри Поппинс убрала на минуту руку, ребята увидели, что она наклеивает на небо пряничные звезды!

И каждая звезда, попав на место, начинала из всех сил мерцать и светить, рассыпая во все концы золотистые лучи искристого света!

— Это наши! — задохнулся от волнения Майк. —

Наши звезды! Она думала, мы спим, и пришла и унесла их!

Джейн молчала. Она была слишком захвачена зрелищем.

Миссис Корри неумоимо мазала небеса клеем; Мэри Поппинс приклеивала звезды, а мисс Фанни и мисс Анни передвигали лестницы по мере того, как пустые места на небе заполнялись...

Наконец все было закончено.

Мэри Поппинс, вытряхнув свою корзинку, показала миссис Корри, что там больше не осталось ни одной звезды.

Они сошли вниз, и процессия снова тронулась в путь: мисс Фанни с лестницами на плече, мисс Анни — размахивая опорожненным ведром. На углу они на минуту остановились и о чем-то поговорили; Мэри Поппинс обменялась со всеми рукопожатием и помчалась по переулку; миссис Корри, слегка пританцовывая, двинулась в противоположную сторону. Скоро и ее крошечная фигурка и громадные фигуры ее верзил-дочерей, тяжело ступавших за ней следом, растаяли в темноте.

Садовая калитка хлопнула. На дорожке закрипели шаги. Входная дверь отворилась и слегка хлопнула, закрываясь. Спокойные шаги Мэри Поппинс послышались на лестнице; она на цыпочках прошла по детской и ушла в спальню к Барби и Джону.

Когда ее шаги затихли, Джейн и Майк, переглянувшись, молча отправились к комоду. Они открыли верхний левый ящик и заглянули туда.

Там ничего не было, кроме стопки носовых платков Джейн.

— Что я говорил! — сказал Майк.

Ребята обследовали гардероб. Коробка из-под ботинок также была пуста.

— Что же это? Как же это? — пробормотал Майк, усаживаясь на край кровати и глядя на Джейн.

Но Джейн ничего не сказала. Она просто села рядом с ним, обхватив руками колени, и глубоко-глубоко задумалась. Наконец она тряхнула волосами, потянулась и встала.

— Я хочу знать только одно, — сказала она. — Звезды делают из золоченой бумаги или золоченую бумагу из звезд?

Ответа на ее вопрос не последовало, да она его и не ожидала. Она знала, что правильно ответить на него может только тот, кто гораздо, гораздо умнее и ее и Майка...

Западный ветер

Был первый день весны.

Джейн и Майк сразу это поняли, потому что они услышали, как мистер Бэнкс поет в ванной, а был только один-единственный день в году, когда он там пел.

Это утро они запомнили навсегда. Во-первых, потому, что им впервые разрешили позавтракать со взрослыми, во-вторых, мистер Бэнкс потерял свой черный портфель. Так что день начался двумя чрезвычайнейшими происшествиями.

— Где мой портфель? — кричал мистер Бэнкс, бегая кругами по прихожей, словно собака, которая ловит собственный хвост.

И все остальные начали тоже бегать по кругу — Элен, и миссис Брилл, и ребята. Даже Робертсон Эй сделал два круга, что было исключительным достижением.

Наконец мистер Бэнкс лично обнаружил пропажу в своем кабинете и выбежал в прихожую, размахивая портфелем.

— Мой портфель, — начал он тоном проповедника, — всегда находится в одном и том же месте. Здесь, на вешалке. Кто затащил его в кабинет? — проревел он.

— Ты сам, мой дорогой, вчера вечером, когда ты доставал налоговые квитанции, — сказала миссис Бэнкс.

Мистер Бэнкс посмотрел на нее так обиженно, что она в душе пожалела о своей нетактичности. Лучше было сказать, что это она сама принесла портфель в кабинет!

— Ааа-чххи! Хрррм! — сказал мистер Бэнкс в носовой платок. Он снял пальто с вешалки и направился к двери.

— Ого! — произнес он несколько веселее. — На тьюлпанах-то почки!

Он вышел в садик и втянул в себя воздух.

— Гм, ветер, кажется, западный. — М и с т е р Бэнкс бросил взгляд на дом адмирала Бума, точнее на флюгер-телескоп. — Так я и думал, — сказал он, — западный ветер. Ясно и тепло. Пойду без пальто.

Он нахлобучил котелок, подхватил свой портфель и устремился в Сити.

— Ты слышала, что он сказал? — Майк схватил Джейн за руку. Она кивнула.

— Ветер западный, — ответила она негромко.

Никто из них больше ничего не сказал, но каждому пришла в голову одна и та же мысль. О, как бы им хотелось, чтобы она не приходила!

Правда, они скоро позабыли о ней, потому что все, казалось, шло, как всегда, и весеннее солнце так радостно освещало дом, что никто и не вспомнил о том,

Наконец м-р Бэнкс лично обнаружил пропажу.

что он нуждается в покраске и в новых обоях. Наоборот, все его обитатели думали, что это, конечно, самый лучший дом во всем Вишневом переулке.

Но уже после второго завтрака появились предвестники беды.

Джейн помогала Робертсону Эй в саду. Она только что посадила целую грядку редиски, когда из детской донесся шум, на лестнице послышался топот, и в сад примчался Майк, весь красный и запыхавшийся.

— Джейн, посмотри, посмотри! — крикнул он и протянул руку. На его ладонь лежал компас — компас Мэри Поппинс. Стрелка отчаянно трепыхалась, потому что компас трясся в дрожащей руке Майка.

Майк неожиданно разревелся.

— Она отдала его мне, — всхлипывал он. — Она сказала, что он теперь мой, насовсем. Ой, ой, это очень плохо! Что будет? Ведь она раньше никогда мне ничего не давала!

— Ну, может быть, она просто хотела тебя порадовать, — сказала Джейн, чтобы утешить брата. Но в душе она была так же встревожена, как и Майк. Она отлично знала, что Мэри Поппинс не признает никаких нежностей.

А между тем, как ни странно, за весь этот день Мэри Поппинс не сказала ни одного сердитого слова. Правда, она вообще почти ничего не говорила. Казалось, она о чем-то глубоко задумалась, и когда ребята задавали ей вопросы, она отвечала на них с отсутствующим видом.

Наконец Майк не выдержал.

— Джейн, посмотри, посмотри! — на его ладонь лежал компас Мэри Поппинс.

— Ой, Мэри Поппинс, рассердитесь, пожалуйста, опять! Вы сами на себя не похожи! Я так боюсь!

Ему было действительно не по себе. Он чувствовал: что-то должно случиться в Доме Семнадцать по Вишневному переулку. А что, он не знал, и от этого ему было еще хуже...

— Не буди лиха, пока лихо спит! — отрезала Мэри Поппинс своим обычным сердитым тоном.

И ему немедленно стало полегче.

— Может, это просто так? — сказал он Джейн. — Может быть, все в порядке, и мы все придумали?

— Наверно, — сказала Джейн. Но на душе у нее была тяжесть, она не могла отогнать все ту же мысль...

— Мэри Поппинс! Вернитесь! Вернитесь!

К вечеру ветер усилился. Он порывами свистел в трубах, врывается в щели под окнами, заворачивал уголки ковра в детской.

Мэри Поппинс накормила ребят ужином и убрала со стола — очень тщательно и аккуратно. Потом она подмела пол, вытерла пыль и поставила чайник на плиту.

— Ну, так, — сказала она, осмотрев комнату и убедившись, что все тут в порядке. Она помолчала с минуту. Потом положила одну руку на голову Майка, другую — на плечо Джейн.

— А теперь, — сказала она, — я пойду отнесу туфли вниз. Робертсон Эй их почистит. Ведите себя как следует до моего возвращения.

Она вышла и тихо прикрыла за собой дверь.

И едва она вышла, ребята вдруг почувствовали, что им надо бежать за ней. Но что-то удержало их. Они продолжали сидеть без движения, поставив локти на стол, и ждали ее возвращения. Им так хотелось утешить друг друга!

— Какие мы глупые, — проговорила Джейн. — Ничего же не случилось!

Но она сама не верила в то, что говорила.

Часы на каминной полке громко тикали. Огонь в камине вспыхнул, затрещал и тихо угас. Ребята все еще сидели и ждали.

Наконец Майк встревоженно сказал: — Она что-то очень долго не возвращается, а?

За стеной, словно в ответ, свистнул и заплакал ветер. Часы продолжали торжественно, громко тикать.

Вдруг хлопнула входная дверь.

— Майк! — вскочила Джейн.

— Джейн! — откликнулся Майк, побледнев.

Ребята кинулись к окну и выглянули наружу.

Внизу, на крыльце, стояла Мэри Поппинс, в пальто и шляпе, с кованной сумкой в одной руке и зонтиком в другой. Вокруг свирепствовал ветер. Он рвал ее юбку, сбил ее шляпку набекрень. Но она, казалось, не обращала на это внимания. Она улыбалась, словно они с ветром прекрасно понимали друг друга.

Постояв минуту на ступеньках, она оглянулась на дверь, а потом быстрым движением раскрыла зонтик — хотя дождя не было — и подняла его над головой.

Ветер подхватил ее и понес!

Понес сперва над самой землей, так что носки ее туфель касались травы в саду, затем перенес через ограду, и вот она уже взлетела к самым верхушкам вишен в переулке...

— Джейн! Она улетает, улетает! — всхлипывал Майк.

— Скорей! — крикнула Джейн. — Возьмем Малышей. Пусть поглядят на нее на прощание.

Ни у нее, ни у Майка уже не осталось сомнений: Мэри Поппинс ушла навсегда, потому что ветер переменился...

Они схватили Близнецов и снова подбежали к окну. Мэри Поппинс была уже высоко-высоко. Она парила где-то над крышами домов, крепко держась за зонтик одной рукой, а в другой держа кованную сумку. Близнецы тихонько заплакали.

Джейн и Майк сделали последнюю попытку остано-

И ветер подхватил её и понёс!

вить полет Мэри Поппинс. С трудом — ведь руки у них были заняты — они распахнули окно.

— Мэри Поппинс! — кричали они изо всех сил. — Вернитесь! Верни-и-тес!

Но она или не слышала их, или не хотела слышать. Она взлетала все выше и выше, под самые облака.

— Ну что ж, как она сказала, так и сделала: осталась, пока ветер не переменился, — сказала Джейн, с тяжелым вздохом отвернувшись от окна. Она отнесла Джона в кроватку и уложила. Майк ничего не сказал, но, укладывая в кроватку Барби, он беззвучно всхлипывал.

— Как ты думаешь, — сказала Джейн, — мы еще когда-нибудь ее увидим?

Тут снизу послышались взволнованные голоса.

— Дети, дети! — кричала миссис Бэнкс, открывая дверь. — Дети, я очень расстроена! Мэри Поппинс ушла от вас.

— Да, — сказали Джейн и Майк.

— Ах, значит, вы знали? — удивилась миссис Бэнкс. — Она вам сказала, что уходит?

Ребята отрицательно покачали головами.

— Это просто неслыханно, — продолжала миссис Бэнкс. — Только что была тут и вдруг исчезла! Даже не извинилась! Просто заявила: «Я уезжаю» — и упорхнула! Такая бессердечность, такое легкомыслие, такая невежливость... Что такое, Майк? — сердито прервала она свою речь, потому что Майк, вцепившись в ее юбку, отчаянно теребил ее. — Что с тобой?

— Она сказала, что вернется? — завопил он, чуть не свалив мать с ног. — Скажи: сказала или нет?

— Ты ведешь себя, как дикарь! — ответила мама, высвобождаясь. — Я не помню, что она говорила, кроме того, что уходит. Но я, конечно, не приму ее обратно, если она и вернется.

— Ты очень злая женщина! — выпалил Майк.

— Дети! Мне стыдно за вас! Очень стыдно! Как вы можете жалеть о том, кто так плохо поступил с вашей мамой! Я просто потрясена!

Джейн разразилась слезами.

— Я хочу Мэри Поппинс и больше никого-никого на свете! — объявил, рыдая, Майк и кинулся на пол.

— Ребята! Ребята! Что с вами? Ведите себя прилично, прошу вас! Сегодня за вами кому-то смотреть. Я ухожу в гости, а у Элен выходной день. Придется попросить миссис Брилл вас уложить!

И она рассеянно поцеловала ребят и вышла.

— Ну и ну! Убежать и бросить бедных крошек на произвол судьбы! — говорила спустя минуту миссис Брилл, влетая в детскую и принимаясь раздевать ребят.

— Каменное сердце у этой девчонки, вот что я вам скажу, или я не Клара Брилл! И всегда задирала нос и не оставила даже платочка или брошки на память! Встаньте, прошу вас, мистер Майк! — продолжала миссис Брилл, пытаясь. — Прямо не понимаю, как мы ее только терпели — все ее капризы, и выходки, и все такое! Ой, сколько у вас пуговиц, мисс Джейн! Да стойте же спокойно, дайте мне вас раздеть, мистер Майк! Добро бы хороша собой была, а то смотреть не на что! Может, оно и к лучшему, что мы от нее избавились! Ну, мисс Джейн, где ваша ночная рубашка? Эй, что это у вас под подушкой?

Миссис Брилл извлекла аккуратный сверточек.

— Дайте мне скорей! Что это? Дайте скорей! — сказала Джейн, дрожа от волнения, и выхватила пакетик из рук миссис Брилл.

Майк немедленно оказался рядом и с нетерпением наблюдал, как сестра развязывает бечевку и разрывает коричневую оберточную бумагу.

Вот последняя обертка упала на пол, и в руках у Джейн оказалась картинка.

— Это ее портрет! — сказала она шепотом.

Действительно, в маленькой витой рамке было изображение Мэри Поппинс.

Майк взял картинку в руки, чтобы получше рассмотреть. И Джейн вдруг обнаружила, что к портрету была приложена записка. Она осторожно развернула ее и прочитала вслух:

«Дорогая Джейн, у Майка есть компас, так что портрет твой.

Au revoir!
Мэри Поппинс».

Последние перед подписью слова Джейн не смогла прочесть.

— Миссис Брилл! — крикнула она. — Что значит «Au revoir»?

— Оривуяр? — переспросила миссис Брилл из соседней комнаты. — Сейчас, сейчас. Это не по-нашему. По-французски, что ли? Погоди-ка. По-моему, это будет «Бог с тобой». Нет, нет, ошибка вышла. По-моему, мисс Джейн, это будет «До скорой встречи».

Майк вздохнул долгим вздохом облегчения.

— Все в п-порядке, — сказал он, слегка заикаясь. — Она никогда не врет.

Он отвернулся.

— Майк, ты плачешь? — спросила Джейн.

Майк дернул головой и попытался улыбнуться.

— Нет, — сказал он. — Глаза плачут, а я нет.

Она нежно подтолкнула братишку к постели и, когда он лег, сунула ему в руку портрет Мэри Поппинс, очень быстро, чтобы не передумать.

— Пусть сегодня он будет у тебя, — шепнула она и заботливо, как Мэри Поппинс, подоткнула его одеяло...

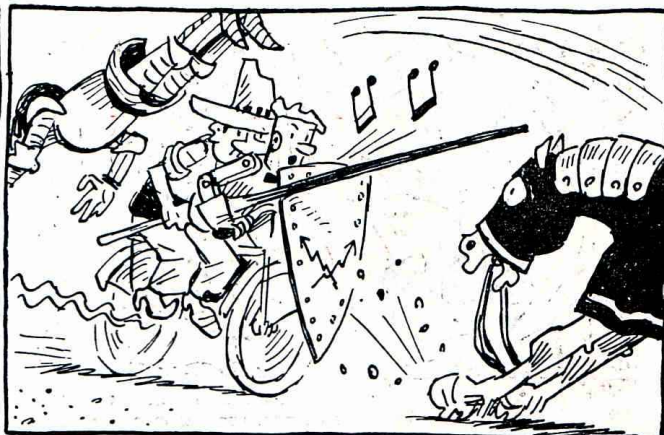
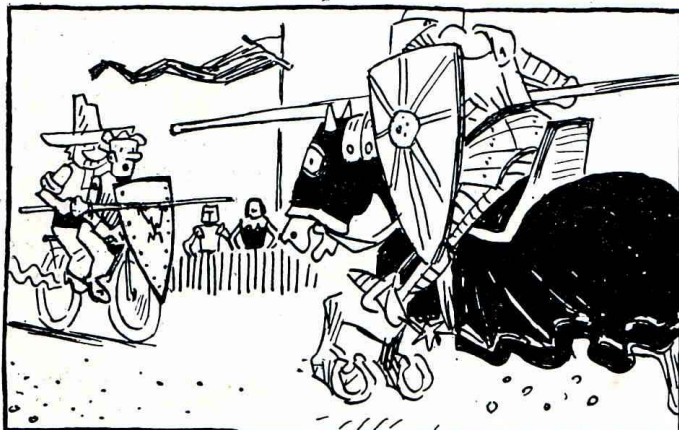
ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

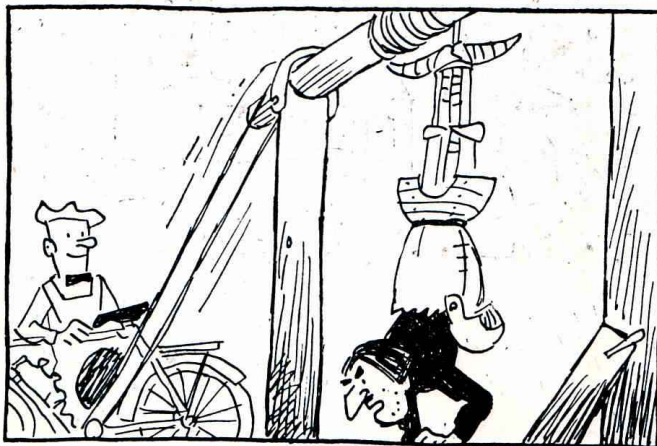
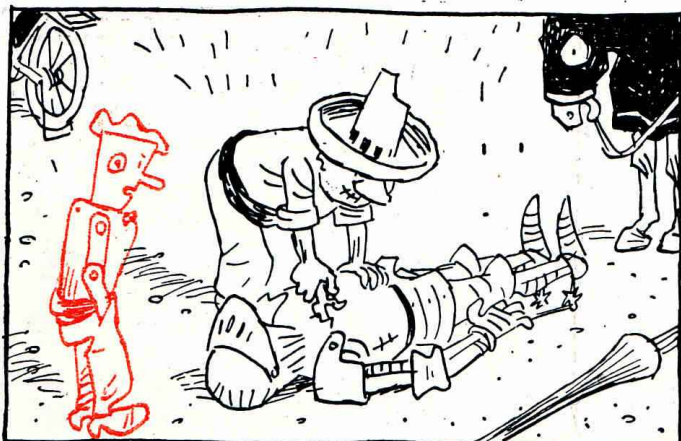
СМЕХОТРОН и ПОЛИГЛОТ ПОПАДАЮТ В ПЕРЕПЛЕТ...

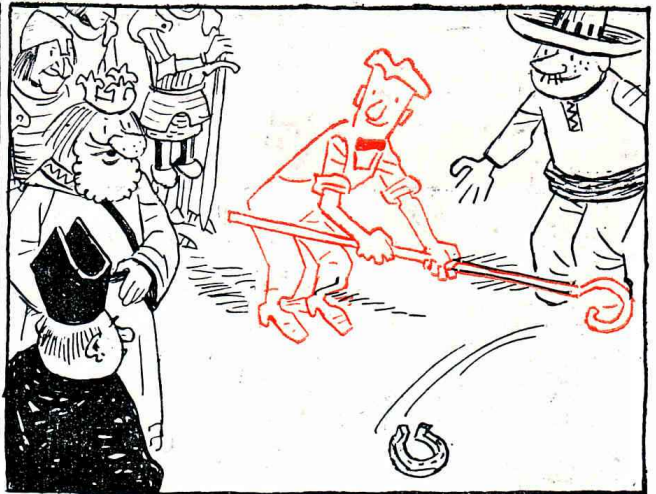
«Отважные рыцари, вы приехали к нам, чтобы участвовать в турнире?» — спросил человек в латах. И не успели наши друзья сказать, как глашатай объявил: «Заморские владетельные синьоры Полиглот и Смехотрон вызывают на бой непобедимого рыцаря барона де Бошира!»

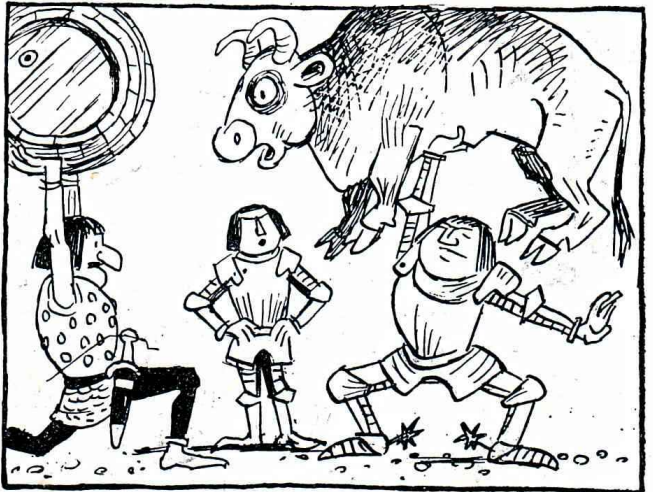
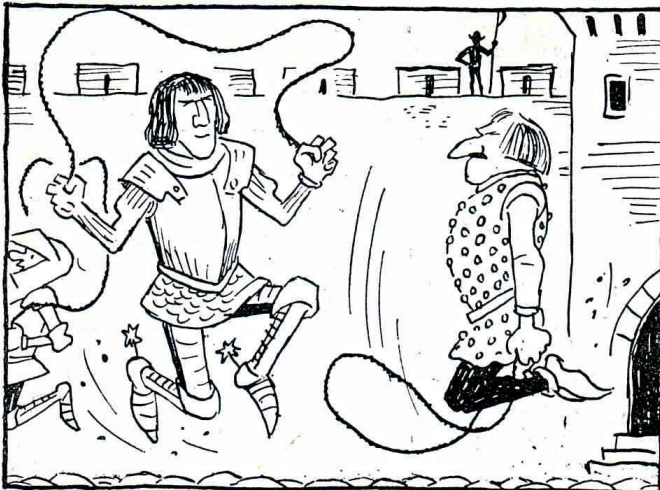
И вот закованный в латы свирепый всадник помчался на них. «Ой!» — прошептал Смехотрон и нажал нечаянно кнопку сигнала. Боевая лошадь присела от неожиданности. А барон де Бошир вылетел из седла и грохнулся на землю, как металлический бидон. Конечно, в те времена лошади не привыкли к автомобильным сигналам.

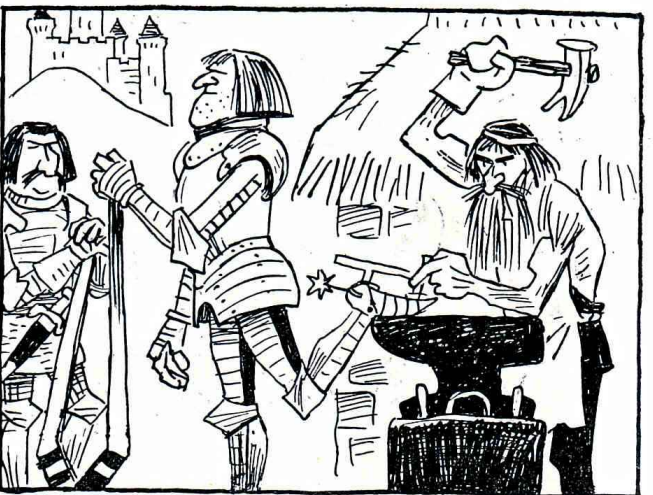
Победителям стало жаль поверженного барона. Полиглот, чтобы «расстегнуть» воротник рыцаря, достал консервный нож. А потом им пришлось вынимать пострадавшего из одежды. Все были восхищены великодушием победителей.

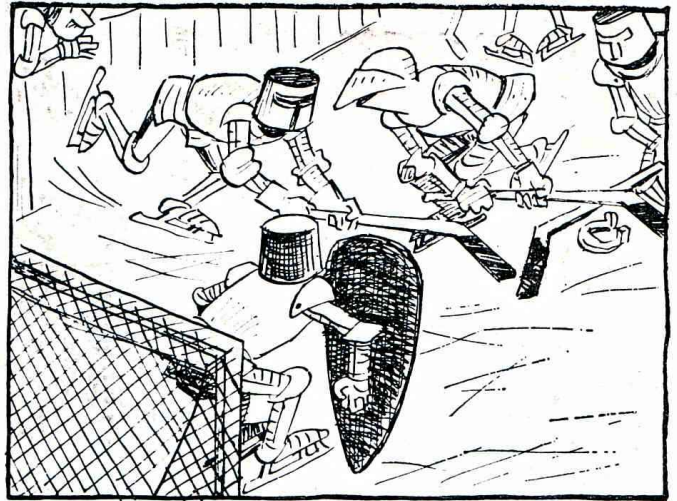
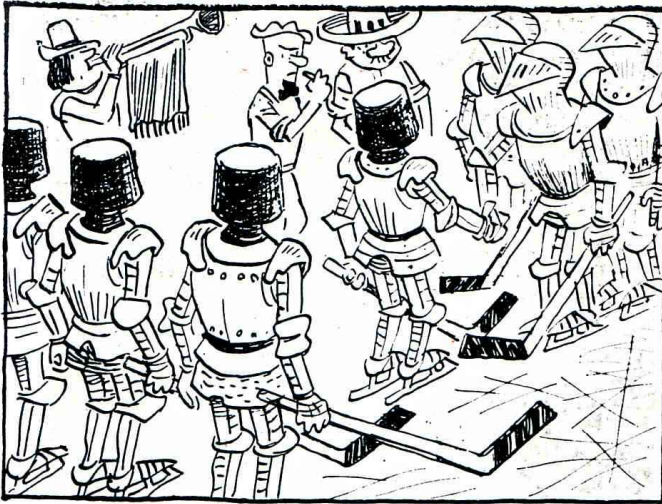
«Посвящаю вас в рыцари!» — воскликнул король. «Не за что, — скромно потупились наши путешественники. — Нам даже неловко за такую допотопную игру, как ваш турнир, — и вдруг в рыцари! Хотите, мы научим вас играть в хоккей? Вот это игра так игра! Вот где азарт и сила! К тому же никакой драки не будет».

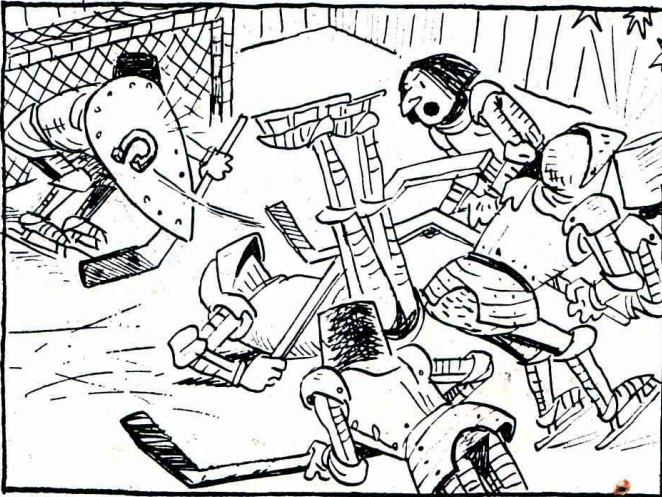
Король захотел немедленно увидеть настоящий хоккей. Но Полиглот сказал, что сначала надо организовать команды и устроить тренировки будущих хоккеистов. Тогда король назначил в одну команду графов, а в другую баронов. Смехотрону дал титул Верховного Хоккейного судьи, а Полиглоту пожаловал звание Тренера.

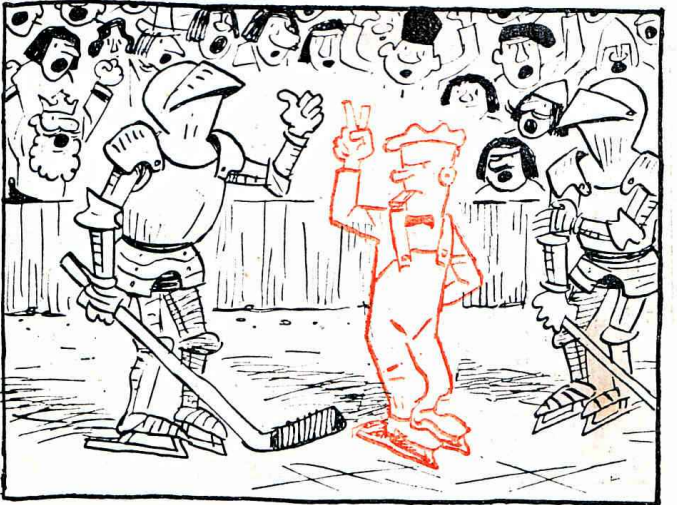
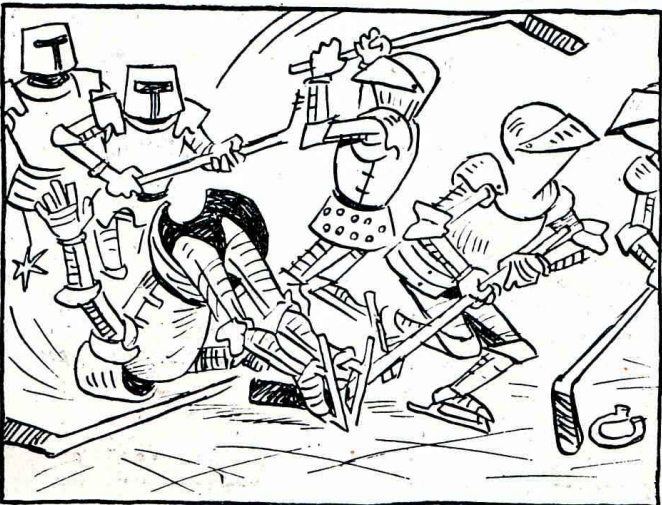
После занятий гимнастикой, после того, как будущие хоккеисты провели кросс в окрестностях замка, Смехотрон позвал кузнецов и попросил его приковать к доспехам рыцарей какие-то необыкновенные штучки. А потом королевский плотник смастерил клюшки по чертежам Смехотрона. Хорошие дубовые клюшки.

Пропели трубы. Команды выстроились на льду. Капитаны пожали друг другу руки. Вратари встали в воротах. Игра началась. Барон де Бошир погнал по льду новенькую подкову (резины в то время еще не было). Барон де Бошир сделал первый бросок по воротам. Публика заволновалась.

Ударили клюшки, загремели доспехи хоккеистов, зашумели зрители. А король вдруг вскочил на троне и закричал непонятное слово: «Шайбу! Шайбу!» Маркиз де Генерат, известный подхалим, тут же подхватил: «Шайбу! Шайбу!» И все крикнули: «Шайбу! Шайбу!» Хотя никакой шайбы не было. Подкова все-таки не шайба.

И графы забили баронам две шайбы. Тогда коварный барон де Бошир подставил ножку графу де Зертиру. А судья Смехотрон свистнул и поднял вверх два пальца. Барон удаляется на две минуты! «За что? — крикнул барон. — Он сам себе подставил ножку!...»

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

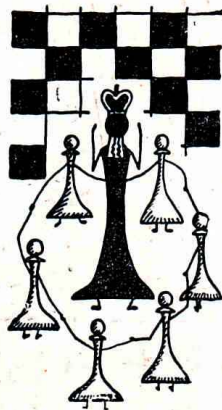

Детство... Далеко не всегда оно бывает светлым, безоблачным. Особенно во время войны. Детство чемпиона мира гроссмейстера Тиграна Петросяна не было легким. Однако именно эти давние годы определили его судьбу. «Дорога через улицу» — рассказ о детстве, о трудном дебюте чемпиона мира.

Кроме шахмат, Тигран Вартанович очень любит бильярд.

ДОРОГА ЧЕРЕЗ УЛИЦУ

Николай
ТАРАСОВ

Достаточно трех минут, чтобы выйти из дома, перебежать дорогу и кинуться в прохладную тень театрального подъезда. Там за каждой колонной стояло его будущее. Но он не знал об этом. Никто не знает своего будущего. О чужом еще можно догадываться, а свое всегда за семью печатями.

«В некотором царстве, в некотором государстве...»

Маленький Тигран слушает гортанный голос «бабò», своей старой тетки. Мальчику давно уже пора спать, а он все вглядывается в темноту, подступившую к кровати, и фантазирует. Страной его детства был проспект Руставели, а еще точнее, левая сторона проспекта, если идти от площади Ленина к памятнику Шотá. На этой стороне и дом, где в комнатке дворника жила его семья, и Дворец пионеров, где он

играл в шахматы, и шахматный клуб, где до прихода взрослых ему иногда тоже разрешали передвигать тяжелые, налитые свинцом фигуры.

Все, что случилось потом, случилось на этой главной улице города. На ее левой стороне, в шахматном клубе, сын старого дворника Вартана Петросяна стал чемпионом Тбилиси и кандидатом в мастера; на сцене театра имени Руставели, по другую сторону проспекта, гроссмейстер Тигран Петросян, будущий чемпион мира, впервые стал чемпионом СССР. Дорога через улицу... А сколько времени занял этот переход!

Вернемся к началу

Играя в нарды, в турецкие шашки и другие настольные игры Востока, маленький Тигран поражал взрослых своей смелостью и находчивостью. А для отца не было большего удовольствия, чем наблюдать за победами сына.

Рассказывают, что гениальный Капабланка научился играть в шахматы, глядя, как играют другие. Тиграну это не удалось. Он часами смотрел на шахматную доску в фойе Дома офицеров, но законы этой игры оставались для него загадкой. Потом наступил день, когда один из его сверстников открыл ему шахматы, показал, как ходят фигуры, объяснил смысл и цель их движений. Были забыты нарды, брошены турецкие шашки. Даже футбол, которому он, как все тбилисские мальчишки, отдавал свою любовь, казался теперь чем-то не очень важным.

В очереди за шахматами

Еще жива мать, и брат еще с ними. Все в доме идет привычным путем. Тигран доволен, втихомолку улыбается своей хитрости: ночью он снова перевел стрелки ходиков на час вперед, чтобы раньше убежать из дому и поспеть в школу задолго до остальных.

В школе пусто. Впереди много времени, и никто не окликнет его по имени, не помешает ему погрузиться в игру, где мир как бы создан заново человеческой мыслью и где он, Тигран, такой же взрослый, как любой самый прославленный гроссмейстер.

Сегодня противник Тиграна — экс-чемпион мира по шахматам Хозе Рауль Капабланка. Невидимый, он здесь, в классе, за школьной партой. На дебют ферзевой пешки Тигран отвечает ему армянской защитой с вариантом своего имени. Прославленный кубинец обескуражен. Еще бы, этого варианта нет даже в знаменитом учебнике Майзелеса, переведенном на армянский язык!

Тихо. Слышно, как тикают часы в вестибюле школы. Капабланка медлит, колеблется, и только время спасает его. В класс врываются сверстники Тиграна.

После школы Тигран идет домой один. Он снова во власти своего таинственного мира. Надо условиться о продолжении матча с Капабланкой. Кубинец не очень сговорчив, но, узнав, что завтра воскресенье и что у Тиграна это трудный день, соглашается на встречу в понедельник.

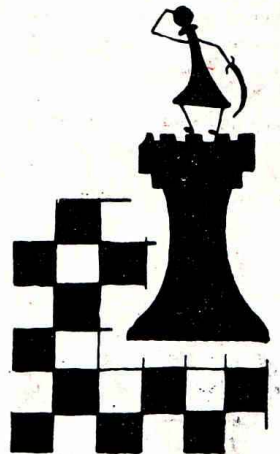
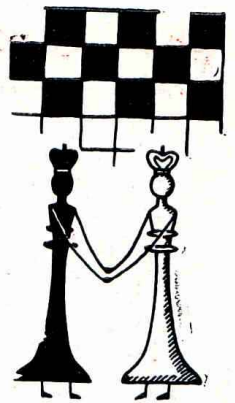
Почему же воскресенье для Тиграна и его брата Амаяка трудный день?

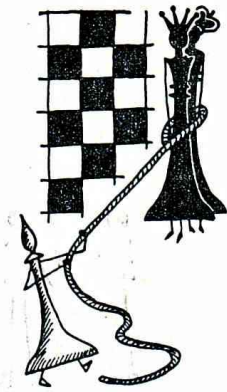
Завтра они в последний раз встанут в четыре утра, поеживаясь от холода, осторожно откроют дверь и побегут к угловому продуктовому магазину. Здесь уже будет много людей. Но ребятам и не надо быть первыми. Все, кто жметесь в эти предрассветные часы у закрытых дверей магазина, думают, что это очередь за маслом, а для Тиграна и Амаяка это очередь за... шахматами. В семь утра они уступят свое место в очереди за два рубля незнакомым чужим женщинам, и в их тайной ребячьей копилке сложится наконец нужная сумма, чтобы осуществить давнюю мечту: они пойдут в магазин спортивных товаров и купят шахматы — большие, настоящие шахматы с деревянной доской и тяжелыми точеными фигурами.

А пока суббота. Пятый месяц первого года войны. Тиграну двенадцать лет. Его любят во Дворце пионеров. Он любит шахматы. И шахматы отвечают ему взаимностью.

Дворец пионеров

Во Дворце пионеров шахматный кружок был как бы государством в государстве. Здесь были свои подданные и свои законы. Был и свой президент...

Этому эвакуированному из Харькова кудрявому мальчику нет и пятнадцати лет. Зовут его Витя Бравинский. Он весел и легкомыслен.

Гулко стуча по доске фигурами и тотчас нажимая кнопку часов, Бравинский играет «блиц» (пять минут — партия), и ему проигрывает будущий шахматный король. Тиграну кажется, что он никогда не научится играть лучше Вити.

Углубившись в книги и записи, как бы отделенный от всех невидимой стеной, тут же среди ребят готовится к большому турниру мастер Арчил Эбралидзе, их учитель в шахматах. Его орлиный профиль четко вырисовывается на фоне большой демонстрационной доски.

У Эбралидзе свой метод занятий с детьми. Побольше самостоятельности. Что-нибудь неясно? Спросите, а еще лучше подумайте сами. Иногда он, правда, отодвигает в сторону шахматную доску и увлеченно рассказывает о больших мастерах прошлого — гроссмейстерах и мастро, о борьбе идей в шахматах, в этом странном искусственном мире, возникшем по воле человека и вобравшем в себя что-то от спорта, что-то от искусства, что-то от науки, а что-то и просто от жизни, с ее сложными закономерностями.

Арчилу Эбралидзе нравятся многие его ученики. Но он не обольщается успехами Бравинского. Мальчик все делает слишком легко. Тигран интереснее. В нем что-то есть. Он вдумчив и нетороплив. Плохо говорит по-русски, но застенчиво точен в окончании слов и строит фразу иногда чересчур верно, как по учебнику. Играет быстро, но не опрометчиво. Ошибки не выскакивают со стороны, а связаны с погрешностями замысла. И все-таки способнее других Арчилу Эбралидзе кажется Шурик Буслаев. Ему он уделяет главное внимание.

Через пятнадцать лет, встретившись с Тиграном в Тбилиси, старый учитель будет говорить какие-то смущенные слова:

— Ты меня извини. Я не сразу почувствовал твое будущее. Другие были заметнее. Смелее, увереннее...

Идет второй год войны. Эбралидзе еще не стар. Он еще играет в турнирах, еще руководит кружком Дворца пионеров. И на его глазах Витя Бравинский обыгрывает Петросяна. В этом же пионерском турнире — правда, менее успешно — играют с Тиграном Мэлор Стураа, ныне известный журналист, Виген Арутюнян, теперь директор завода в Ереване, Миша Пайчадзе и многие другие тбилисские школьники. То время они будут вспоминать как дни своего детства и будут видеть в нем больше хорошего, чем плохого. Но жизнь никогда не улыбается всем. А Тиграну она улыбалась в те годы реже и скупее, чем другим его сверстникам.

Три удара

Идет второй год войны. Гитлеровцы рвутся к Кавказу. Огненное дыхание боя становится все ощутимее и в Тбилиси.

Брата взяли в армию. Его второе письмо было уже с фронта, а третья так и не пришло. Полгода спустя на Авлабарском рынке кто-то сказал матери, что видел, как погиб в бою ее сын. Это была ошибка. Амаяк остался жив, но мать об этом так и не узнала: горе убило ее.

Говорят, беда одна не ходит. Осенью Тигран тяжело заболел. Школу пришлось оставить.

Трудно сказать, как сложилась бы в те дни судьба мальчика, не приди тогда на помощь овдовевшему Вартану его сестра.

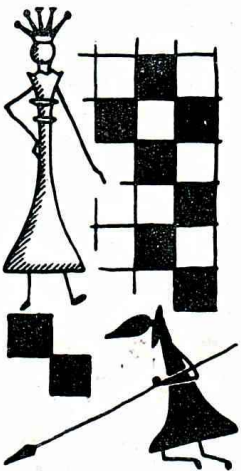
«Бабо» называл свою тетку Тигран. Но она была для него больше, чем бабушка. Она заменила ему мать. Чтобы вырвать мальчика из тисков болезни и поставить скорее на ноги, «бабо» отдавала ему весь свой хлебный паек. А сама из последних сил поднималась на склон горы Мтацминда, собирала там одной ей известные травы и варила из них похлебку, поддерживая свою жизнь, которая была нужна ей для других. Мальчик выздоровел, вернулся в школу. Стал снова играть в шахматы.

На завтрак — Нимцович

По утрам отец давал Тиграну деньги на школьный завтрак и выходил на работу.

Тигран брал их, но завтракал не каждый день. Когда они с Амаяком купили шахматы, то дали друг другу слово никогда больше не прибегать к такому способу добывать деньги. А деньги снова были нужны: на книги, на сборники шахматных партий. Отказываясь от булочки с горячим чаем, Тигран шутил: «Сегодня у меня на завтрак Нимцович...»

Книга гроссмейстера Нимцовича «Моя система на практике» стал

фундаментом шахматной подготовки будущего чемпиона мира. Повторяя слова из этой книги как свои собственные, Тигран с жаром объяснял домашним:

— Проходная пешка не просто пешка! Для меня она как бы живое, разумное существо, со своими невысказанными желаниями, надеждами и сомнениями...

Старый Вартан качал головой:

— Совсем сдурел парень. Ой, не доведут тебя шахматы до добра! «Бабо» успокаивала:

— Мальчик хорошо учится. Пусть играет, раз ему это нравится!

И Тигран играл. Азартно, неутомимо, настойчиво.

Тебе еще пятнадцать лет, мальчик! Куда торопишься?

Он не мог бы ответить на этот вопрос. Просто хотелось играть. Как можно больше. И с самыми сильными.

Король под шахом

Болезнь свалила отца. Ему было за шестьдесят. Он еще боролся за жизнь, но силы оставляли его.

Тигран с тем же прилежанием продолжал учиться в школе. Видали его и в шахматном кружке Дворца пионеров. Бывал он и в шахматном клубе. Однако теперь ему нужно было еще работать за отца. Вместе с «бабо» он подметал улицы и выполнял другие нелегкие обязанности дворника в Доме офицеров, в доме, где каждый день бывали сотни людей. Люди много курили и не всегда бросали окурки в пепельницы. Человеческая неаккуратность до сих пор выводит Тиграна из себя.

Случилось так, что в дни, когда отец слег, пятнадцатилетнего Тиграна после долгих споров и сомнений допустили к участию в турнире первоурядников.

Ученик восьмого класса армянской средней школы впервые увидел свое имя в таблице большого городского турнира и не без волнения приступил к игре. Турнир отличался очень сильным составом участников. Можно сказать, что это был первый большой экзамен для Тиграна. Экзамен на шахматную зрелость.

Петросян завоевал первые очки и вошел в группу лидеров. Известный мастер Микенас, наблюдавший за его игрой, сказал ему после очередной победы:

— Все зависит от тебя. Будешь как следует заниматься шахматами — через два года станешь мастером...

Тигран играл легко, уверенно, сильно. Стало казаться, что и дома все вот-вот будет в порядке. Но турнир еще подходил к середине, когда Петросяну во время одной партии сообщили о смерти отца.

На доске было сложное положение. У Тиграна стоял под шахом король. Он сделал грубую ошибку: взялся за другую фигуру.

Партию мальчик проиграл. Две другие пропустил. Свалилось на плечи большое горе. Согнет ли оно Тиграна? С тех пор, как он впервые двинул пешку на две клетки вперед, шахматы стали частью его жизни. Другой частью были школа, семья. Сейчас от семьи остались только «бабо» и он...

Придя в клуб через несколько дней, он молча занял свое место за столиком. Записал ход. Сделал его. Включил часы...

«Никаких случайностей»

...Тбилисский шахматный клуб стал для Петросяна тем храмом, где он приобщился к высокому шахматному искусству. Храмом в переносном значении этого слова. Однако и в буквальном значении клуб был храмом: здание старой, полуразрушенной церкви отремонтировали и приспособили для служения богине шахмат.

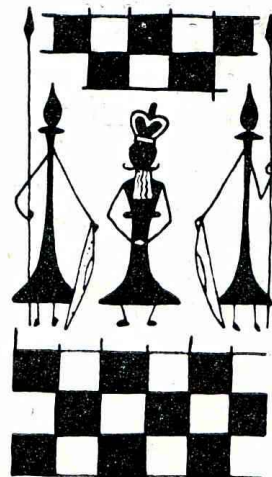
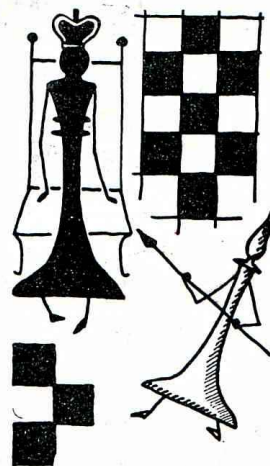
В этом храме мастер Арчил Эбралидзе, шахматист старого, позиционного стиля, первый наставник Петросяна, научил его понимать красоту логики, познакомил с идеями Нимцовича, с виртуозной техникой Капабланки.

Здесь же маленький Петросян встретил поклонников Александра Алехина. В омут головоломных комбинаций дал заглянуть Тиграну живший тогда в Тбилиси молодой Давид Бронштейн.

«Идею надо доставать оттуда, где она есть», — говорил Эбралидзе. Бронштейн не соглашался с ним: «В позиции не было этой идеи, а я ее выдумал и заставил работать на себя».

Бронштейн не соглашался с Эбралидзе и выигрывал партию.

А как относился к их спору Петросян?

Тиграна восхищала игра Бронштейна: взрыв фантазии, блеск комбинаций. Но верить он продолжал Эбралидзе, Нимцовичу, Капабланке.

Среди громких, известных всему миру имен неприметно звучит имя уже почти всеми забытого грузинского мастера. Но это — имя учителя. И долг и право ученика бросить на него свет своей всемирной славы.

— Никаких случайностей! — учил будущего чемпиона мира Эбралидзе. — Хороша только та партия, где все было логично, где каждый из соперников находил и делал лучший ход и где победил тот, кто видел и считал дальше.

— Я благодарен Эбралидзе за то, что именно он был моим учителем, — сказал после победы над Ботвинником новый чемпион мира. — Не знаю, может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что если бы моим учителем был, например, мастер Кобленц — тренер Талья, а учителем Михзила Талья оказался Эбралидзе, мы оба, Талья и я, никогда не стали бы в шахматах тем, чем мы стали.

Снег и сон

Война шла к концу. Это чувствовалось во всем. После долгого перерыва в шахматном клубе города разыгрывалось первенство Грузии. Участвовал в турнире и перворазрядник Петросян.

Зима 1944 года в Тбилиси была необычной. Не переставая, шел снег. Ветви платанов на проспекте Руставели сгибались под тяжестью снежных папах. Вдоль тротуаров росли сугробы.

Снег не радовал Тиграна. Забежав домой после школы, чтобы сделать уроки и наскоро поесть, он, прежде чем идти в клуб на очередной тур, брал лопату и вместе с другими дворниками убирал снежные завалы.

Турнир был трудным. К партиям надо было готовиться. Времени не хватало. А неожиданная для юга снежная зима еще более затрудняла дело, Петросян должен был отказывать себе в привычном удовольствии заново разыграть партию и посмотреть варианты, на которые не пошел. По окончании тура он быстро складывал шахматы, проставлял результат в таблицу и спешил домой.

...Полночь. Подняв воротник курточки, из которой он уже давно вырос, худой и усталый подросток бежит по заснеженному проспекту.

Снег падает и падает. Но легкие снежинки, что так красиво кружат в свете уличных фонарей, не вызывают у Тиграна ничего, кроме горечи и досады. Через два-три часа его снова разбудят, он снова возьмет лопату и будет очищать тротуар от мокрой и вязкой белой каши.

Когда кончается детство?

Ты получил аттестат зрелости. Начал работать. Или поступил в институт. А детство не кончилось. Оно протянуло свои нити в твой сегодняшний день и продолжается.

Петросян стал взрослым гораздо раньше большинства своих ровесников. Труд и ответственность, как это уже знают читатели, он принял на свои неокрепшие плечи в пятнадцать лет. Но судьба сделала ему драгоценный подарок. Шахматы... Они возлекли его в живой и нестареющий мир борьбы, побед, поражений. И детство навсегда осталось с Тиграном.

В заключение хронологическая справка:

1945 год — кандидат в мастера, 1947-й — мастер, 1952-й — гроссмейстер, 1959-й — чемпион СССР, 1963-й — чемпион мира.

Дорога через улицу оказалась длинной в восемнадцать лет.

В семье Петросяна все увлекаются шахматами.

Алоэ

Алоэ —
Растенье не простое: днем
На подоконнике моем
Столетник остролистый —
А по ночам — алоэ.
А по ночам,
Да, по ночам —
Заросли алоэ...
Там каждый лист, там
каждый лист,
Как дерево большое,
Причудливо переплелись
И шепчутся алоэ.

О чем они?
О чем они?
Алоэ, алоэ...
Я в зарослях алоэ
Рычанье слышу злое,
И кто-то жалобно кричит:
— Алоэ! Алоэ...
Возьму я свой упругий лук
С отточенной стрелою,
Не бойся, неизвестный друг,
Зарослей алоэ!
К тебе на помощь
Я спешу!
Алоэ! Алоэ!
И если даже рыжий лев
Грозит тебе бедою,
И он отступит, присмирев,
В заросли алоэ.
Да, он отступит,
Присмирив!
Нас отныне двое!

*Стихотворение, в котором поэт
пытается предостеречь своих
читателей от будущих ошибок.*

Повырастали.
И стали людьми...
И тут же забыли,
как были детьми.
Мы любим порядок.
И мы позабыли,
Как мы беспорядок
когда-то любили.
Считали конфеты
полезней котлет.
Считаем котлеты
полезней конфет.
Что с нами случилось?
Какая беда?
Мы взрослыми стали,
увы, навсегда!
И детство свое,
как положено взрослым,
Рисуем
весьма положительным
прошлым.

Замазаны тщательно
темные пятна.
Все так замечательно!
Так все приятно!
Ни выбитых стекол!
Ни рваных тетрадок!
То были не мы,
мы ведь любим порядок...
Все в круглых пятерках,
все в розовом свете,
Примеру родителей
следуйте, дети!
...А дети родителей
вдруг огорчают:
Не так отвечают,
не то получают...
От этой беды
есть одно только средство:
Становитесь взрослыми —
помните детство!

ВЕСЁЛАЯ

ГРАМ-ТАМ-ТАМ!

ТАМ-ТА-РА-РАМ!

Слышишь позывные?

Веселый волшебный барабан Там-Там снова зовет тебя и твоих товарищей. Для тех, кто первый раз играет с нами, повторяем основные правила игры. Команда (одиннадцать человек) придумывает себе название, девиз, эмблему и вызывает на состязание другую команду.

К состязанию команды готовятся заранее. Помогает команде весь отряд. Каждая команда приглашает болельщиков. Болельщики подбадривают свою команду остроумными лозунгами, веселыми рисунками и аплодисментами. Жюри оценивает успех команды по пятибалльной системе.

КОМАНДЫ! К СРАЖЕНИЮ ГОТОВЫ?

Остроумные есть?

Находчивые есть?

Фантазеры есть?

Эрудиты есть?

Мастера на все руки есть?

ИГРА НАЧИНАЕТСЯ!

Желаем успеха твоей команде!

Главное правило игры

*В ответе ценится
не только верность,
но краткость
и остроумие!*

игра ТАМ-ТАМ

Ведущие ударили в барабан. Капитаны команд! Выходи вперед! Это сражение для вас.

ВОПРОС ПЕРВЫЙ. ВЕДУЩИЙ ВРУЧАЕТ КАПИТАНУ РЮКЗАК. НЕ ОТКРЫВАЯ ЕГО, КАПИТАН ДОЛЖЕН ОТГАДАТЬ, ЧТО ЛЕЖИТ В РЮКЗАКЕ? КАК МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЭТИ ВЕЩИ В ПОХОДЕ?

ВОПРОС ВТОРОЙ. ВЕДУЩИЙ ПОКАЗЫВАЕТ КАПИТАНУ КАРТИНУ, НА КОТОРОЙ НАРИСОВАНО ДВЕНАДЦАТЬ РАЗНЫХ ПРЕДМЕТОВ. РАЗ, ДВА, ТРИ. РОВНО ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ СЕКУНД КАРТИНУ УБИРАЮТ. ОТВЕЧАЙТЕ, КАПИТАНЫ, КАКИЕ ПРЕДМЕТЫ И В КАКОМ ПОРЯДКЕ НАРИСОВАНЫ НА КАРТИНЕ?!

**ШИЛО
В РЮКЗАКЕ
НЕ УТАИШЬ!**

ВОПРОС ТРЕТИЙ. А ТЕПЕРЬ, КАПИТАНЫ, КАКОЙ ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ ПРИГОТОВИЛИ ВЫ ДЛЯ КОМАНДЫ-СОПЕРНИЦЫ?!

Уговор! Рюкзаки и картины друг для друга заранее готовят команды-соперницы. В рюкзак можно положить не больше пяти предметов.

СТРАННОЕ ПИСЬМО

ВНИМАНИЕ, КАПИТАНЫ!
 Команды - победительницы присылают свои ответы, рассказы, рисунки, проекты, лозунги болельщиков в **ГЛАВНОЕ ЖЮРИ ИГРЫ ТАМ-ТАМ НЕ ПОЗЖЕ 1 сентября** по адресу: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж, редакция журнала «Пионер».

Пришли ребята из пионерлагеря «Дружба» обедать, а на столе, за которым обычно сидит третий отряд, **БОЛЬШОЙ ГОЛУБОЙ КОНВЕРТ**. Вместо сургучной печати на шнурке от спортивных тапочек болтается здоровая еловая шишка. А письмо — загадка: ни одного слова, только картинки.

Думали-думали ребята из третьего отряда и прочли письмо. Попробуйте и вы догадаться,

**ЧТО СКАЗАНО
 В ПИСЬМЕ,
 КТО ЕГО НАПИСАЛ?**

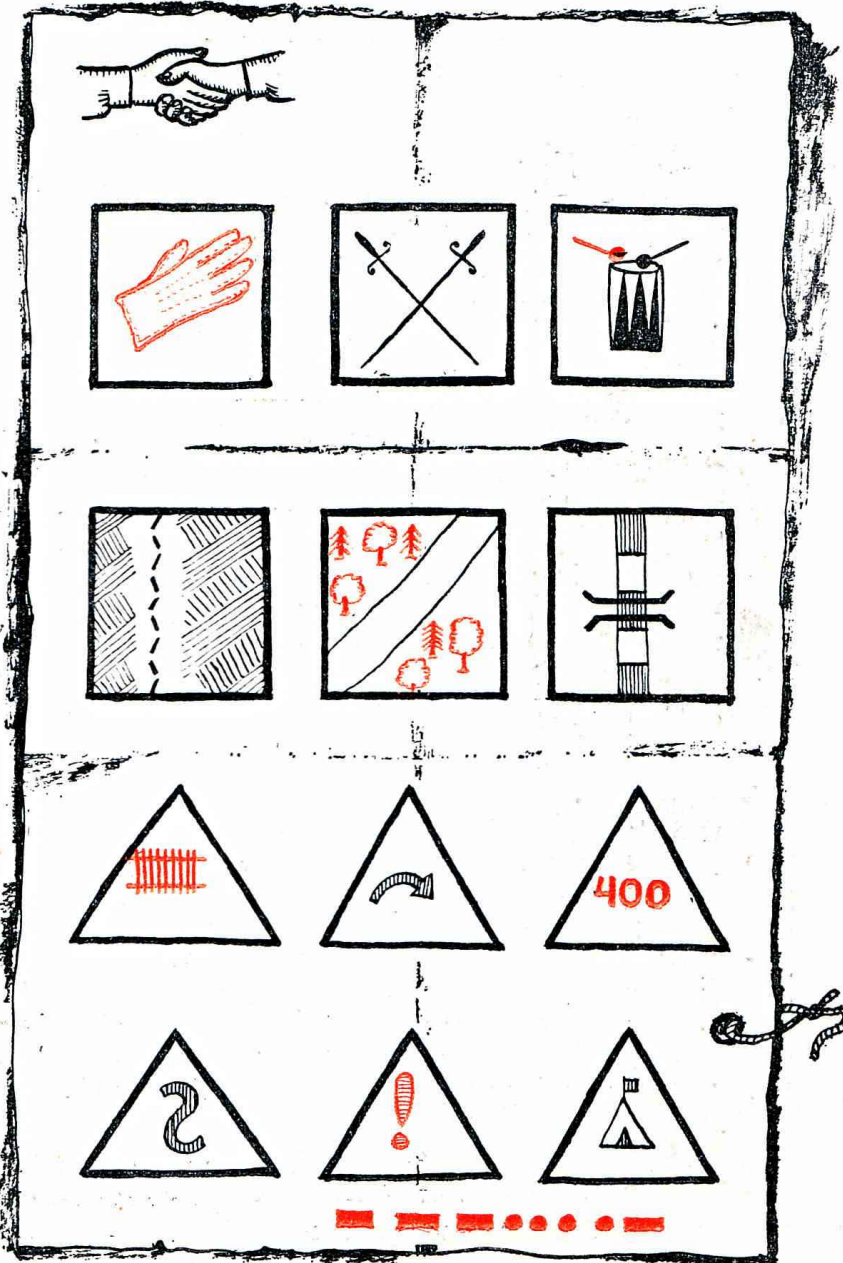
ПОМНИТЕ! В игре **ТАМ-ТАМ** побеждают ребята остроумные, находчивые, мастера на все руки.

А теперь давайте соберемся у лагерного костра и помечтаем.

Ровно через двадцать лет в такой же теплый летний вечер мы все снова встретились. **КАКИМИ МЫ СТАНЕМ? ГДЕ БУДЕМ РАБОТАТЬ? КАК БУДЕМ ВЫГЛЯДЕТЬ? ЧТО СКАЖЕМ ДРУГ ДРУГУ?**

КОМАНДА, ПОМНИ! Шаржи должны быть дружескими, а подписи к ним короткими и остроумными.

ЦВЕТОЧНЫЙ БАЗАР

В день сражения соберите побольше разных полевых цветов и поставьте их в воду, чтобы не завяли. На нашем ЦВЕТОЧНОМ БАЗАРЕ должен быть хороший, разнообразный выбор.

А теперь можно помериться силами.

КТО БЫСТРЕЕ СПЛЕТЕТ ВЕНОК?

Выходи по одному человеку от команды!

КТО ЛУЧШЕ СОСТАВИТ БУКЕТ ЦВЕТОВ?

СОВЕТ КОМАНДЕ! Пусть в этом сражении участвуют ребята с проворными руками, но главное — с хорошим вкусом. Составить красивый букет не просто. Нужно умело подобрать цветы, продумать форму букета, найти его цветовой решение.

КТО ЗНАЕТ БОЛЬШЕ ПЕСЕН о цветах или о деревьях, или о птицах, или о лете — это решают ведущие.

Пока ваши «художники» составляют букеты и плетут венки, ведущие проводят традиционное **СРАЖЕНИЕ БОЛЕЛЬЩИКОВ**.

ТОВАРИЩИ БОЛЕЛЬЩИКИ! Поем не больше двух куплетов песни и передаем эстафету болельщикам команды-соперницы. Желаем успеха вашей команде!

Самый,
самый,
самый...

ВНИМАНИЕ! Команда представляет в жюри: **ПЕРВОЕ** — карту выбранного для строительства лагеря места. **ВТОРОЕ** — архитектурный проект лагеря. **ТРЕТЬЕ** — во время сражения кратко и весело защищает свой проект.

Представь, что твоей команде поручили найти место и построить пионерский лагерь

**САМЫЙ КРАСИВЫЙ,
САМЫЙ СОВРЕМЕННЫЙ,
САМЫЙ ВЕСЕЛЫЙ.**

Как он будет выглядеть?

КОМУ НЕ ВЕЗЕТ В ТАМ-ТАМ, ПОВЕЗЕТ ЗИМОЙ В ХОККЕЙ!
СМЕХ ВМЕСТЕ, ОЧКИ ВРОЗЫ!
НАМ НЕ СТРАШЕН СЕРЫЙ ВОЛК, СТРАШЕН КАПИТАН КОМАНДЫ-СОПЕРНИЦЫ!

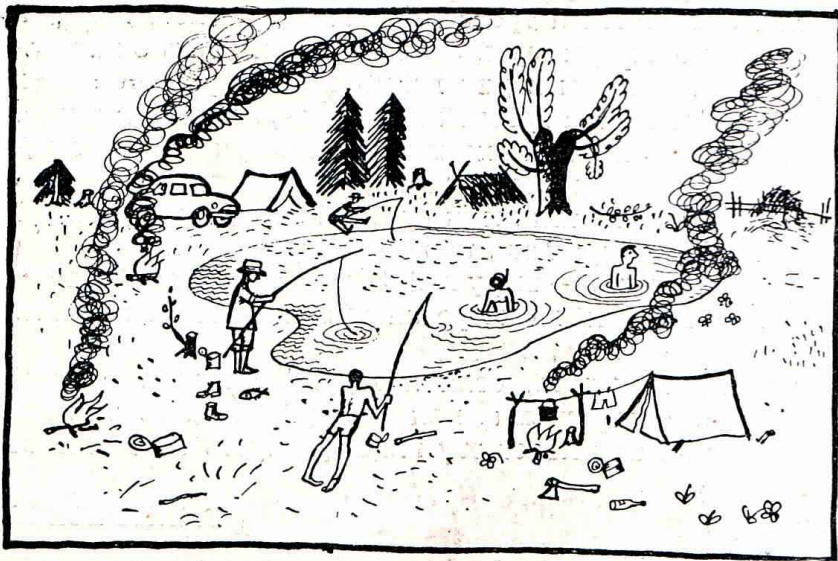
А какие лозунги придумали болельщики вашей команды?

Что случилось?

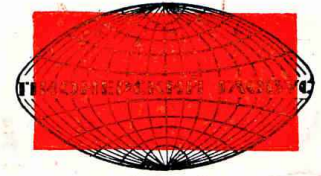
Посмотри внимательно на эти картинки. Первая расскажет тебе начало истории, вторая — конец. А что произошло в середине, что случилось между первым и последним эпизодами?

Это придумаешь ты сам и нарисуешь недостающие картинки.

ПО УСЛОВИЯМ ИГРЫ ТАМ-ТАМ в промежутках между сражениями команды показывают один танец и одну песню. Готовят на костре самое вкусное походное блюдо.

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

Зеленый детский сад

В жаркий полдень на полянке в тени мохнатых сосновых лап открылся театр.

На спектакль явились все обитатели леса. Примчались быстроногие зайцы. Прилетели сестрицы-синицы. А хитрые лисята уже давно тут как тут.

Раздвинули зеленый занавес. Началось веселое представление. Веселое и очень интересное. Еще бы! Ведь на сцене действовали и быстроногие зайцы, и хитрые лисята, и добродушные медвежата. И сестрички-синички — они тоже участвовали в сказке.

Когда спектакль окончился, зрители все вместе отправились пить холодное молоко. А потом купаться. И валяться на горячем песке.

И ничего удивительного. Обитатели старого соснового бора всегда так живут. Дружно и здорово. Сегодня у них веселый театр, а вчера, например, все участвовали в лесной олимпиаде и в беге по звериным тропкам. Выиграл — кто бы вы думали? — медвежонок Викки!

В лесу с раннего утра и до темноты не смолкают песни. У костра устраиваются общие пляски. А то все вместе отправляются в поход за синюю речку, за дальнюю гору — посмотреть, что там, кто там и как живут.

Однако не пора ли открыть один секрет? Дело в том, что жители соснового бора — это малыши из соседних деревень.

При многих летних харцерских лагерях устроены «зеленые детские сады». Пока взрослые работают на полях, малыши под присмотром. Харцеры — большие мастера летних забав для младших ребят. Ты, конечно, догадался, что «быстроногие зайцы» и «хитрые лисята», и «медвежата» — так называются в лесном детсаду группы малышей.

У каждой группы — свои обычаи, свои песни и тайные сигналы, свои праздники и игры.

Маленьким подшефным харцеров все это очень нравится.

Братство Сильных и смелых

О некоторых людях флотские шутники отзываются так: «Этот любит море только с берега». Если ты любишь море не только с берега, если тебе интересно узнать побольше о героическом труде моряка и рыбака, — прочти книжку **Гунара Цирулиса «ВЕТЕР В ЛИЦО»**. Человек, который ее написал, побывал в дальних плаваниях, ходил в экспедиционный лов, близко наблюдал, как тралят сельдь в Ла-Манше и как промышляют треску в ледяных водах северных морей. Он отлично знает быт тружеников моря. В его книге мы встречаем самых разных людей: есть среди них немолодые — участники Великой Отечественной войны, есть и совсем неоперившиеся, неопытные ребята. Одни стоят за штурвалом старого бота, другие ходят (моряки не говорят «плавают») на великолепных рефрижераторных судах, оборудованных по последнему слову техники. На море все они равны. Море выявляет то лучшее, что в человеке есть, и то плохое, что он прячет.

Закон морского братства выражен в трех словах: дружба — взаимопомощь — выручка. Один капитан пытался его нарушить: хитрил, ловко скрывая от товарищей, в каком квадрате моря берет наибольший улов сельди. Эта недостойная моряка тактика обернулась против него самого (рассказ «С бурей на «ты»»).

Другой — капитан утлого греческого суденышка — нарочно суется поперек пути мощного быстроходного советского судна и специально вызывает аварию, рискуя своими людьми, лишь бы получше заработать, сорвать куш. Автор книжки не приукрашивает будни морской жизни. Он не скрывает ни хорошего, ни плохого из того, что может случиться на голубых дорогах.

Жизнь, полная опасностей и тревог, борьбы и успехов, выковывает сильные человеческие характеры. Захватывает повесть о капитане Анатолии Качарава, бывшем в дни войны командиром «Сибирякова». Рассказ о нем («Хозяева грозной Арктики») лучший в книге. Кажется чудом, что одорукий командир, пройдя нечеловеческие испытания в фашистских концлагерях, в берлинской тюрьме Моабит, смог уцелеть. Его спасли люди сильной воли, люди, объединенные ненавистью к фашизму: чехи, норвежцы, русские...

Дружба — взаимопомощь — выручка! Закон морского братства действует всюду. На земле и на море он воспитывает смельчаков и героев.

А если кто привык хитрить, если кто думает только о своей выгоде, неискренен с товарищами или не умеет быть верным в дружбе, — пусть тот не открывает эту книжку. Пусть себе «любит море только с берега».

Р. ЕВГЕНЬЕВА

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Тридцать лет исполнилось детскому журналу «Советский школьник».

Посмотрите внимательно, ведь это совсем не простой журнал, раз в двенадцать толще «Пионера». Необычны и буквы в нем, они напоминают какой-то загадочный шифр.

Это журнал для незрячих, и читают журнал не глазами, а пальцами. Буквы в журнале особенные, составленные из точек. Они выдавлены при помощи специальных приборов на толстой и плотной бумаге. Выпуклые буквы раз в пять-шесть крупнее тех, которые вы привыкли видеть в книгах, и на страницах их умещается немного, вот почему и журнал такой толстый.

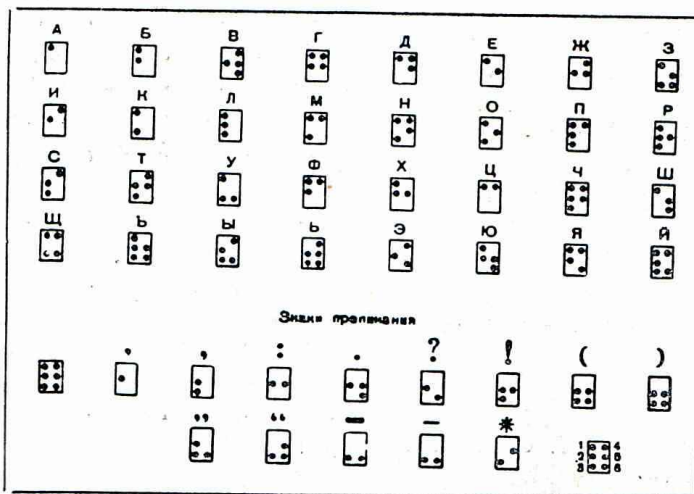
Подписчики «Советского школьника» — ребята из специальных школ, они такие же, как вы, мальчишки и девчонки, которые так же, как и вы, любят играть, читать, узнавать новое.

Ребята любят свой журнал и с нетерпением ждут очередной номер. Здесь и повести, и рассказы, и стихи, и очерки о жизни сверстников за рубежом и о новостях науки и техники. Спортсмены знакомятся здесь с турнирными таблицами и спортивными рекордами. Музыканты разбирают ноты новой пионерской песни. Шахматисты решают задачи и этюды, юные радиолюбители находят начерченную выпуклыми линиями схему транзисторного радиоприемника. В отделе «Нам пишут» сотрудничает более двадцати школьных юнкоровских постов.

«Советскому школьнику» исполняется тридцать лет. Не одно поколение читателей сменилось у журнала за эти годы. Вырастают мальчишки и девчонки, оканчивают школу, идут в самостоятельную трудовую жизнь, в студенческие аудитории. А журнал по-прежнему в школьной форме, с пионерским галстуком на груди.

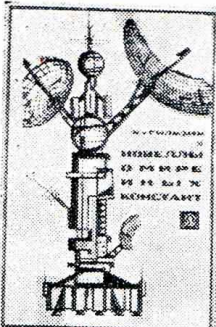
Главный редактор журнала
«Советский школьник»
В. ГЛЕБОВ

Таковыми буквами набирают журнал «Советский школьник».

Н О В Ы Е К Н И Г И О Н А У К Е Н О В Ы Е К Н И Г И

К. Гильзин
**«НОВЕЛЛЫ
О МИРЕ
ИНЫХ
КОНСТАНТ»**

Есть в физике величины, которые принято считать постоянными. Скорость света, скорость вращения Земли, скорость звука, постоянная Планка...

А что, если изменятся эти константы? Например, увеличится в десять раз скорость света. Или быстрее начнет вращаться Земля. Оказывается, если сутки уменьшатся в семнадцать раз, то на Земле наступит невесомость...

Девять новелл этой книги познакомят вас со многими сложностями современной физики.

Ю. Фиалков
**«ЯДРО —
ВЫСТРЕЛ!»**

Пожалуй, нет сейчас науки, в которой не использовалась бы радиоактивность: физика и химия, медицина и биология, геология и астрономия, археология и даже палеонтология. Радиоактивность помогает человеку объяснить строение Вселенной, познать сложности микромира, разгадать законы природы. Обо всем этом вы узнаете из книги Ю. Фиалкова.

Р. Подольный «ПРО ЧУВСТВА»

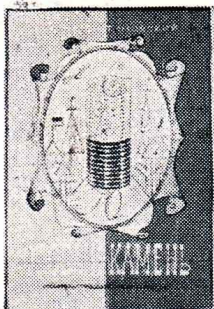
Сколько у человека чувств? Можно ли слышать кожей? И видит пальцами? Оказывается, человек гораздо больше знает об окружающем мире, чем о себе, о возможностях своего организма. А возможности эти, по мнению многих ученых, неисчерпаемы...

В книге вы найдете много смелых гипотез, интересных научных предположений.

Н О В Ы Е К Н И Г И О Н А У К Е Н О В Ы Е К Н И Г И

М. Константиновский

**«ОСОБЫЙ
КАМЕНЬ»**

В книге «Особый камень» собрано множество «магнитных историй». И об уроке магнитного языка, и о дне магнитного братства, и о многом другом.

В рассказах М. Константиновского сине-красные магниты оживают, они говорят человеческим голосом...

Вы, наверно, догадались, что сказочную страну автор придумал, чтобы было легче разобраться в сложных явлениях магнетизма, рассказать об открытиях, сделанных в этой области за последние годы.

К. Домбровский

**«ОСТРОВ
НЕОПЫТНЫХ
ФИЗИКОВ»**

«Остров неопытных физиков» — книга о физических константах. Это книга о науке, и вместе с тем это волшебная приключенческая повесть. Четверо московских школьников отменяют физические законы. Они переносятся в незнакомую страну, плывут на прославленном плоту «Кон-Тики», переживают много приключений и начинают понимать... Впрочем, о конце этой удивительной истории коротко не расскажешь. Прочитайте сами книгу К. Домбровского.

Г. ПАТЫНСКАЯ

Содержание

● НОВЫЕ КНИГИ О НАУКЕ ●

Ключ к номеру	1
Венская чашечка.— Рассказ М. Бондарюк. Рисунки Ю. Черепанова	2
Из «Книги зарисовок».— Стихи В. Лапина. Рисунки П. Пророкова	7
Люди с фрегата «Африка».— Повесть Вл. Крапивина. Продолжение. Рисунки Е. Медведева	8
Прекрасное право поэта.— Ф. Солянов	22
Заклятый цветок. Песня. Поезджане.— Стихи Я. Купалы. Переводы Э. Багрицкого и М. Исаковского. Рисунки Е. Капустина	22
Слон и радио.— Рассказ В. Драгунского. Рисунок Е. Шукаева	25
Наполеон. Электрическая лампочка.— Стихи Я. Сейферта. Перевел с чешского Л. Тоом	27
Жизнь и приключения театрального эскиза.— И. Уварова	28
В год пятидесятый, юбилейный	
Покоренный полюс.— А. Некрасов	33
Пионерский почтамт «Дружба». Рисунки Е. Медведева	38
Первые встречи с семьей Ульяновых.— П. Ф. Осколков	42
Кругосветка	48
Он создан весь земным теплом.— М. Бременер	50
Только для мальчишек.	
Пехота двадцатого века.— К. Трофимов. Фото Г. Омельчука, В. Кунаева, К. Куличенко	54
Неизвестные открывают свои тайны	55
Мэри Поппинс.— Повесть П. Л. Траверс. Продолжение. Перевод Б. Заходера. Рисунки Ю. Владимировой и Ф. Терлецкого	56
Смехотрон и Полиглот попадают в переплет.— Е. Ведерников, Ю. Постников	65
Дорога через улицу.— Н. Тарасов. Рисунки В. Неклюдова. Фото Ю. Абрамочкина	63
Алоэ. Повырастали и стали людьми.— Стихи А. Крестинского. Рисунки Н. Доброхотовой	73
Веселая игра Там-Там. Рисунки Б. Кыштымова	74
Пионерский глобус	77
Что нам читать?	78
На вклейках:	
Работы театральных художников.	
Покорение полюса. Карта-схема Н. Доброхотовой.	
На первой странице обложки:	
Волшебство театра. Рисунок Н. Доброхотовой.	

Главный редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Художественный редактор С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия: Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-15,

Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. Пархоменко.

А 00117. Подписано к печати 12/VI 1967 г.
8,82 усл. п. л. Тираж 860 200 экз.

Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Объем 5,25 физ. печ. л.
Изд. №1164. Заказ № 1467.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В поход, за полезными ископаемыми

Наступили школьные каникулы. Многие ребята уже собрались в поход, уложили свои рюкзаки. Сколько интересного увидят и узнают они во время своих путешествий!

Среди участников походов по родному краю найдется немало искателей новых месторождений полезных ископаемых. Можно заранее сказать, труд их не пропадет зря. Недра нашей страны таят в себе большие природные богатства: нужные народному хозяйству и промышленности сырье, строительные материалы.

Конечно, маршрут геологического похода нужно составить заранее, посоветоваться с работниками геологического управления или геологической партии, с активистами секции охраны недр местного совета Всероссийского общества охраны природы, получить от них конкретные задания на поиск.

Ребята будут искать полезные ископаемые не только там, где они выходят наружу. Вооружившись необходимыми инструментами, юные участники геологических походов смогут обнаружить ископаемые, залегающие не на большой глубине. Ребята соберут образцы минералов, запишут, где их обнаружили и когда.

Школьники Челябинской и Свердловской областей каждое лето отправляются в геологические походы. Изучая родной край, они стали первооткрывателями многих месторождений полезных ископаемых, помогли пополнить запасы сырья для металлургической, химической и многих других отраслей народного хозяйства. За выявленные месторождения им выданы поощрительные премии, грамоты, ценные подарки и памятные значки «Участнику геологического похода».

Пионеры и школьники, юные друзья природы, изучайте природу родного края, его богатства!

Умножайте ряды юных геологов!

В поход, на поиски новых месторождений полезных ископаемых!

ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

Мы играем в Там-там

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Вот какой Боря,
команда 56 школы
г. Москвы

Знакомьтесь, Боря.

ОТЯД
ЮНЫХ НАХИМОВЦЕВ. ГОЛ

СВИН

ЮНЬ ЮНЬ К
ШАХМАТИСТОВ. ГОЛ

ОСТОРОЖНО,

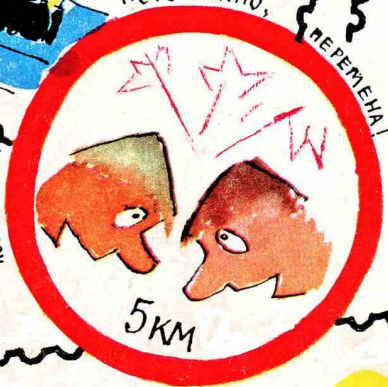
ПЕРЕМЕНА!

Жил - был мальчик
Боря...

ДУСТ

ДУМАЙ
СИЛЕННО,
ОБРАЖАЙ
ОЖЕ.
КОМАНДА 59-ШКОЛЫ
г. ОДЕССЫ

КОМ. 56 ШК

5км

СВИН

САМЫЕ ВЕСЕЛЫЕ
ИНХОДЧИВЫЕ
КОМАНДА 126-й
ШКОЛЫ г. МОСКВЫ.

НЕ НАСТУПИ! ГОЛ

ДУСТ

НЕ РАСПУСКАТЬСЯ! ГОЛ

НЕ ШУМИ, И ГОЛ

ГРЕБИ ОЧКИ
ДОПАТОЙ
КОМАНДА 115-ШКОЛЫ
г. МОСКВЫ

ДУСТ

ЗНАКИ